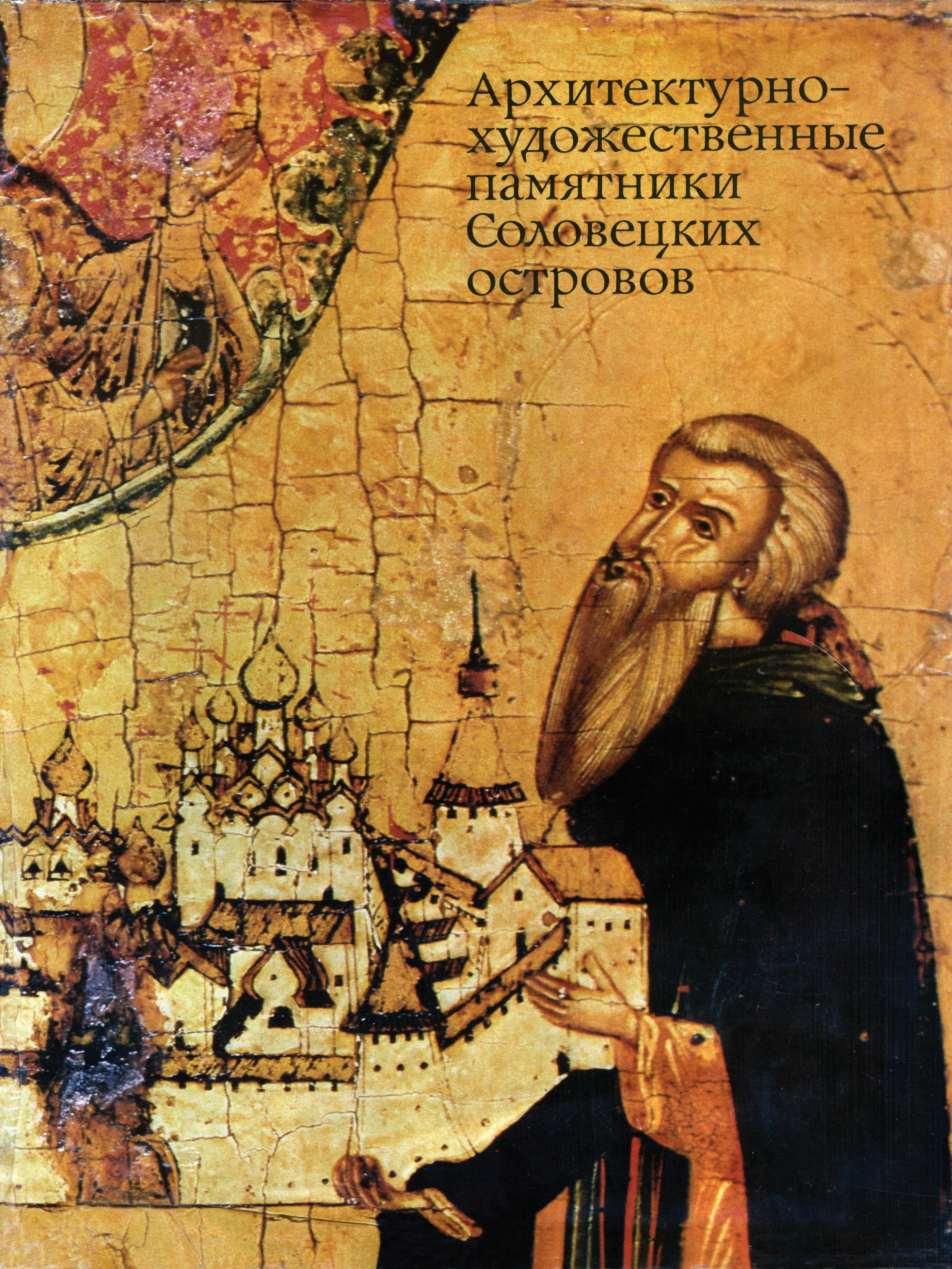

Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов

АРХИТЕКТУРНО- ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ СОЛОВЕЦКИХ ОСТРОВОВ

Под общей редакцией
Д.С. Лихачева

И сего
предъ
дъ лъно
с сора
ва жини
а цу лла
а муроне
р до стно
с мсто
о ниса
с а по м
с а о ш
с сине
с а дсе

Д.С. Лихачев

СОЛОВКИ
В ИСТОРИИ
РУССКОЙ
КУЛЬТУРЫ

Соловецкий монастырь вошел в историю русской культуры своим знаменитым собранием рукописей, своими каменными строениями XVI и XVII веков - единственным в своем роде комплексом светских инженерных и архитектурных сооружений Древней Руси, своим бесценным собранием икон, ныне рассеянным по многим музеям Советского Союза. Его значение в истории русского Севера с середины XV до начала XVIII века огромно.

Уединенный среди Белого моря на пустынном острове, избранном для скитской жизни, монастырь тем не менее распростер свою светскую - военную, феодальную и хозяйственную - власть на огромном пространстве и сыграл выдающуюся роль в феодализации общественно-хозяйственных отношений на русском Севере. Он постепенно распространил свое влияние на западе до границ Швеции, а на крайнем севере до самой Печенги, где соловецким выходцем монахом Трифоном был основан в XVI веке Трифоно-Печенгский монастырь. Соловецкий монастырь завязал культурные и религиозные связи с Афоном, Константинополем, Сербией. Он держал военные гарнизоны в Карелии и оборонял Белое море от вторжений иноземных кораблей вплоть до середины XIX века. Сотрясаемый внутренними противоречиями, он оказался в результате восстания в 1657 - 1676 годах во власти оппозиционных к господствующей церкви старообрядцев и избегших казни разинцев и восемь лет оборонялся против осаждавших его правительственных войск. Он был местом ссылки и заключения для неугодных правительству религиозных и государственных деятелей, сыгравших выдающуюся роль в его культурной жизни.

Начало Соловецкого монастыря

Очень характерно и в известной мере символично то обстоятельство, что конец XV века - вернее, его последняя четверть - был временем заката новгородской независимости и одновременно наибольшего территориального расширения монастыря в районе Белого моря.

Символично и то, что смерть Зосимы - последнего из соловецких «начальников», то есть основателей монастыря, - совпала по времени с окончательным падением новгородской независимости: то и другое произошло в 1478 году. Успев укрепить монастырь богатствами и независимостью экономической и, в известной мере, политической, Новгород передал ему свою организующую роль на Севере. Москва не разорила этого новгородского наследника, а напротив - стала в свою очередь всячески поддерживать, умножая его владения, богатства и военную силу. Уже в следующем после падения Новгорода 1479 году по ходатайству соловецкого игумена Феодосия Иваном III была выдана Соловкам грамота, в которой подтверждалось право монастыря на владение Соловецкими островами, - право, которое дала монастырю знаменитая защитница новгородской свободы - Марфа Посадница. История Соловков - это история всего русского Севера - большой страны в течение XV, XVI, XVII столетий. Эта страна входила в состав Московского государства, но наследовала элементы относительной самостоятельности Новгорода. Соловецкий монастырь укрепился тогда, когда пал Новгород и значение Новгорода для русского Севера не могло быть сразу и полностью подхвачено Москвой. Своим началом Соловецкий монастырь непосредственно связан с двумя другими северными монастырями - Кирилло-Белозерским и Валаамским. Согласно сравнительно поздним житиям основателей Соловецкого монастыря, инок Кирилло-Белозерского монастыря Савватий после долгого пребывания в монастыре решил скрыться в «безмолвное место». Он перешел в Валаамский монастырь на Ладожском озере; здесь пробыл немалое время и приобрел уважение братии.

Ища еще большего уединения, он пошел дальше на север - к Белому морю.

Когда же появился Савватий на Соловецком острове? Обычно за дату приезда Савватия на Соловки принимается 1429 год. Эта дата заимствована из позднего Соловецкого летописца, где она вычислена на основании разных косвенных и, по-видимому, неверных соображений.

В ранних житиях даты приезда нет, но, по всему судя, Савватий прибыл туда позднее. В Житии Савватия и Зосимы Соловецких, составленном Спиридоном, сказано, что Савватий подвизался в Кирилло-Белозерском монастыре в 1436 году при митрополите Фотии и великом князе Василии Васильевиче. В других житиях указано, что Савватий жил в Кирилло-Белозерском монастыре «многая лета» «во дни» великого князя Василия Васильевича Московского (даты его правления - 1425 - 1462), Бориса Александровича Тверского (1425 - 1461), Федора Ольговича Рязанского (1387 - 1427), митрополита Фотия (1409 - 1431), новгородского архиепископа Евфимия Брадатого (1423 - 1429). Если следовать строгим указаниям дат правления всех этих лиц, то Савватий провел в Кирилло-Белозерском монастыре не «многая лета», а всего два года (1425 - 1427), то есть еще при жизни основателя Кирилло-Белозерского монастыря Кирилла, умершего в 1427 году. Странно, однако, что Кирилл в этом перечне не упомянут. По-видимому, указание на «правителей» сделано в Житии Савватия и Зосимы приблизительно. Но даже если принять эти указания за точные и считать, что Савватий покинул Кирилло-Белозерский монастырь в 1427 году, то и тут следует учесть, что, поселившись на Валааме, Савватий пребывал там «не мало» времени, имел учеников и покинул его «по нескольким летех», то есть никак не мог прийти на Соловки в 1429 году. Уточнить хронологические данные об основании и первоначальной истории монастыря можно будет только после подробного исследования истории текста всех списков Жития Савватия и Зосимы Соловецких, пока же наиболее вероятным временем прибытия Савватия на Соловки можно принять 30-е годы XV века, и то вероятнее - их вторую половину.

Можно сомневаться в том, что Соловецкий остров до прихода туда Савватия и Германа был действительно «пуст и никем не ведом», как указывается в Житии. Во всяком случае, Савватий узнал о существовании Соловецкого острова, живя в Валаамском монастыре. По свидетельству Жития, приход Савватия вызвал опасения местных жителей. Возможно, это были приезжие рыбаки. Обыкновение приезжать летом на промысел в пустынные места до сих пор существует в некоторых местах на Белом море. Вряд ли Соловки имели постоянных жителей, проводивших здесь долгую зиму в отрыве от материка. Однако Соловки отнюдь не следует считать островами «никем не ведомыми». Следы человека восходят здесь ко временам до нашей эры. Таковы Знаменитые «соловецкие лабиринты», связанные своим происхождением с какими-то культовыми языческими обрядами, общими для всего европейского Севера [См. : Виноградов П. Соловецкие лабиринты. Их происхождение и место в ряду однородных доисторических памятников. - Материалы Соловецкого Общества краеведения. Вып. 4. Соловки, 1927; Виноградов Н. Новые лабиринты Соловецкого архипелага. - Материалы Соловецкого Общества краеведения. Вып. 12. Соловки, 1927.]. О том, кто посещал Соловки и зачем, мы можем отчасти судить по той грамоте, которая была выдана соловецким монахам Новгородом на владение Соловецкими островами; там значилось: что «боярам новгородским, ни корельским детям, ни иному никому ж в тыи острова не вступатися в страдомую землю, ни в пожне, ни в тоне, ни в ловища, ни черенов не наряжати (то есть не делать солеварен. - Д. Л.), ни лесов не полесовать никому же... А хто приедеть на тыи острова на ловлю, или на добыток, на сало, или на кожу, ино всим тым давати в дом святого Спаса и святого Николы (т. е. в Соловецкий монастырь. - Д. Л.) изо всего десятина» [Грамоты Великого Новгорода и

Пскова. Под ред. С. Н. Валка. М. - Л., 1949, с. 152 - 153.]. Ясно, что здесь говорится не о воображаемых людях и не о воображаемом использовании природных богатств островов, а о вполне реальных и в какой-то мере обычных. Из этого ясно также, что постоянных жителей на островах не было, а добытки приходили с материка летом, чтобы на зиму его покинуть.

* * *

О первоначальной истории Соловецкого монастыря мы узнаем только из житий соловецких «начальников», то есть тех соловецких святых, с которых «начался» Соловецкий монастырь - Савватия, Зосимы и Германа. Жития эти представляют собой исключительный интерес для истории древнерусской литературы. Они показывают постепенное нарастание требований к литературной «украшенности» житий и интенсивность работы по их литературной отделке.

В редакции Жития, принадлежащей знаменитому основателю Соловецкой библиотеки игумену Досифею [См. об игумене Досифее в статье Н. Н. Розова.], после рассказа о погребении им Зосимы обычно помещается «Сказание о сотворении жития Зосимы и Савватия» [См. Православный собеседник. Ч. 2. 1859, с. 218 и след.]. Сказание это часто приводится в работах по древней русской литературе как показание самого древнерусского сочинителя о своей работе. Нет ни одного другого Жития, в котором с такой подробностью и полнотой была бы рассказана первоначальная история создания Жития - по чьей инициативе и как составлялись различные его редакции. Вот как представляется литературная история Жития. Первоначально известны были только устные рассказы о Зосиме и Савватии их сподвижника Германа, который прожил значительно дольше их. Именно он и велел клирикам записать то, что знал об обоих. Когда Герман скончался, записи его рассказов были «в небрежении». Монахи «нерадиша о писании том». Причина ясна - Зосима и Савватии были еще не канонизованы и рассказы о них не имели церковного значения. Это были своего рода «свидетельские показания» - материалы для будущей канонизации, которая несомненно уже предвиделась: основатели монастырей обычно причислялись к лику святых, когда монастырь достаточно разрастался и получал церковный авторитет.

Простые рассказы Германа, изложенные в «списании», были взяты для прочтения каким-то иноком Кирилло-Белозерского монастыря и пропали. Тогда ученик Зосимы, игумен Досифей, по совету новгородского архиепископа Геннадия, знавшего Савватия по Валаамскому монастырю, где Савватии пребывал до Соловков, написал Житие Зосимы и Савватия Соловецких. Досифей был опытный книжник, но монашеское самоуничижение заставило его называть свой труд «неискусным». Труд Досифея несомненно предназначался для канонизации и с этой целью был представлен митрополиту Геннадию, а такого рода предварительные жития всегда фактичны и просты. Труд Досифея скорее документ, чем житие, и был призван заменить пропавшие записи рассказов Германа.

В предисловии к Житию Зосимы и Савватия, написанном знаменитым Максимом Греком, последний по-другому объясняет, почему Досифей написал свое житие просто и «неухищренно», то есть без излишней витиеватости и литературных украшений. Вокруг Соловков, говорит Максим Грек, жили люди «мало сведуще российского языка»: «ижера, чудь, лопь, вдале же каане и мурмане и инии мнози языцы» [Там же, с. 215.]. Многие из этих народов приходили в обитель и здесь постригались, становились монахами. Именно для этих народов, мало сведущих в российском языке, и следовало писать просто, безо всякого «добрословия».

Среди этих народов монастырь распространял православную веру - до самого варяжского города Варгав, вблизи которого был основан затем на реке Печенге

монастырь св. Троицы. Здесь в «пустыни яко град сотворися» [Там же, с. 217.].

Труд Досифея был замечателен своею историографической точностью. Досифей подробно указывает, на основании каких сведений он составлял Житие Савватия и Зосимы. Он пишет, что не смог установить ни года, ни места рождения, ни времени пострижения Савватия, так как «много бо лета прешла суть до написания сего». Устные расспросы не дали каких-либо результатов. О Зосиме Досифей писал со слов его учеников; записывал, например, от некоего инока Пахомия и т. д.

По дороге в Москву Досифей заехал в Ферапонтов монастырь, где в это время находился низложенный митрополит Спиридон Савва. Спиридон был искусным книжником и известен как автор Родословия литовских князей [См. О нем: Дмитриева Р. П. Сказание о князьях Владимирских. М. - Л., 1955.]. Досифей уговорил Спиридона написать украшенное всеми литературными красотами житие. Это было сделано в 1503 году. Спиридон дополнил труд Досифея похвалами, снабдил его предисловием, где отметил, что основой труда послужило сочинение Досифея. Но и Спиридоновой пышности и «стройности» оказалось недостаточно, и позднее Житие, написанное Спиридоном, было еще раз переработано и расцвечено литературными красотами уже упомянутым выше Максимом Греком по «понуждению» кого-то из соловецких старцев. Но и Максимова Жития Зосимы и Савватия Соловецких показалось соловецким старцам недостаточно; они обратились с просьбой написать похвалы Зосиме и Савватию не то на Афон, не то в Сербию к сербскому книжнику Аниките Льву Филологу, составившему перед тем Житие князя Михаила Черниговского и его боярина Федора, погибших в XIII веке в ставке Батия и причисленных к лику святых.

Сохранилось письмо Аникиты Льва Филолога, которым он сопровождал похвальные слова [Похвальные слова напечатаны в Православном собеседнике (Ч. 3, 1889) с неправильной атрибуцией как написанных Зиновием Отенским. О принадлежности их Аниките Льву Филологу см. : «Прибавления к изданию святых отцов». Ч. 18, М. , 1859, с. 522 - 547. См. также: Лихачев Д. Забытый сербский писатель первой половины XVI века Аникита Лев Филолог. - В кн. : Горски Vujenau A Garland of Essays offered to Prof. El. M. Hill. Cambridge, 1969, s. 215 - 219.] Зосиме и Савватию при отсылке их в монастырь. Он пишет в нем соловецкому монаху Богдану, которого называет «русином»: «Удивляюсь тебе, как найдя скверную раковину (он понимает под раковиной самого себя. - Д. Л.), решился ты ее раскрыть. Что могла она представить тебе кроме зловония? Может быть, впрочем, - пишет он дальше, - великий бог, награждая труд твой, даст тебе жемчуг слова, которого ищешь в скверном сосуде моего сердца». Впрочем, призвав на помощь святого архиепископа сербского Савву, который был не только святым, но и образцовым писателем, Аникита Лев Филолог надеется, что его труд окажется достойным Зосимы и Савватия. Далее в своем письме Лев Филолог пишет, что о Зосиме и Савватии он узнал только от Богдана. Мы не знаем, рассказывал ли Богдан Льву или подал ему на переделку какие-то «сказания», составленные соловецким игуменом Досифеем, архиепископом «великой Руси» Спиридоном, и «иным братом, писавшим последи», из которых в своем изощренном сочинении Лев сохранил некоторые северорусские слова: «клокот» (шум), «кережа» (повозка подобная лодке), «карбас», «буса», «обласа» (разные типы беломорских судов). По упоминаемым в похвальных словах Зосиме и Савватию событиям и лицам видно, что Аникита Лев Филолог писал их между 1534 и 1542 годами. По некоторым признакам можно судить о том, что Богдан, «русин», в чем-то непосредственно помогал Льву. Так, например, приводя цитату из Григория Богослова о том, как дельфин, поднимаясь из глубины моря на его поверхность, играет около корабля, Лев Филолог вместо дельфина назвал неизвестную на юге беломорскую белуху, «пыекающую» около кораблей.

Замечательная особенность похвальных слов Льва Филолога состоит еще в

том, что в них заметно влияние русского писателя XII века Кирилла Туровского. Особенно Это касается его описания «царицы времен» - весны.

Где мог познакомиться Лев Филолог с произведениями русского писателя XII века Кирилла Туровского? Списки этих произведений известны в южнославянских странах. Были они несомненно и на Афоне. Пред нами замечательное явление: свидетельство многократного общения русских и сербских писателей - общения, захватившего собой и Соловки.

Все эти посвященные Зосиме и Савватию труды, выполненные заботами соловецких старцев, в своем роде замечательны. Литературное >мению достигло здесь степени литературной виртуозности. Жития и похвалы отвечали наиболее изысканным вкусам своего времени и должны были производить глубокое эстетическое впечатление на современников. Производили впечатление и имена авторов этих произведений - лучших книжников своего времени.

Как же происходило, по всем этим литературным произведениям, первоначальное устройство монастыря?

* * *

Скрывшись тайно ночью из Валаамского монастыря, Савватий дошел до Белого моря и здесь у местных жителей стал расспрашивать о Соловецком острове. Он узнал, что плыть до острова следует два дня, что остров велик, в окружности сто «поприщ», имеет много озер, полных рыбы, отличной от той, что водится в море, что к острову приходят рыбаки, ловят вокруг него рыбу и уходят «восвояси», что остров покрыт разнообразными деревьями. Горы покрыты бором, а «по раздолиям» растет «всяко древо» и различные ягоды. Узнал он, что растут на острове и превеликие сосны, годные для строительства храмов, и что они «на вся потребности благостройны». Жители предупреждали Савватия, что жизнь на острове будет трудна. В ответе Савватия жителям есть указание на его возраст: Савватий говорил, что есть у него такой Владыка, который дряхлости дает силы юности.

Савватий пришел к устью реки Выга и здесь в месте, называвшемся Сорочи, нашел часовню, а в ней старца Германа, который бывал на Соловках. Герман согласился поселиться на острове вместе с Савватием. Они взяли с собой съестные припасы и земледельческие орудия и пристали к острову вблизи самой высокой вершины Соловков - горы Секирной, на которую, очевидно, и ориентировались в море. Савватий и Герман водрузили крест на ближайшем к Секирной горе большом пресноводном озере и здесь поселились (теперь это место называется Савватиево). Здесь у Савватия и Германа произошло столкновение с местными жителями. По словам Жития, жители Корельского берега отправили на Соловки семью рыбаков для того, чтобы они жили там постоянно. Сделано ли было это нарочито, чтобы изгнать пришельцев, или постоянные жители уже имелись к тому времени на острове, - сказать трудно. Жития святых любят несколько преувеличивать пустынную тех мест, где селились первые подвижники.

Во всяком случае, семья рыбаков считала себя владелицей тех мест. Однажды, рассказывается в Житии, Савватий вышел из кельи, чтобы покадить крест, поставленный им по приезде, и услышал крики неизвестной женщины. Савватий позвал Германа. На вопрос Германа, о чем плачет женщина, та рассказала, что она встретила двух светлых юношей, которые высекали ее и приказали ей с мужем покинуть остров. Немедленно после этого события рыбаки и его жена уехали с острова.

Легенда эта, хотя и имеет все признаки топонимической легенды, придуманной для объяснения названия горы «Секирной», тем не менее характерна: остров не был «ничейным», его считали своей собственностью жители Корельского берега.

После этого случая, говорится в Житии, сюда продолжали летом приплывать рыбаки, но никто не оставался здесь для постоянного жительства.

Через шесть лет отшельничества Герман отплыл с острова, чтобы приобрести нужное для продолжения там жизни. Савватий остался один и, почувствовав через немалое время приближение смерти, отправился на небольшой лодке на материк. В десяти верстах от устья Выга он встретил игумена Нафанаила и просил причастить его перед смертью. Нафанаил, который спешил напутствовать какого-то больного, просил Савватия подождать его до утра в часовне. Но Савватий настаивал на своей просьбе: «Не весте, что утро будет». Нафанаил исполнил просьбу Савватия. Савватий пошел к часовне, куда к нему зашел прибывший на своем корабле некий купец Иоанн. Савватий говорил с Иоанном и преподавал ему наставления. Иоанн предложил ему большое подаяние. Савватий просил его раздать это подаяние бедным. Иоанн собрался уезжать, но Савватий обратился к нему с просьбой остаться до утра, сказав ему, что он не пожалеет о том и путь его будет покоен. Купец решил все же отправиться, но едва он вышел из часовни, как поднялась буря, и ему пришлось ночевать на берегу. Утром Иоанн пришел к часовне, но увидел Савватия умершим на молитве в куколе и мантии. Вернувшийся к тому времени игумен Нафанаил и Иоанн погребли Савватия близ часовни.

Через год после смерти Савватия на Соловках появился новый отшельник - Зосима, который и стал основателем Соловецкого монастыря.

Зосима родился в селе Толвуе недалеко от Онежского озера. Юношей Зосима ушел из дома отшельничать в уединенное место, но не порвал связи с родительским домом. Только после смерти родителей он решил искать безмолвия и воздвигнуть обитель вдали от мирской суеты. На севере близ устья Сумы он нашел того же старца Германа, и тот рассказал ему о Савватии и Соловецком острове. Зосима уговорил Германа проводить его до Соловков. Здесь вблизи моря и озера они поставили шалаши («кущи»). В первую же ночь Зосиме было видение: будущая великая церковь на воздухе. Зосима рассказал о своем видении Герману, Герман же рассказал Зосиме об ангелах, прогнавших при Савватии рыбаков с острова, предназначенном для иноческого жития. Зосима и Герман выстроили себе кельи, а через некоторое время Герман отправился на материк за припасами, но осеннее ненастье воспрепятствовало Герману возвратиться на остров. Для Зосимы наступила пора отшельнических подвигов на пустынном острове в условиях суровой зимы. Зосима испытал лишения, его посетило видение и, наконец, он получил помощь хлебом, мукой и маслом от двух неизвестных людей, которых благочестивые авторы Жития сочли за ангелов. Весной Герман вернулся на остров с рыбаком Марком, который и поселился вместе с отшельниками.

К Зосиме и Герману стала собираться братия. Был построен первый деревянный храм на месте видения Зосимы, посвященный Преображению Спаса, с приделом Николая. Отсюда обитель стала часто называться в документах «домом Спаса и Николая Чудотворца». Освящение храма совершилось не сразу. По церковным установлениям требовалось получить антиминос для престола. Один из братии отправился в Новгород к архиепископу Евфимию, но тот не дал антиминоса, сомневаясь в том, что у монахов достанет сил бороться с суровой природой и с дикими лопарями, соседствовавшими с обителью. Только новгородский архиепископ Иона (1458 - 1470) прислал антиминос и первого соловецкого игумена - Павла.

Житие Савватия и Зосимы сообщает о том, чем занимались первые обитатели Соловков. Они копали огорбды, рубили дрова и варили из морской воды соль, которую меняли на хлеб у промысловиков. Началась борьба с боярскими людьми и корельскими жителями Беломорья, приезжавшими сюда и считавшими остров своей собственностью. Первый игумен Павел не снес тяжелых условий жизни и уехал. Такова же была судьба и двух назначенных сюда из Новгорода игуменов - Феодосия и Ионы. Решили избрать игу-

мена из своей среды. Зосима предложил одного из иноков - Игнатия, но иноки упростили Зосиму принять на себя игуменство. Братия тайно отправила в Новгород к архиепископу одного из монахов просить поставить им игуменом Зосиму. Архиепископ вызвал Зосиму и убедил его принять священство (для поставления в игумены недостаточно было быть монахом, требовалось стать иеромонахом, имеющим право совершать литургию) и стать игуменом. Новый игумен - Зосима - приехал на Соловки с богатыми дарами, собранными им в Новгороде.

Начались годы устроения монастыря, выработки строгого монастырского устава, строительства еще одной церкви - Успения и нового храма на месте старого - Преображения. Братия умножалась, и монастырь крестил жителей Беломорья - корел, финнов, лопарей и норвежцев.

По-видимому, бывший игумен монастыря Иона, живший в Новгороде, исхлопотал от Марфы Борецкой и ее сына Федора дарственную грамоту для монастыря на земли, деревни, пожни, лес, ловища водные и «лешие» (то есть лесные) озера у реки Сумы. Другая грамота была получена за печатями архиепископа Ионы, и пяти новгородских концов на владение островом и всеми его угодьями. О грамотах этих не говорится в Житии, но они сохранились, и даты их составления определяются временем архиепископства Ионы - 1458 - 1470 годами.

Когда Соловецкий монастырь окреп, Кирилло-Белозерский монастырь решил напомнить о том, что Савватий был его иноком. В 1465 году была прислана Зосиме грамота от старцев Кирилло-Белозерского монастыря с предложением перенести в Соловецкий монастырь с реки Выг мощи Савватия, что и было исполнено. Открытие мощей и перенос их описывается в Житии с подобающими такого рода событию чудесными обстоятельствами.

Затем в Житии рассказывается о втором путешествии Зосимы в Новгород. Оно было вынуждено тем, что боярские люди и поморские жители продолжали по традиции пользоваться островом как своей собственностью и грозили разорить монастырь. В Новгороде Зосима обратился за помощью к Марфе Борецкой, которой принадлежал первоначально Соловецкий остров, но Марфа, рассерженная на Зосиму по наговорам своих людей, приказала выгнать Зосиму из своего дома. С подобающим христианину смирением покинул Зосима дом Марфы и со вздохом сказал своему спутнику: «Настанут дни, когда обитатели этого дома не будут ходить по двору, затворятся двери дома и более не отворятся, запустеет двор». Другие бояре принимали Зосиму и вскоре Марфа раскаялась и пригласила его к себе. Зосима пришел, его посадили за обедом на почетное место, но старец по своему обыкновению мало ел и сидел, опустив глаза долу, как подобало монаху. Подняв глаза, он увидел шестерых людей, сидевших без голов. Трижды поднимал глаза Зосима и трижды видел обезглавленных. Зосима прослезился и больше не прикасался к еде. Когда он уходил из дома, ученик Зосимы Даниил спросил его, что значили его слезы? Зосима втайне открыл ученику свое видение. Вскоре, в 1478 году, Иван III ходил походом на Новгород и казнил как раз тех, кого Зосима видел без голов, а Марфа с сыном Федором и дочерьми была отправлена в ссылку. Эти два чуда Зосимы были очень популярны и в древней литературе и в многочисленной литературе XIX века о конце новгородской независимости.

Смерть Зосимы описана в Житии со всеми этикетными подробностями, полагающимися при описании смерти святого. Почувствовав приближение кончины, Зосима собрал братию, указал на одного из своих учеников как на своего преемника и произнес наставление. Умер Зосима 17 апреля 1478 года - в год, когда Новгород потерял свою независимость.

Далее в Житии описываются посмертные чудеса святых. Их чтили сперва в местном порядке, а при митрополите Макарии в 1547 году на Московском соборе Савватий и Зосима были канонизированы и почитание их распространилось во всей Русской церкви.

Деятельность на Соловках Филиппа Колычева в середине XVI века

В середине XVI века разросшиеся доходы монастыря от его владений, главным образом от солеварниц, и личные средства, вкладывавшиеся игуменом Филиппом Колычевым, будущим митрополитом, в монастырское хозяйство, позволили начать обширное строительство и организовать в нем различные технические усовершенствования.

Комплекс построек, осуществленных при игумене Филиппе, - это не только замечательный памятник истории русской архитектуры середины XVI века, но и единственный памятник русской технической мысли.

Начало строительной деятельности игумена Филиппа относится к 1552 году. В этом году началось сооружение каменной церкви Успения, связанной с этой церковью одностолпной трапезной и келарни [Келарь - монах, ведающий монастырскими съестными припасами, столом и кладовой. Келарня - помещение, подведомственное келарю: кладовая и канцелярия.]. Это единое сооружение в центре монастыря заключало в себе также придел Усекновения главы Иоанна Предтечи над Успенской церковью, звонницу над трапезной, хлебопекарню под церковью, хлебные и квасные погреба под трапезной, хлебную и мукосейную службу под келарней. Через шесть лет, в 1558 году, началось сооружение Преображенского собора «на погребах» с шестью приделами - четырьмя наверху по углам и двумя внизу.

Этими двумя комплексами строений был организован монументальный центр монастыря. Впоследствии все эти постройки были связаны между собой другими зданиями и высокими галереями, позволяющими обитателям монастыря переходить из здания в здание, не выходя из помещений в мороз и ненастье. Это был принцип большого северного крестьянского двора, где проникнуть во все хозяйственные постройки можно было, не выходя из строений.

Строительство каменного центра монастыря потребовало не только огромных средств, но и довольно сложной доставки строительного материала: извести, известняковой плиты и кирпича. За известью снаряжались целые флотилии по пятнадцати лодей одновременно.

На самом острове был возведен кирпичный завод («печи и анбары»), выделявший кирпич очень высокого качества, разных размеров и формы.

Сооружения монастыря отличались высокой строительной техникой. Трапезная палата была самой обширной одностолпной палатой своего времени, а Преображенский собор - значительно превосходил по высоте Успенский собор Московского Кремля. Замечательна и обдуманность, с которой он был построен. Собор был на пологом месте, на перешейке, отделявшем высокое по уровню воды Святое озеро от более низкого Залива Благополучия. Поэтому мастера стремились сделать его возможно более устойчивым и создающим впечатление прочности и массивности.

Стены собора опирались на очень широкий фундамент и сужались кверху, создавая покатошь наружных стен. Сужаясь кверху по наружной поверхности, стены как бы заключали в себе скрытые контрфорсы. Чтобы придать устойчивость зданию, построенному на покатошь плоскости, строители сдвинули его центр на восток, к Святому озеру. «Центр тяжести» собора находится у самой алтарной преграды. Барабан собора также сдвинут на восток и опирается на два огромных столпа с запада и на алтарную стену с востока. Это дало лучшее освещение глухой алтарной стене с большим и высоким иконостасом. Собор, построенный на песчаном и каменистом грунте, казался устойчивым, прочным, незыблемым. Он как бы вырастал из почвы,

из камней. Высота собора позволяла ему служить маяком для судов, приближавшихся к острову.

На собственные средства Филипп соединил Святое озеро с пятьюдесятью двумя другими озерами каналами, что значительно подняло уровень Святого озера и позволило устроить в монастыре водопровод и водяные мельницы. Были проведены дороги в трудных условиях каменистых и болотистых почв острова, заведены сенокосные пожни для скота, построены в монастыре деревянные и каменные кельи: «четыре избы великие новые и клетки».

На большом Муксаломском острове был сооружен скотный двор. На берегу Святого озера устроена кузница, изделия которой отличались высоким совершенством. Здесь изготавливались топоры, лопаты, отливались котлы, колокола, делались огромные сковороды (црены) для солеварен и производилась художественнаяковка замков, решеток, дверных скоб и т. д.

Филипп соорудил каменную корабельную пристань на Большом Заяцком острове - сейчас самую старую из сохранившихся русских пристаней.

В выстроенных при Филиппе кирпичных заводах была улучшена технология производства кирпича. Раньше копали и мяли глину рабочие, теперь это стали делать с помощью волов и лошадей. При постройке зданий кирпич и известь стали поднимать наверх специальным блоком, действовавшим от ворота, который крутили лошади.

Кроме того, были проведены различные усовершенствования в мукомольном и сушильном деле. Специальные устройства были сделаны для подсевки ржи - в особую телегу рожь насыпалась «сама» и «сама» высыпалась на сушильню. Работы в севальне были ускорены и облегчены: «десятью решеты один старец сеет». Было устроено решето, которое также «само» сеяло и насевало, отдельно «разводило» муку и отруби, сеяло крупу и отделяло «крупу» от высевков. Для веяния зерна были поставлены специальные мехи, приводившиеся в движение мельницей. Если раньше квас разливали из чанов «вся братия и слуги многие», то при Филиппе его стали подавать в погреб по трубам и по трубам же разливать в бочки. Всю работу производил один старец и пять слуг.

В леса острова были выпущены олени, шкуры которых использовались для изготовления одежды. Одна из морских губ была перегороджена каменной дамбой и превращена в садки для рыбы. В не меньших масштабах велась организация соляных и железных промыслов.

Монастырские «тиуны» и «доводчики» стали получать жалованье. Были заведены «слуги нарядные», то есть управляющие, имевшие различные поручения. Согласно Житию Филиппа, он «горы великие прекопа и удолия избразди и воду текущи от езера в езеро сотвори... и два источника сотвори и под монастырь во езеро проведе, в толчею же и мельницу ко успокоению братскому сотвори... палаты благостройны содела двоеровны и троеровны (двухэтажные и трехэтажные. - Д. Л.) в соблюдение монастырских потреб...» [Рукопись жития митрополита Филиппа. Гпб., Солов, собр. № 191, л. 2 об., 3].

Исследователь соловецкого хозяйства А. М. Борисов предлагает «не преувеличивать» роль Филиппа: «Ведущая роль в технических новшествах принадлежала ремесленникам и мастерам» [Борисов А. М. Хозяйство Соловецкого монастыря и борьба крестьян с северными монастырями в XVI - XVII веках. Петрозаводск, 1966, с. 72.]. Это безусловно так, но организаторская роль Филиппа также должна учитываться.

Хозяйственная деятельность Филиппа служила примером для всех остальных игуменов и архимандритов монастыря, и канонизация Филиппа в XVII веке немалое этому способствовала.

Как известно, Филипп был вызван на Москву Иваном Грозным в 1566 году и затем «ругательно» сведен с митрополичьего престола в 1568 году за непокорность и смелые обличения Грозного, а затем замучен Малютой Скуратовым в Тверском Отроче монастыре в 1570 году.

В 1591 году мощи митрополита Филиппа были перевезены из Твери на Соловки. В Минеи, напечатанной в 1636 году в Москве, была помещена служба Филиппу. В 1652 году при царе Алексее Михайловиче мощи Филиппа были торжественно перевезены в Москву и установлены в кремлевском Успенском соборе. При этом замечательно, что перевозил мощи Филиппа будущий патриарх - новгородский митрополит Никон, сам когда-то бывший соловецким постриженником. Перед тем как перевезти мощи, Никон читал в Преображенском соборе царское послание к умершему Филиппу и вложил в руку покойного собственноручную грамоту царя, в которой Алексей Михайлович просил прощения у Филиппа за Ивана Грозного. Это был важный политический акт, в котором государь перед лицом всего народа открыто и торжественно отрекался от кровавого террора, применявшегося в управлении страной Грозным, и обещал за себя и своих потомков никогда не повторить прошлого.

Военное значение монастыря в XVI и XVII веках

В XVI и XVII веках Соловецкий монастырь держал оборону всего русского Севера - от Мурманского берега и до западной Карелии - всего Поморья. Соловецкий монастырь был не только крепостью, но и тем распорядительным центром, от которого исходило общее руководство оборонительными приготовлениями, а в случаях нападения - и военными действиями.

Впервые военная угроза монастырю возникла в 1571 году, когда у Соловков появились шведские военные корабли. Москва установила наблюдение за кораблями, а в 1578 году, откликаясь на просьбу монастыря о военной помощи, прислала на остров воеводу Михаила Озерова, четырех пушкарей, десять стрельцов, сто «ручниц», пять «затинных пищалей» (пушек). Из Вологды тоже прибыли пушкарки, были привезены еще четыре пищали, запас ядер и пороха. Воевода Озеров набрал девяносто пять стрельцов и построил вокруг монастыря деревянный острог.

Начальником крепости стал игумен, которому из Москвы приказывалось решать все военные дела вместе с воеводой Озеровым. Помощь московского правительства продолжалась и в 1579 году, когда монастырские владения в Кемской волости подверглись нападению с суши «каянских немцев», то есть шведов. Плохо обученные стрельцы были разбиты, а сам воевода Озеров убит.

Новый воевода Киприан Аничков принял энергичные меры, набрал и обучил новых ратников, соорудил Ринозерский острог на финляндской границе и успешно отбил в нем в декабре 1580 года нападение трехтысячного шведского войска, захватив богатые трофеи.

Военная помощь монастырю все возрастала, а кроме того, делались новые и новые вклады. Грозный понимал значение монастыря как крепости в обороне русского Севера.

Летом 1581 года Аничков получил из Москвы указания по обороне. Ему предписывалось летом охранять монастырь, а в зимнее время держать войско на берегу. То же было повторено и сменившему в 1582 году Аничкова - Ивану Окучину. Соловецкие войска вели, таким образом, сезонную оборону, - летом сосредоточиваясь главным образом на Соловках, а зимой переезжая для обороны на материк. В 1582 - 1583 годах был построен Сумский острог, а в 1582 или 1584 году по указу царя Федора

Иоанновича на месте деревянного острога началось возведение знаменитой каменной стены вокруг Соловецкого монастыря, способной выдержать сильную бомбардировку артиллерии. Строительство велось на средства монастыря, и это давало монастырю новые права и преимущества в собирании вокруг себя поморских земель.

Строительство монастырской стены было материально подкреплено различными правительственными дарениями и частичным освобождением монастырских земель от обложений.

Работами по сооружению крепостных стен монастыря ведал монах Трифон из крестьян села Неноксы. Стена имела восемь башен. Башни эти имели и официальные и народные названия. В монастырских документах чаще всего фигурируют первые. По старой церковной традиции монастырские ворота и башни назывались обычно по тем церквям, к которым вели ворота или у которых башни находились, но народные названия были и более простыми и более выразительными. Так, например, прямоугольная башня, выходившая к бухте Благополучия, против церкви Успения, официально называлась Успенской, а народное название ее было - Оружейная, или Сельдяная. В башне этой был арсенал, и недалеко от нее находились Сельдяные ворота, через которые обычно отправлялись на промысел монахи-рыбаки. Архангельская башня, выходившая к Святому озеру, называлась также Водяной, Кожаная башня - Сторожевой, так как с нее следили за приближением кораблей, а впоследствии ее стали называть Арестантской, так как рядом с ней находилась монастырская тюрьма.

Длина монастырских стен составляет более километра, а толщина их (5 - 6 м) превосходит толщину стен Московского Кремля. Монастырь тщательно следили за сохранностью стен, и ведал ими один из двенадцати монастырских старцев, называвшийся «городничий старец».

Война России со Швецией 1590 - 1593 годов отразилась и на севере - три года шведские воеводы опустошали Беломорье и Кольский полуостров. В 1590 году шведы сожгли Печенгский монастырь на Кольском полуострове и перебили всех его жителей: шестьдесят пять мирян и пятьдесят одного инока. Они разорили также окрестности Колы, но не смогли овладеть самим острогом, незадолго перед тем построенным. В том же году шведы разорили земли по рекам Ковде, Умбе, Керети и Кеми. В 1591 году шведы снова подошли к Коле. Во время другого похода они подошли к Сумскому острогу, сожгли его посад, но острога не взяли.

В 1592 году снова были разорены и опустошены земли от Ковды и Керети до Вирмы и Сухого Наволока, но Сумский острог не был взят: стрельцы и крестьяне отбили от шведов и нанесли шведам жестокое поражение.

Русско-шведская война закончилась в 1595 году победоносно для России. Тязвинский мир возвратил России Ивангород, Ям, Копорье и Корелу. В 1598 году было закончено строительство Кемского острога в устье реки Кеми. Последствия шведской агрессии 90-х годов были очень тяжелы для Западного Беломорья. Исследователь истории Соловков А. М. Борисов отмечает, что «шведская агрессия тяжело отразилась как на хозяйственной жизни монастыря, так и на значительной части крестьянских хозяйств Поморья» [Борисов А. М. Хозяйство Соловецкого монастыря и борьба крестьян с северными монастырями в XVI - XVII веках]. Вот некоторые приводимые им данные: «Особенно разрушенными оказались соляные варницы и другие промыслы, сильно сократилась и рыбная ловля. Многие поморские волости (Керетская, Кемская, Подужемская и другие) оказались разоренными, их крестьянское население значительно сократилось. В «Отводной записи» 1591 года Семена Юренева сообщается, что в Кемской волости в конце XVI века из 96 дворов и 146 человек тяглового крестьянского населения осталось 52 двора, в них тяглового населения 64 человека, пустых дворов 44; из 85 луков земли живущих осталось 37, вместо 50 четей распахивали 15 четей. Сен-

ные покосы сократились в 2, 6 раза, вместо прежних 800 копен теперь накашивали 300” копен. В Кемской волости из 20 соляных варниц действовало только 8 варниц» [Материалы по истории Карелии XII - XVI вв. Петрозаводск, 1941, № 260, с. 319 - 327. (Примеч. А. М. Борисова.)]. «Во время этой войны значительная часть сельского населения погибла, другая часть разбежалась в разные районы. Эта картина хозяйственного разорения наблюдалась почти во всех волостях Поморья» [Борисов А. М. Хозяйство Соловецкого монастыря и борьба крестьян с северными монастырями в XVI - XVII веках, с. 74 - 75.].

Особенно возросло военное значение монастыря в начале XVII века - в период Смуты. Соловецкий монастырь сыграл огромную роль в отстаивании независимости Русского государства. В этот период он вел самостоятельную политику, вступал в переговоры и открывал военные действия.

В конце 1610 года шведское войско под предводительством Якова Понтуса Делагарди начало оккупацию новгородских земель, а весной двинулось на русский Север. Шведы стремились захватить Кольский полуостров и западное побережье Белого моря: Кемь и Сумский острог.

Походу сопутствовали дипломатические переговоры с Соловецким монастырем, во время которых соловецкий игумен Антоний проявил и дипломатический такт и широкое понимание сложившегося положения. Дипломатический нажим шведов не привел к желаемым ими результатам, а военный поход был сорван партизанскими действиями местных крестьян.

В 1613 - 1614 годах Соловецкому управлению пришлось защищать свои вотчины с другой стороны - у Холмогор - от набега «черкас» и «литовских» людей, под которыми разумелись русские и украинские изменники из войска Ходкевича. В декабре 1613 года «черкасы» были разбиты под Холмогорами, но и после своего поражения «черкасы» продолжали набеги на север. Они разорили Николо-Корельский монастырь, Неноксу, Луду, Уну, Сумскую волость, Онегу и только весной 1614 года были окончательно разбиты.

Несмотря на сильное опустошение своих земель, Соловецкий монастырь давал крупные суммы денег в помощь Русскому государству. Денежная помощь Соловецкого монастыря Русскому государству продолжалась и после Смуты. Крупные суммы были даны в 1632, 1656 и 1664 годах. Соловецкий монастырь в течение всего XVII века строил крепости от далекой Колы до более близких мест - Сумы, Кеми. Укреплялся и сам монастырь. В 1621 году была пристроена стена со стороны Святого озера с Поваренной и Квасоваренной башнями [См. : «Летописец Соловецкий», изд. 2-е. М., 1821, с. 33 - 34.], затем с севера вырыт обложенный камнем ров, устроен тын и т. д.

Военные тревоги продолжались в течение всего XVII века, но во всероссийском масштабе оборонное значение монастыря вновь дало о себе знать только при Петре I.

Хозяйство и управление монастыря в XVI и XVII веках

Монастырское землевладение распространялось с необыкновенной быстротой. Уже в середине XVI века владения Соловецкого монастыря не ограничиваются Поморьем. Они простираются до Онежского озера. Отдельные владения имелись в Каргопольском, Двинском и Новгородском уездах, под Москвой. Монастырские дворы были в разных городах России и особенно большие - в Новгороде и Москве. Монастырь рос за счет дарений, покупок, мены, захватов земель, принадлежавших ранее новгородским боярам или «корельским детям», или вообще пустовавших и никому не принадлежавших. В XVI и XVII века все западное и южное Беломорье было охвачено отдельными владениями монастыря. Монастырь приобретал земли, соляные варницы, рыболовные угодья. Сельское хозяйство в соловецких вотчинах не могло удовлетворить всех потребностей монастыря. Монахи покупали хлеб, масло (коровье и расти-

тельное), крупы, мед, мясные туши, сермяжное сукно, холст - все то, чем бедны были северные окраины Русского государства. Взамен монастырь продавал соль, рыбу, железные изделия, книги, иконы и пр. Особенно развит был вывоз соли. Соляные варницы монастыря были разбросаны по всему Северу. Соль варилась из морской воды и соляных ключей в цренах, размером в несколько метров в ширину и длину. Для варки соли требовалось так много дров, что уже при Федоре Иоанновиче в конце XVI века соловецкие старцы жаловались, что «леса высекли, варить соль стало нечем».

«Монастырь-государь» ведал обороной Севера и наблюдал за тем, чтобы королевские и иные племена «жили за государем неизменно». Государственные льготы и пожертвования монастырю были поэтому совершенно исключительны и особенно усилились при Иване Грозном и после Смутного времени. В пожертвование монастырю входили не только деньги, церковные ценности, но и порох, пища, ядра. В монастырь поступали большие доходы: за соль с монастырских варниц, с торговли. Поступали вклады, представляющие собой очень сложное явление, так как они были разнообразны по характеру и еще более разнообразны по условиям, на которых они делались. Тут были и денежные пожертвования и пожертвования различных ценностей: земель, книг, икон, ювелирных изделий, товаров, различных доходов и т. д. Одни давали вклады, чтобы иметь почетное положение в монастыре, другие - «за помин души» родителей или «по себе». Были «кружечные деньги», оброчные, «земская» дань и т. д. Оброк платили с монастырских угодий, деньги собирали с богомольцев за свечи, за «променные» образа и т. д. Богомольцев кормили и содержали на острове три дня бесплатно, а потом брали с них плату, в первые дни - меньшую, в последующие - большую.

Были и большие расходы по содержанию монастыря, братии и богомольцев, стрельцов, на поддержание различных промыслов, жалованье монастырскимстряпчим, доводчикам, всевозможным «служебникам». Монастырь имел свой бюджет. Доходы и расходы регулировались и контролировались, утверждались и ревизовались. В целом монастырь был сказочно богат. Деньги посылались в Москву, давались в заем правительству. Платил монастырь и церковную дань Новгороду.

Положение монастыря было очень сложным. Он был не только владельцем земельных угодий, различных промыслов, вел большую торговлю и все это на различных условиях, которые вырабатывало феодальное общество, но и крепостью, защищая границы Русского государства в Карелии и севернее - в районе Печенги. Соловецкий монастырь - представитель московского правительства на Севере - был в сложных отношениях с «домом святой Софии» в Новгороде. Все это вынуждало монастырь вести очень энергичную организаторскую работу, иметь развитый управленческий аппарат.

Положение затруднялось еще и тем, что почти полгода монастырь бывал отрезан льдами от своих владений.

Во главе монастыря стоял игумен, возведенный в сан архимандрита в 1651 году. Игумены назначались первое время из Новгорода, но уже в XVI веке они избирались братиею и только после избрания посылались ставиться в Новгород, а впоследствии в Москву. Новгород, а потом Москва несколько раз пытались нарушить этот порядок и сами присылать игуменов.

Первые два игумена, назначенные после Зосимы и Савватия, «удалились» из монастыря, «не стерпев пустынного труда», после чего братия стала избирать игуменов «из сущих между себе». В целом монастырю удалось одержать победу в своей борьбе за самостоятельность.

Впоследствии все же Москва пыталась вмешиваться в монастырские назначения. Так, в 1514 году Москва свела с Соловков игумена Ефимия, и для поставления

каждого нового игумена требовалось согласие московского государя. Вмешательство в дела монастыря приобретало разные формы. Так, например, после опалы митрополита Филиппа в 1568 году на Соловках был «обыск», то есть ревизия. В Москву были вызваны десять старцев во главе со старцем Зосимой, и монастырь подвергся опале.

Игумен, а после архимандрит, избирался пожизненно и управлял монастырем сам. Его помощниками были келарь и казначей. Келарь ведал всем сложным монастырским хозяйством. Келаря также выбирали монахи монастыря, но и здесь Москва вмешивалась в выборы. В 1626 году келарь был прямо назначен из Москвы. В 1629 году после смерти назначенного Москвой келаря монастырская братия обратилась в Москву с просьбой восстановить прежний обычай избрания келаря «на черном соборе» всех иноков. Москва потребовала одного, - чтобы в Москву сообщали о том, кто избран в келари. Москва с опаской следила за тем, что происходило в монастыре, и стремилась к тому, чтобы быть в курсе всех внутренних дел монастыря. Москва требовала также, чтобы при выборах келаря присутствовали все монастырские «береговые прикащики», рассеянные в многочисленных монастырских владениях на «берегу», то есть на материке.

Казначей также избирался всей братией как помощник келаря, - обычно на два года. Казначей ведал казной, вел приходные и расходные книги. Казначей проверяла избранная братией комиссия из соборных старцев и нового казначея. Считали по книгам, чтобы приход и расход сходились. Проверенные книги подписывались. В помощники келарю избирался подкеларник, а в помощь казначею - казенный дьячок.

Высшим органом власти на Соловках был собор из двенадцати старцев. Особенно ответственные установления делались по «благословению» игумена и по приговору келаря и всех соборных старцев. В важных случаях собирался большой «черный собор» всех постриженников монастыря, в менее важных - «малый собор» из игумена, келаря, казначея и всех соборных старцев числом двенадцать. Формально все монахи (в XVII веке их было до трехсот пятидесяти) получали одежду и обувь от монастыря и питались за общим столом, но все же у многих монахов, и преимущественно у соборных старцев, имелись «собинные деньги», и они могли покупать отдельные кельи. Пожилые монахи, особенно опять-таки из соборных старцев, имели у себя послушников, слуг и учеников, вели отдельное хозяйство. Так, например, у старца Александра Булатникова, с которым связаны различные пожертвования в монастырь (в том числе и денежные) и прекрасные иллюминированные («лицевые») рукописи, было девять учеников. В соборные старцы определялись по преимуществу лица пожилые, знатные и богатые, сделавшие в монастырь значительные вклады, «иногда в соборные старцы зачисляли по царской грамоте. Таким, например, был уже упомянутый старец Александр Булатников - «восприемник» (то есть крестный отец) царских детей. Привилегированное положение часто развращало старцев. Царская грамота 1636 года указывала, что в монастырь привозят вино и мед, развелось пьянство и что старцы стремятся забрать в свои руки все управление монастырем, не считаясь с другими постриженниками - «всего черного собора». В общей своей массе монахи были очень различны по имущественному положению. Для того чтобы постричься в монастырь, необходим был «вклад», но никаких определенных требований в отношении размеров вклада не устанавливалось. Вклад мог быть и в два рубля и более. Постригали и без вклада - «за заслуги» или «по царской грамоте». Были среди монахов крестьяне, бобыли, казаки, посадские люди и даже бывшие пленные из поляков и литвинов.

Во владениях монастыря жили крестьяне, бобыли, различные «сироты». Монастырь имел многочисленных служилых людей, содержал стрельцов - в самом монастыре и за его оградами, на берегу. На самом острове, но за пределами монастырских

стен, в XVII веке жило до шестьсот работных людей.

Монастырь имел многочисленную и разнообразную хозяйственную администрацию как на самом острове, так и «на берегу».

В самом монастыре хранились большие запасы провизии: хлеб закупался в урожайные годы, когда он был дешев. Держали разные крупы, солод, толокно, горох. После взятия Соловецкого монастыря, выдержавшего восьмилетнюю осаду правительственных войск в 1668 - 1676 годах, в житницах монастыря оказалось еще 4228 четвертей ржи, 130 четвертей пшеницы, 869 четвертей ячменя, 250 четвертей овса, 3355 четвертей ржаной муки, 75 четвертей ячной крупы, 470 четвертей ржаного солоду, 130 четвертей ячменного солоду, 35 четвертей овсяных круп, 67 четвертей круп ячных, 21 четвертей толокна, 20 четвертей ржаных круп и т. д. В погребе было 99 пудов коровьего масла, 20 пудов меду, больше 12 пудов испорченного меду и 3 с половиной бочки вина. Точную опись житного «запаса» вел специальный житный ключник. В монастыре были и другие запасы - кожа разных сортов, черные «манатейные» и сермяжные сукна, овчины, плотничные, кузнечные и «ладейные снасти», материалы и инструменты и пр. Все это хранилось и учитывалось специально приставленными к тому монахами, имелись приходные и расходные книги, систематически велась ревизия. Наиболее ценные вещи хранились в двухэтажной «казенной палате». В верхнем этаже находились драгоценности: иконы в окладах различных пожертвований, сосуды, жемчуг, меха, денежные запасы, дорогие ткани, бумага и краски. В нижнем - посуда медная и оловянная, стекла, слюда, свинец, олово, медь, свечи, деревянное масло, порох и т. п.

В 1676 году на монастырских стенах стояли шестьдесят четыре пушки, из них только одна неисправная. Была и специальная оружейная палата. Там хранились панцири и кольчуги, карабины, пистолеты, самопалы, пищали, стрелы, топоры, ломы, пилы, копья, запасы свинца, пороха, железо различных сортов, даже знамена, сбруя для конного войска.

Была и особая правильно организованная «книгохранительная палата». Книгохрани-тель назначался из соборных старцев. Здесь, в «книгохранительной палате», не только хранились и выдавались для прочтения книги, но систематически велась и переписка книг по лучшим образцам, специально для того имевшимся в монастыре. Книги предназначались для самой монастырской библиотеки, для продажи и для дарений. Имелись в библиотеке и особые «отводные книги» - мы бы их назвали инвентарными, - куда записывались книги, поступившие в библиотеку. В казенной палате хранилась разная «снасть» для переплетания книг. Благодаря Этому мы по тиснению на кожаных переплетах можем теперь узнать книги, изготовленные на Соловках. Среди книг были роскошные подарки Грозного, митрополита Макария, игумена Макария, старца Булатникова и т. д.

Монастырское делопроизводство велось с изумительной для своего времени аккуратностью и систематичностью. Канцелярский аппарат работал точно и был относительно экономен. Все деловые документы хранились в «крепостной палате». Архив был правильно организован. С наиболее ценных документов снималось по несколько копий, которые рассылались приказчикам для справок, для удостоверения прав монастыря на владение теми или иными «усолями».

В двух каменных зданиях размещалась больница: для монахов и для мирян. Лекарства продавались и выдавались на сторону. Была и школа, где детей не только обучали, но кормили, одевали и обували «монастырским», то есть за монастырский счет и из монастырских запасов.

Существовала в монастыре большая иконописная мастерская. Иконы да-рились богомольцам, продавались и «променивались». Некоторые заказы были по тем

временам огромны: заказывалось по тридцать, шестьдесят и сто икон одного и того же сюжета. Некоторые иконописцы работали на монастырь из монастырских материалов, и монастырь затем продавал эти иконы по значительно более дорогой цене, чем они ему стоили. Предстоит еще много сделать, чтобы изучить особенности икон соловецких «писем».

За стенами монастыря располагались «гостинные палаты», то есть гостиницы. Почти все службы монастыря были каменные. В монастыре в пору его расцвета в конце XVI и первой половины XVII века существовала «дровяная изба», конюшенный двор, около семидесяти - восьмидесяти лошадей, ста волов. В конюшенных кельях жили конюшенные слуги. На огородах работали недоросли и другие «наймиты». Летом нанималось более двухсот «казаков». Были в монастыре и «грудники», то есть богомольцы, которые работали здесь добровольно по обещанию вместо вклада в течение определенного срока.

В одном Сумском погосте стояло около ста, а позднее и сто двадцать пять стрельцов. Летом число стрельцов «для оберегательства» на самом острове всегда увеличивалось. Стрельцы не только несли службу по крепостцам, но сопровождали гонцов, денежные посылки, ссыльных людей, стояли на карауле в «сполошноо» время, копали рвы, ставили тын, «чеснок». Стрельцы получали жалованье, боевые припасы. Некоторые из них в свободное время занимались разными промыслами, ремеслами, кормицеством на монастырских ладьях, немного хлебопашеством, имели сенокосные поля. Монастырские крестьяне вели не только земледелие, но и плотничали, имели мельничное дело, разную торговлю: возили на рынок соль, ворвань, рыбу, сало, меха. Некоторые торговали сапогами, платьем, льном.

Иногда монастырь сам налаживал крестьянское хозяйство, сажал на землю «новоприбылых» крестьян. Взаимоотношения с монастырем этих новых крестьян и «старожильцов» были очень сложные. Условия держания ими земли были различны, как и различны были формы обложения и формы временной помощи крестьянам. Все эти взаимоотношения определялись особыми письменными документами - «порядными», и следить за их выполнением должны были монастырские чиновники. Монастырю платили и денежную подать и натуральную, монастырские крестьяне несли ямскую повинность, то есть поставляли подводы и корм проезжавшим государевым и монастырским людям, а иногда платили вместо ямской повинности ямские деньги. Монастырские волости имели своих старцев-приказчиков, но были и выборные мирские власти, с которыми монастырь, как и государство, вступал в определенные отношения, особенно при разверстке различных повинностей.

В монастырских волостях монастырю принадлежало право суда. Суд был в руках старца-приказчика. Но судил не только старец-приказчик, но и выборные представители волостного мира - пять или шесть «добрых» и средних крестьян. Проживали в соловецких вотчинах и бобыли, и «казачки». Они были различных категорий, по-разному служили монастырю и вносили свою долю в его доходы. Отсюда видно, что жизнь монастыря, особенно в пору его расцвета - в XVI и XVII века - была полна мирских забот. Монастырь был тем центром, который активизировал государственную, социальную, хозяйственную и культурную жизнь русского Севера.

Монастырь использовал результаты новгородской колонизации и сам ее расширял. Монастырская колонизация усилила феодальные отношения на Севере. С помощью монастыря на Севере создавалось крупное вотчинное землевладение. Влияние монастыря имело и другие формы. Сюда плыли на богомолье люди самого различного общественного положения: поморские крестьяне и крестьяне из отдаленных уголков Русского государства, стрельцы из Мангазеи и монахи из других монастырей. Среди трудников Соловецкого монастыря исследователь его истории называет не только

русских, но и иностранцев: поляка, литвина, турка и татарина [См. : Савич А. А. Соловецкая вотчина XV - XVII в. (Опыт изучения хозяйства и социальных отношений на крайнем русском севере в древней Руси). Пермь, 1927, с. 3.].

Здесь в монастыре все эти люди знакомились с различными формами земледелия и хозяйствования, встречались друг с другом, с низшей недовольной братией монастыря, с политическими и религиозными преступниками, сосланными в монастырь, вступали в религиозные и политические споры, знакомились с историей, общались к грамоте. Трудно учесть все то активизирующее мысль значение, которое имел этот «церковный Вавилон», иногда помимо своих непосредственных задач и и устремлений. А что это влияние было достаточно серьезным, - показали события соловецкого восстания, разразившиеся в 1668 - 1676 годах в пору наибольшего материального и духовного расцвета монастыря.

Соловецкое восстание 1668 - 1676 годов

Официальные историки русской церкви пытались представить Соловецкое восстание 1668 - 1676 годов как восстание невежественных сторонников старой веры против прогрессивных реформ Никона. Прогрессивность никоновских реформ весьма относительна, как и невежественность староверов в XVII веке. К оппозиции официальной церкви примкнули демократические и эксплуатируемые слои русского общества. Соловецкое восстание вспыхнуло на гребне народных восстаний XVII века. Летом 1648 года произошло восстание в Москве, затем в Сольвычегодске, Великом Устюге, Козлове, Воронеже, Курске. В 1650 году поднялись восстания в Пскове и Новгороде. В начале 60-х годов происходили волнения из-за новых медных денег. Волнения эти получили название «медных бунтов». Соловецкое восстание 1668 - 1676 годов явилось завершением всех этих волнений и Крестьянской войны во главе со Степаном Разиным, но недовольство в монастыре проявилось значительно раньше. По-видимому, уже в 1646 году в монастыре и его владениях чувствовалось недовольство правительством. 16 июня 1646 года игумен Илья писал, чтобы привести к крестному целованию мирских людей разных чинов, стрельцов и крестьян в монастырских вотчинах. Из Москвы была вскоре прислана форма присяги. Монастырские люди обязывались в ней верно служить государю, хотеть ему добра без всякой хитрости, о всяком скопе и заговоре доносить, воинское дело исполнять без всякой измены, к изменникам не примыкать, ничего не делать самовольно, скопом или заговором и т. д. Отсюда видно, что опасность «скопов», заговоров и измен была реальной.

Постепенно накапливавшееся недовольство патриархом Никоном вылилось в 1657 году в решительный отказ монастыря во главе с его тогдашним архимандритом Ильей принять новопечатные богослужебные книги. Неподчинение монастыря приобретало различные формы в последующие годы и в значительной мере определялось давлением снизу живших в монастыре мирян (в первую очередь трудников) и рядовых монахов. Последующие годы заполнены многочисленными событиями, во время которых монастырь, раздираемый внутренними противоречиями, в целом все же отказывался подчиниться не только церковной власти патриарха, но и светской власти царя.

В 1668 году началась вооруженная борьба монастыря с царскими войсками. Монастырь подвергся осаде и находился в этой осаде восемь лет. В монастыре находилось до семисот - семисот пятидесяти его защитников.

К восставшим примкнули бывшие разинцы и различные другие недовольные люди. Характерны в этом отношении показания старца Прохора: «Братии де в монастыре всей с триста человек, а белцев (то есть не монахов, светских. - Д. Л.) болши четырех сот человек, в

монастыре заперлись и сели на смерть, здѣца же ни которыми образы не хотят. И стало у них за воровство и за капитонство (первые старообрядцы-беспоповцы, сторонники старца Капитона. - Д. Л.), а не за веру стоять. А в монастырь де в разиновщину пришли многие капитоны чернцы и белцы из понизовых городов, те де их воров и от церкви и от отцов духовных отлучили. Да у них же де в монастыре собралось московских беглых стрелцов и донских казаков и боярских беглых холопей и розных государственных иноземцев... и всему де злу корень собрались тут в монастыре» [Барсов Е. Новые материалы для истории русского старообрядчества XVII - XVIII веков. 1890, с. 122; Чтения ИОИиДР, кн. 4, 1883, Смесь; Акты, относящиеся к истории Соловецкого бунта. Публикация Е. Барсова, док. 26, с. 78 - 80.]

Запасов монастыря хватило бы и на значительно больший срок, но измена монаха Феоктиста, выдавшего царскому воеводе Мещеринову потайной ход через сушило, положила конец вооруженной борьбе. Расправа с восставшими была чрезвычайно суровой. По-видимому, в последний год осады в монастыре осталось не менее четырехсот человек. В живых было оставлено только четырнадцать. По словам изменника Феоктиста, Мещеринов «иных воров перевешал, а многих, волоча за монастырь на губу (то есть на залив), заморозил». Похоронены были казненные на острове «Бабыя луда» при входе в Бухту Благополучия. Трупы не были зарыты: они были забросаны камнями.

Как не стремились официальные историки монастыря представить дело так, что Соловки после подавления восстания не утратили своего морального авторитета на Севере, - дело было не так. Роль Соловков в культурной жизни Севера резко пала. Соловки оказались окруженными старообрядческими поселениями, для которых монастырь остался только святым воспоминанием. Андрей Денисов в своей «Истории о отцах и страдальцах соловецких» описал «многогумительное разорение» Соловецкого монастыря, мученичество соловецких страдальцев, и его сочинение, разоидясь в сотнях списков и печатных экземпляров, стало одним из самых любимых чтений среди старообрядцев. Соловки отошли в прошлое.

Падению авторитета Соловецкого монастыря способствовали и его экономическое обеднение, и начавшаяся при Петре общая секуляризация русской жизни, и падение значения церкви вообще.

Вместе с тем Соловецкое восстание имело огромное значение - в укреплении старообрядчества на севере России. Несмотря на то, что восстание было жестоко подавлено, а может быть, именно благодаря этому оно послужило укреплению морального авторитета старой веры среди окружающего населения, привыкшего видеть в Соловецком монастыре одну из главных святынь православия. Попытки использовать после подавления восстания былой авторитет Соловецкого монастыря в борьбе со старообрядчеством не привели ни к чему.

Восстание показало, что в идейном и социальном отношении монастырь не представлял собой сплоченного коллектива. Монастырь тех веков нельзя рассматривать как некую однородную организацию, действующую только в одном, официальном направлении. Это был социальный организм, в котором действовали силы различных классовых интересов. В силу сложности и развитой хозяйственной и культурной жизни здесь наиболее отчетливо сказывались различные противоречия, возникали новые социальные и идейные явления. Монастырь жил не замедленной и ленивой жизнью, как это представлялось многим, а переживал бурные события, активно вмешивался в государственную жизнь и социальные процессы русского Севера. Сопротивление реформам Никона было только поводом к восстанию, за которым стояли более сложные причины. Недовольные люди примкнули к старой вере, так как старообрядчество было явлением антиправительственным и направлено против господствующей церкви [Наиболее полное описание и анализ восстания см. в кн. : Борисов А. М. Хозяйство Соловецкого монастыря и борьба крестьян с северными монастырями в XVI - XVII веках. См. также: Барсуков И. А. Соловецкое восстание (1668 - 1676). Петрозаводск, 1954; Сырцов И. Я. Возмущение соловецких монахов-старообрядцев XVII века. Кострома, 1889.]

Военное значение монастыря при Петре I

Военное значение монастыря снова возродилось при Петре I во время Северной войны. Но еще раньше, в 1694 году, Петр приезжал на Соловки из Архангельска. По дороге царская яхта попала в бурю и едва не погибла. В монастыре Петр провел три дня, очевидно, интересуясь не только его церковными ценностями, но и военной готовностью. В том же и в следующем году последовали царские пожалования. В частности, Петр пожертвовал 700 рублей (сумма по тому времени очень большая) на устройство нового иконостаса Преображенского собора.

Точно установить, где делался иконостас Преображенского собора, деньги на который были пожертвованы Петром, не представляется возможным. На основании, очевидно, каких-то устных источников русский просветитель Н. И. Новиков считал, что его резали на Соловках мастера во главе с монахом Антонием [См. : Новиков Н. И. О высочайших пришествиях Петра Великого на Двину. 1783.]. Нет сомнения, что основатель Троицкого скита на Анзере Елеазар Анзерский, сам бывший незаурядным резчиком по дереву (см. резанную им надпись на наружной стороне Святых ворот монастыря), оставил по себе учеников в этом деле, и поэтому сведения Н. И. Новикова могли иметь основания.

С возникновением Северной войны начались работы по сооружению Новодвинской крепости в устье Северной Двины у Архангельска с участием монастырских крестьян. Затем были обновлены старые монастырские укрепления: Кольский, Сумской и Кемский остроги. Рядом с Кольским острогом между реками Колою и Туломою была поставлена новая крепость с двадцатью пятью пушками. В 1701 году шведская эскадра из семи кораблей вошла в Белое море и стала задерживать и топить рыболовные и торговые суда. В июне шведы пытались захватить Архангельск, но были разбиты под Новодвинской крепостью. Был захвачен и шведский флаг - первый вражеский морской флаг, ставший трофеем русских.

Летом Петр вторично посетил Соловецкий монастырь. Его сопровождали тринадцать военных кораблей. Петру салютовали пушечной пальбой из всех орудий на стенах и башнях. Петр осмотрел монастырскую стену, был в ризнице и оружейной палате. Верховом на лошади, а не в приготовленной для него роскошной повозке, которая и до сих пор сохранилась на Соловках, Петр объездил остров и был на кирпичном заводе.

Флот Петра стоял на Заяцком острове. Здесь по приказанию Петра за несколько дней стояния флота, между 10 и 16 августа была построена церковь, посвященная Андрею Первозванному [См. : Виноградов И. П. Обзорение христианских древностей Соловецкого Общества краеведения, Отд. II - Заповедник Б. Заяцкого острова (деревянная Андреевская церковь). Соловки, 1927.], объявленному при Петре покровителем русского флота. С этих пор русские военные корабли стали плавать под Андреевским флагом - голубым косым крестом на белом фоне. Церковь Андрея Первозванного сохранилась до сих пор.

16 августа Петр отплыл к пристани Ньюхоцкого Соловецкого усоля и здесь, сойдя с кораблей со всем войском, прошел по вновь проложенной длинной дороге к Онежскому озеру.

Впоследствии с выходом России к Балтийскому морю военное значение Соловков пало, хотя тревожная обстановка во время русско-шведских войн в 1741 - 1743 и в 1788 - 1790 годах заставляла укреплять монастырь.

Серьезная опасность угрожала монастырю со стороны Англии в 1800 - 1801 годах. Весной 1801 года сюда были присланы на короткое время два гренадерских батальона. Новая опасность возникла в 1809 - 1810 годах, когда Россия стала союзником Франции и тем самым выступила против Англии. После 1814 года Соловецкая крепость почти полностью разоружается.

Остров Анзер в XVII, XVIII веках

Елеазар Анзерский - основатель Троицкого скита на Анзере - скончался в глубокой старости в 1656 году. Троицкий скит он основал в 1616 году. Разорение Соловецкого монастыря после подавления возмущения мало коснулось Троицкого скита. Объясняется это, может быть, тем, что скит не участвовал непосредственно в восстании и был местом пребывания будущего патриарха Никона. Елеазар был книжным человеком: собирал и переписывал книги, писал собственные сочинения. Из Жития Елеазара мы узнаем, что он был резчиком по дереву и иконописцем. Только что появившись в Соловецком монастыре, Елеазар принимает участие в устройстве иконостасов Преображенского собора и надвратной церкви Благовещения. Елеазар, - пишется в его Житии, - «немало тщание показа в трудах, зане искусен бяше художества резнаго и в деисусех и в тяблах лето-гранесие явственню изъображаше». Понимать это место следует так, что Елеазар как резчик выполнял резные надписи о времени создания иконостасов. Деисусы и тябла - это ряды иконостаса: деисус - ряд непосредственно над царскими воротами, в который помещались иконы деисусного чина, а тябла - все остальные ряды иконостаса. Одна из резных надписей Елеазара, - сказано в Житии, - и «до днесь» находится над Святыми воротами монастырской ограды. Ему же принадлежал гигантский образ Спаса Нерукотворного, повешенный над теми же Святыми воротами. Слава Елеазара была настолько велика уже в начале его деятельности, что когда царь Михаил Федорович был в Троице-Сергиевском монастыре и разговаривал там с монахом Александром Булатниковым о своем «безроди сыновнем», то есть об отсутствии у него наследника, Александр посоветовал царю обратиться именно к Елеазару и просить его молитв о даровании наследника. Елеазар «предсказал» царю рождение у него сына Алексея. После рождения сына Михаил Федорович помог Елеазару построить на Анзере деревянную церковь Троицы и пожертвовал ей богатые вклады: «И повеле дати из своего царьского двора преподобному иконы среброокладныя, и книги, и ризы, и всяку утварь церковную на священодествис: к сему же и сребра довольно на создание церкви. Таже и грамоту подаде, да на коеждо лето имае святый себе потребная от града на церковь и братиам» [Православный собеседник, Ч. 1, 1860, с. 241 - 242.]. Сын Михаила Федоровича - Алексей, став царем, почитал Елеазара своим «богодарованным отцом», вызывал его в Москву, помог построить каменный храм Троицы взамен прежнего деревянного, снабжал богатыми вкладыми, дал грамоту, по которой новый монастырь получал «определенную пищу» и усугубил «потребная церквам».

Одно из самых важных и сложных деяний основателей монастырей - была организация монастырской библиотеки, без которой не могло быть монастырской жизни. Устроителем монастырской библиотеки на Соловках был в конце XV века Досифей. На Анзере эту почетную обязанность выполнял сам основатель скита - Елеазар. Во вкладной книге Анзерского скита сказано об Елеазаре: «От многаго божественного писания различныя повести собра, и три книги Цветника своею рукою написа уставом; такожде и чин монашеского келейнаго правила». Свои «предивныя книги» Елеазар положил в «церковную книгохранительницу», куда постоянно покупал на деньги и другие книги, а также собирал книжные пожертвования. Впоследствии библиотека Анзерского скита вошла в Соловецкое собрание, хранящееся сейчас в Публичной библиотеке в Ленинграде. Одно из сочинений Елеазара Анзерского имеет немалое историко-литературное значение: это его автобиография. До недавнего времени автобиография протопопа Аввакума казалась по своему жанру чем-то необычным для XVII века. После опубликования автобиографии «союзника» Аввакума - Епифания автобиография Аввакума в значительной мере утратила свое одинокое положение. Но

автобиография Елеазара показывает, что автобиографии были закономерным явлением в литературе XVII века.

Учеником Елеазара Анзерского был на Анзере будущий патриарх Никон. Не от Елеазара ли он приобрел свою любовь к книгам? Известно, что Никон не был только инициатором «исправления» книг, но собирал книги и жертвовал их в монастырские библиотеки.

С конца XVII века духовное и церковное значение Соловков, а с ними вместе и Анзера, падает. Единственное почитаемое лицо этого периода на Анзере - схимник Иисус, основатель Голгофо-Распятского скита на Анзере. Но характерно, что и он явился на Соловки в качестве опального и сосланного. Биография этого схимника, сперва принявшего монашеское имя Иовы Многострадального, а затем в схиме - третье крайне редкое имя Иисус (во имя ветхозаветного Иисуса Навина) и подчеркнувшего страдальческое начало в названии основанного им скита - Голгофо-Распятский, - во многом загадочна. В прошлом это был духовник Петра I. Сослан он был на Соловки и пострижен, по-видимому, за то, что не выдал начальству «злоумышления», открытого ему на исповеди [Летопись Голгофо-Распятского скита, ГПБ, Солов, собр. 1014 - 1123, л. 66.].

Бомбардировка монастыря англичанами в 1854 году

Ограничение; монастырского землевладения в XVIII веке и особенно общая секуляризация монастырских имуществ в 1764 году постепенно подорвали экономическую мощь монастыря, хотя все же он продолжал оставаться достаточно богатым до самого XX века.

В XIX и XX веках культурное и историческое значение Соловков падает. Стоит только упомянуть, что здесь на Соловках архимандритом Досифеем был создан замечательный для своего времени научный труд: «Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря» (ч. I - III. , М. , 1836). Этот труд не утратил своего источниковедческого значения и до сих пор, так как был написан в основном по рукописным материалам, некоторые из которых были впоследствии утрачены.

К числу славных страниц в истории Соловецкой крепости прибавилась только одна, но достаточно яркая - стойкое сопротивление монастыря английской эскадре в июле 1854 года. В начале июня в Белом море появилась англо-французская эскадра из десяти кораблей под командованием капитана Э. Омманея. Эскадра крейсировала по Белому морю, останавливала, грабила и топила торговые корабли, пыталась высадить десант на острове Мудьюг в устье Западной Двины, бомбардировала селения. обороной Соловков командовал архимандрит Александр - бывший полковой священник, имевший потому некоторые военные познания. В его распоряжении находились пятьдесят три престарелых инвалида, главной обязанностью которых на Соловках было охранять ссыльных и заключенных. К этим инвалидам добавилось большое число добровольцев из богомольцев, работников, послушников, монахов и даже заключенных.

Оружия на Соловках было очень мало. Двадцать старинных пушек были по большей части совсем непригодны к делу. Могли быть употреблены для обороны только два орудия. Пороха было всего двадцать пудов. Из Новодвинской крепости было привезено восемь маленьких пушек со снарядами на шестьдесят выстрелов для каждой. Оттуда же явились на остров инженерный офицер и фейерверкер, первый занялся устройством и вооружением батареи, а последний принялся за обучение монахов стрельбе.

6 июля 1854 года к монастырю подошли два паровых шестидесятипушечных трехмачтовых фрегата - «Бриск» и «Миранда». Оба корабля, постояв немного против монастыря, отошли в направлении Кеми, но через час вернулись и подняли переговорные флаги. Сигналы эти не были поняты в монастыре, и тогда англичане произвели три выстрела, на которые монастырская батарея, спрятанная за пригорком мыса, ответила выстрелами. Началась бомбардировка монастыря. Пушки, расставленные по стенам, не могли отвечать: их ядра не долетали до английских кораблей. Отвечала лишь береговая батарея. Один из кораблей, «Миранда», был поврежден и отошел за Кладбищенский мыс для починки. Первая бомбардировка прекратилась.

На следующий день, 7 июля, рано утром английские парламентарии под белым флагом доставили в монастырь ультиматум, в котором требовалась полная сдача гарнизона вместе со всеми пушками, оружием, военными припасами и знаменами. В противном случае монастырю угрожала бомбардировка.

Архимандрит Александр созвал военный совет из старших монахов и начальника инвалидной команды, который и составил категорический отказ англичанам. Без четверти восемь утра был произведен бортовой залп, и бомбардировка началась. Английским ста двадцати корабельным пушкам противостояли десять старых монастырских пушек. В начале отстреливались только две маленькие пушки береговой батареи, но, когда один из фрегатов приблизился к монастырю, стрелять стали и те восемь пушек, которые были расставлены на стенах. Последнее ядро, пущенное по монастырю, пробило икону над дверями Преображенского собора. Это было в 5 часов вечера. После этого бомбардировка прекратилась. Англичане выпустили по монастырю тысячу восемьсот ядер и бомб. Повреждения были незначительны. Была пробита стена в деревянной кладбищенской церкви Онуфрия, повреждена Архангельская гостиница, пробит купол Никольской церкви, повреждены стены Преображенского собора. Пожары легко тушились. Убитых и раненых в монастыре не оказалось, хотя жители и монахи несколько раз ходили крестным ходом по стенам на виду у неприятеля. Бомбардировкой Соловецкого монастыря в июле 1854 года как бы закончилась военная история монастыря. Монастырь выдержал осаду и не уступил военной силе англичан, но вместе с тем эта славная страница в жизни монастыря-крепости показала, насколько сократилось военное значение Соловков в организации обороны северных границ Русского государства. Соловецкий гарнизон смог отстоять только монастырь, но об обороне берега невозможно было и думать. Не случайно, что вскоре после войны 1854 - 1855 годов крепость монастыря была упразднена. Вместе с тем пало и значение монастыря как культурного центра. Увезенное с Соловков собрание рукописей не было возвращено на остров. Произошло это так. 26 марта 1854 года синод приказал соловецкому архимандриту Александру отправить на материк в безопасное место все монастырские драгоценности и рукописи. Эти драгоценности и рукописи были в конце апреля упакованы в ящики и бочки. Среди этой клади были и 16 больших ящиков монастырской библиотеки. В этих ящиках было 1356 рукописных книг и 83 старопечатных. Ящики и бочки были доставлены в Антониев-Сийский монастырь недалеко от Холмогор.

В 1856 году драгоценности были возвращены на Соловки, но библиотека монастыря была отправлена в Казанскую духовную академию. А в 1858 году синод распорядился оставить рукописное собрание в Казани. Объяснялось это распоряжение тем, что Казанская духовная академия была в те времена довольно большим центром по изучению рукописей. Там и началась работа по научному описанию соловецких рукописей. Описание это стало выходить отдельными книгами с 1881 года. Тремя выпусками этого описания исследователи древнерусской письменности пользуются и до сих пор [См. : Порфирьев И. Я. Описание рукописей Соловецкого монастыря. Ч. 1,

Казань, 1881. Ч. 2, 1885. Ч. 3, отд. 1, 1898.]. После Октябрьской революции соловецкие рукописи были перевезены из Казани в Публичную библиотеку в Ленинграде, где они хранятся и изучаются исследователями.

Судьба соловецких документов была несколько иной. Еще в 1834 году известный археограф и член Археографической комиссии Я. И. Бередников увез часть документов в Петербург в Археографическую комиссию (сейчас они находятся в Архиве Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР). В 1916 году архив осматривал в Соловках Б. Д. Греков. Отчет об этом осмотре и об ужасающем состоянии, в котором находились бумаги, был напечатан Грековым в «Летописи занятий Археографической комиссии» [См. : Летопись занятий Археографической комиссии за 1923 - 1925 годы. Вып. 33, Л. , 1926, с. 77-99.]. В 1917 году Б. Д. Греков снова приехал на Соловки, чтобы вывезти рукописи в Петроград. Ему удалось довести их до Котласа, но далее оказалось, что привезти их в Петроград не удастся, и весь архив направили в Пермь. В 1918 году Б. Д. Греков уехал из Перми. Часть документов пропала. В конце 20-х годов архив был перевезен в Москву и находится сейчас в Центральном Государственном архиве древних актов.

Небольшая оставшаяся на Соловках часть документов стorerа, отдельные документы и некоторые случайные рукописи оказались расхищенными.

Ссылные и заключенные Соловецкого монастыря

Соловецкий монастырь, как и всюду, где собираются люди с разных концов земли, из разных классов и сословий, разные по образованию и убеждениям, был на протяжении всего своего существования действенным центром умственного общения, страстных идейных, религиозных споров, исповедничества и антиправительственного брожения.

Эта роль монастыря усиливалась тем, что в течение почти всего своего существования, за исключением первых нескольких лет после 1903 года, он был местом, куда ссылали и заключали самых различных людей, нуждавшихся, по мнению гражданских и церковных властей, в «духовном исправлении».

Среди ссылных мы находим здесь игумена Троицкого монастыря Артемия, осужденного на церковном соборе 1553 - 1554 годов за ересь Башкина. Артемию удалось бежать с Соловков в Литву, где он стал активным защитником православия. В 1561 году в монастырь был отправлен священник Сильвестр, один из участников собора 1553 - 1554 годов, осудившего Артемия. Сильвестр - в прошлом наставник Грозного и член Избранной рады, был и автором Домостроя. Сюда в Соловецкий монастырь к сосланным «иосифлянину» Гурию Заболоцкому и «нестяжателям» Кассиану и Гурию Коровиным направлял в середине XVI века свои «утешительные» послания известный борец с еретиками Зиновий Отенский. Здесь в конце XVI века был некий чернец «гишпанские» земли Николай. В Соловецком монастыре жил ослепленный Годуновым и постриженный Дмитрием Самозванцем инок Стефан - бывший касимовский, а затем «всея Руси» царь Симеон Бекбулатович. В 1611 году из боязни нападения на Соловки он был переведен в Кирилло-Белозерский монастырь. С 1620 по 1626 год здесь провел в иночестве опальный келарь Троице-Сергиева монастыря, автор известного «Сказания» о событиях Смуты Авраамий Палицын. Сюда сослан был ученый старец Арсений Грек по подозрению в отступлении от православия. В 1652 году он был вызван с Соловков патриархом Никоном для работы по исправлению книг. За протест против никоновских реформ сюда был сослан князь Львов.

После подавления Соловецкого восстания воеводой Мещериновым последний сам оказался узником Соловков по обвинению в присвоении части монастырских богатств.

В 1691 году по указу Петра I в соловецкую «земляную тюрьму» был посажен самозванец Ивашка Салтыков. При Петре в 1701 году в Соловки был отправлен книгописец Григорий Талицкий, составивший «воровское письмо» о том, что Петр - антихрист. В том же году сюда был прислан его единомышленник тамбовский епископ Игнатий, сидевший в каземате Головленковской башни.

В правление Петра в Соловецком монастыре были заточены два графа Толстых. Один из них, П. А. Толстой, автор известных записок о путешествии в Италию, был дипломатом, министром и любимцем Петра. Он в свое время по поручению Петра сумел хитростью вывезти из Италии царевича Алексея. Соперник П. А. Толстого - временщик князь В.А. Долгорукий также в свою очередь попал в заключение на Соловки.

Здесь на Соловках сидел в заключении последний атаман Запорожской Сечи - Петр Кальнишевский. Освобожденный в 1801 году после двадцатипятилетнего заключения, он остался на Соловках и умер через два года в возрасте 112 лет. По преданию, Кальнишевский просидел шестнадцать лет в каземате рядом с сушилом [См. : Колчин М. А. Ссылные и заточенные в острог Соловецкого монастыря в XVI - XIX вв. Исторический очерк. М. , 1908, с. 10.]. В XIX веке сюда продолжали ссылать «под начал» и заточать в тюрьму самых различных людей: бродяг и купцов, солдат и вельмож. Ссылались сюда и церковными и светскими властями «за дурость», «за инакомыслие», за ереси и приверженность к старой вере, за беспробудное пьянство, за двоеженство и т. д. Но больше всего здесь было заточенных и ссыльных за свои убеждения, веру и страстные поиски истины. Жили в самых различных условиях: от тюрьмы без права общения с внешним миром до сравнительно свободного пребывания и разрешенного общения. Из наиболее значительных заключенных XIX века упомянем игумена сибирского Селенгинского монастыря Израиля - основателя секты и друга сосланного в Сибирь декабриста А. Н. Муравьева, членов тайного общества - М. Критского и Н. Попова, декабриста А. Горожанского, члена Кирилло-Мефодиевского братства Г. Андрузского, участников известной демонстрации 6 декабря 1876 года на площади у Казанского собора Я. Потапова и М. Григорьева.

Среди соловецких узников XIX века хотелось бы отметить особо одного - дядю Пушкина - Павла Исааковича Ганнибала, родного внука «арапа Петра Великого». Судьба его в какой-то мере типична для судьбы соловецких узников и поможет нам ясное представить себе, при каких обстоятельствах отправляли на Соловки в XIX веке. Он был офицером флота, потом служил в казачьем полку, затем в гусарах и отличился во время Отечественной войны 1812 - 1814 годов. Он был дружен с Пушкиным лицеистом и однажды, поссорившись с ним в Царском Селе на балу из-за девицы, с которой оба хотели танцевать, был вызван Пушкиным на дуэль. Вызов благополучно закончился шутивными ответными стихами Ганнибала:

«Хоть ты, Саша, среди бала
Вызвал Павла Ганнибала,
Но, ей-богу, Ганнибал
Ссорой не подгадит бал».

Как человек искренний, открытый и вспыльчивый, Ганнибал постоянно попадал в разные злоключения. 1826 год оказался для него роковым. В этом году в июне в одной петербургской «ресторации» Ганнибал в разговоре вступился за казненных декабристов. Он напомнил своему случайному собеседнику, подполковнику Краковскому, бранившему декабристов, царский указ, запрещающий «упреки потерпевшим наказание», а затем в пылу спора сказал, что «несчастные» были наказаны слишком

строго. Последовал донос, и через два месяца Ганнибал был арестован, отправлен в каземат Петропавловской крепости, а затем в ссылку в Сольвычегодск. В Сольвычегодске Ганнибал, то «впадавший в ипохондрию», то необузданно веселый, продолжал бедокурить. Он приобрел медную пушечку и стрелял из окна, наводя ужас на жителей городка; набирал в долг денег у обывателей и даже у самого городничего умудрился занять в долг 165 рублей. Приходил в гости без приглашения. Так, явившись в гости к купцу Мамаеву, он «оказывал некоторые знаки своего отвратительного нерасположения» к тестю Мамаева купцу Пьянкову. Выхватил нож, угрожал им и даже приставил нож к груди протоирея, показывая, как он расправится со своим «неприятелем». На рапорте городничего вологодский генерал-губернатор написал резолюцию, распорядившись, чтобы Ганнибал просил извинения у оскорбленных им лиц и никуда не ходил без приглашения, кроме церкви. Но Ганнибал продолжал куролесить в городе, ездил без приглашения к жителям вместе со своим новым другом экспедитором Воронежским, так что жителям пришлось от него запираяться и вечерами сидеть без огня. Требование губернатора извиниться привело Ганнибала в ярость. Он кричал: «Как смел генерал-губернатор обо мне так писать! Он мой не начальник; как смел писать, чтобы я просил прощения, и у кого же, у купцов?!» Он трижды заявлял, что убьет городничего, но, «впрочем», будет кормить его шестерых детей. «Что мне дети! Я их прокормлю, но вы жить не будете!» - заявлял свирепый и добрый Ганнибал. Начались переговоры между различными должностными лицами и учреждениями о переводе Ганнибала в Соловки. Это и было сделано «с соизволения государя императора». Ко времени своего отъезда Ганнибал хворал и стих. Он выехал Сольвычегодска, выдав всем долговые расписки и при свидетелях подтвердив свой долг городничему. Своему крепостному слуге он оставил 7 рублей денег, очевидно из последних. Ехал Ганнибал в сопровождении жандарма и гарнизонного солдата. Через две недели он прибыл на Соловки, где был отдан «под квитанцию» штабс-капитану соловецкой инвалидной команды «под воинский присмотр». Когда его заперли в тесный чулан, он пришел в бешенство, бился, пытаясь вырваться. Его двери подпирали снаружи. Через две недели он стих и вел себя смирно. Всюду, куда попадал Ганнибал, благодаря его открытому характеру у него довольно быстро оказывались друзья. Он заслужил расположение архимандрита Досифея) известного своими трудами по истории Соловецкого монастыря. Досифей лично ходатайствовал о возвращении Ганнибала «к своему семейству», подарил ему собственную шубу «из-за суровостей соловецкого климата», перевел в лучшие условия. Во время пребывания Ганнибала в ссылке его жена, которую он в свое время бросил, проявила изумительную самоотверженность в попытках освободить своего мужа. Она не только писала различные ходатайства, просила Бенкендорфа, но и бросилась в ноги Николаю I на параде перед Михайловским замком. В конце концов Ганнибалу было разрешено жить в Луте, где он пользовался расположением и уважением жителей до конца своих дней[О П.И. Ганнибале см. подробнее: Блинов И. Павел Исаакович Ганнибал, дядя А. С. Пушкина. - «Рус. старина», т. ХСVIII, 1899, май? с. 353 - 364; Модзалевский Б. А. Дядя Пушкина Павел Исаакович Ганнибал. - «Дела и дни». Кн. 1. 1920. Петербург, с. 260-270; Вересаев В. В., Спутники Пушкина, Т. 1. М., 1937, с. 384 - 386.]

На Соловках Ганнибал пробыл с весны 1827 года по октябрь 1832 года. Отмечу, что на Соловках был и другой родственник А. С. Пушкина - его двоюродный дед Сергей Пушкин. Он находился здесь с 1781 по 1795 год по обвинению в подделке бумажных ассигнаций[См. : Блинов И. «О бывшем Пушкине». - «Рус. старина», т. ХСVIII, 1899, май, с. 359 - 364.]

Ссылочные и заключенные не только роняли святость места и развращали монастырские власти, превращая их в своего рода тюремщиков (хотя, собствен тюрь-

ма находилась в ведении не монастыря, а светских властей), но и составляли трудно учитываемую культурную силу.

Упразднена соловецкая тюрьма была в 1903 году по представлению печально известного впоследствии по русско-японской войне военного министра А. Н. Куропаткина. Куропаткин обследовал тюрьму и пришел к выводу о необходимости ее закрыть. Помещение тюрьмы отдано было монастырю под больницу [О Соловках как о месте заточения см. : Колчин М. А. Ссылные и заточенные в острог Соловецкого монастыря Фруменков Г. Г. Узники Соловецкого монастыря. Политическая ссылка в Соловецкий монастырь в XVIII - XIX веках. Архангельск, 1963.].

Заключение

Что такое «историко-культурное значение» Соловецкого монастыря? Одноединственная морализующая точка зрения на события далекого прошлого, принимаемая обычно при исследовании истории Соловецкого монастыря, не лишена наивности. Ее можно рассматривать как попытку «в лоб» перевернуть елейное церковное изображение событий монастырской жизни. Между тем расценивать историю монастыря только с этической точки зрения едва ли правильно. Мы должны оценить ее в свете той общеисторической роли, которую сыграло каждое событие, каждый род деятельности монастыря в жизни русского Севера.

Монастырь - это не только монастырские верхи и официальная церковность. Монастырь - это и его рядовые монахи из крестьян, это и его трудники - тоже крестьяне, это и его паломники, приезжавшие сюда со своими жизненными невзгодами, это и его ссылные и заключенные, стрельцы и солдаты, ремесленники и мастера. Это кипучее и пестрое сообщество людей, общавшихся между собой и враждовавших друг с другом, вносящее в жизнь малонаселенного русского Севера движение и развитие.

В жизни Севера монастырь сыграл первенствующую роль, особенно в XVI и XVII веках. Его роль не ограничивалась ускорением процессов феодализации, военной обороной Севера, распространением более совершенных форм хозяйствования, технического прогресса и приобщением жителей Севера к более высокому строю общества. Его роль заключалась также в развитии оппозиционных настроений по отношению к церкви и государству, в развитии зодчества, иконописания и прикладных искусств. Монастырь явился собирателем и хранителем древнерусского рукописного наследия, произведений живописи и художественных ремесел. Он был своего рода музеем, хранителем древнерусских музыкальных традиций и грандиозным ансамблем памятников древнерусского зодчества, обладавшего большой силой эстетического воздействия.

Будем считать в истории Соловецкого монастыря исторически значительным все, что так или иначе отразилось в русском историческом процессе и что в свою очередь восприняло ведущие тенденции этого процесса, выразило собой эпоху и ее культуру.

В. И. Ленин писал: «Исторические заслуги судятся не по тому, чего не дали исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они дали нового сравнительно с своими предшественниками» [Ленин В. И, Полн. собр. соч. , т. 2, с. 178.]. Это положение В. И. Ленина относится к оценке деятельности не только исторических деятелей, но дает правильный критерий для оценки значения исторических явлений вообще.

О.Д.Савицкая

Архитектура
Соловецкого
монастыря

Соловецкий монастырь — один из крупнейших ансамблей каменного зодчества XVI—XIX веков на севере Руси. К сожалению, правильному представлению о его древних сооружениях мешают утраты и переделки, которые при недостаточной изученности построек внесли в накопившуюся по Соловкам литературу много неверных утверждений, неточностей и малообоснованных догадок. В настоящее время в связи с натурными исследованиями зданий, сопутствующими их реставрации, стало возможным дать более подробное и документированное описание построек и сделать некоторые выводы по архитектуре этого интереснейшего комплекса.

Первое общее впечатление об ансамбле мы получаем с воздуха или с воды. Сверху он неожиданно возникает как небольшой каменный городок, заключенный в пятиугольник мощных крепостных стен. С моря многочисленные постройки монастыря, сверкающие белизной на солнце или рассеивающиеся в тумане пасмурного дня, видны издали. В холодной безбрежности северного моря они манят к себе как желанное пристанище, обещая тепло, покой и новые впечатления.

Вблизи монастырь вырастает искусно возведенной в циклопической валунной кладке крепостью. Спокойное величие монументальных башен и стен как будто таит и верно бережет в себе летопись многих поколений и неувидаемую славу гениальных мастеров.

В тишине раннего утра, этот «град» встает из воды как воплощенное в камне предание о чудесных сказочных городах, а в вечернем зареве закатов он вздымается над озером темным бесформенным холмом. Нетрудно себе представить, какую чарующую картину представлял монастырь, когда множество глав, крестов и узорных кровель вырисовывали на горящем закатном небе его причудливый силуэт.

С живописной красотой крепостных стен несколько неожиданно контрастирует внутренняя застройка монастыря. Однообразие стандартизированных фасадов придает ей безликий и казенный вид, оставляя зрителя равнодушным. Несмотря на принадлежность большинства зданий к XVI—XVII векам, в ансамбле доминируют постройки конца XVIII—XIX веков, тогда как исключительно выразительные в своем первоначальном облике древние сооружения оказались сильно переделанными, частично скрытыми, а подчас и до неузнаваемости искаженными поздними наслоениями. И все же сравнительно хорошая сохранность общей объемно-плановой ком-

1
Соловецкий монастырь.
XVI—XIX вв. Вид со Свят-
того озера

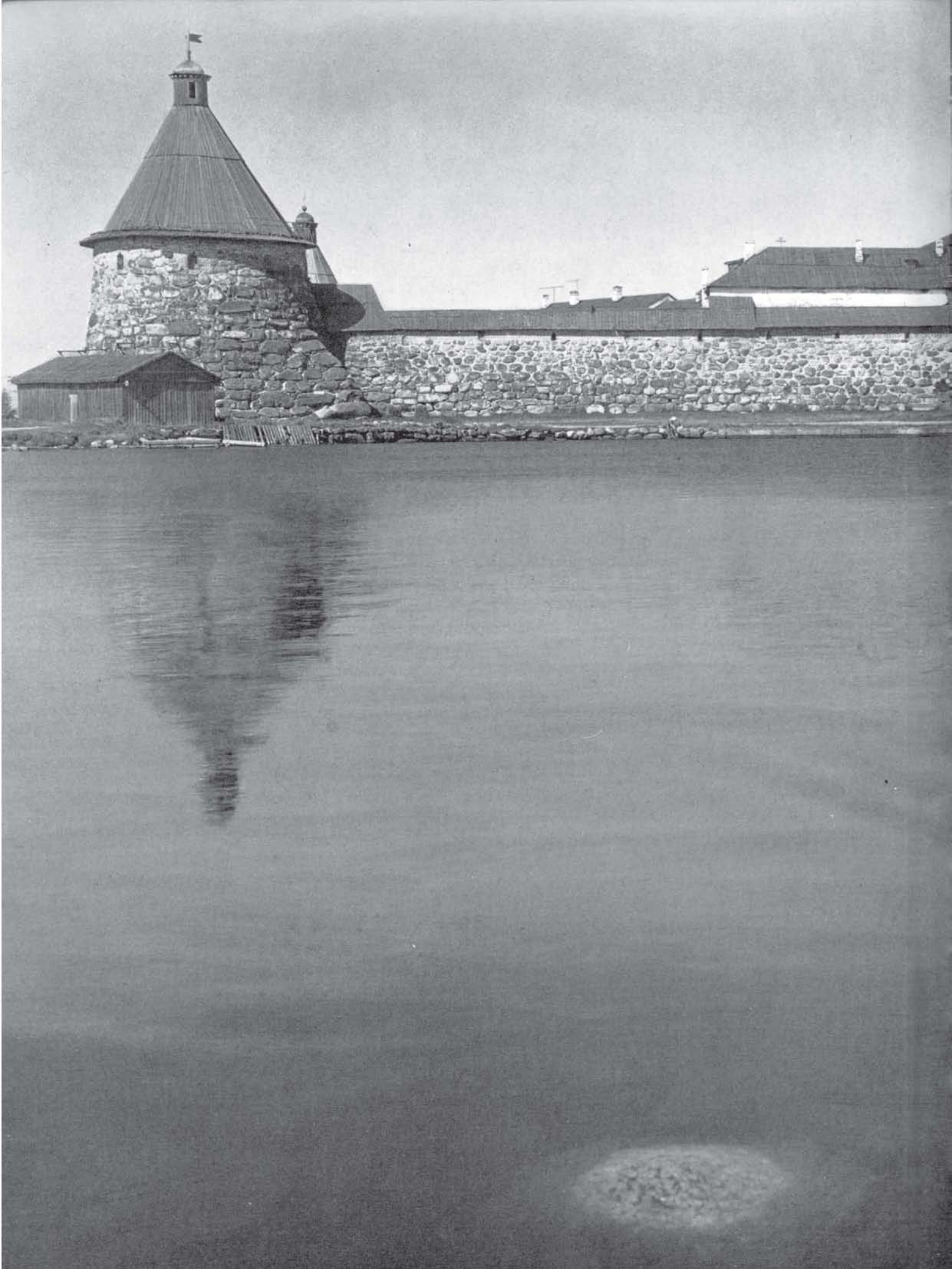
→

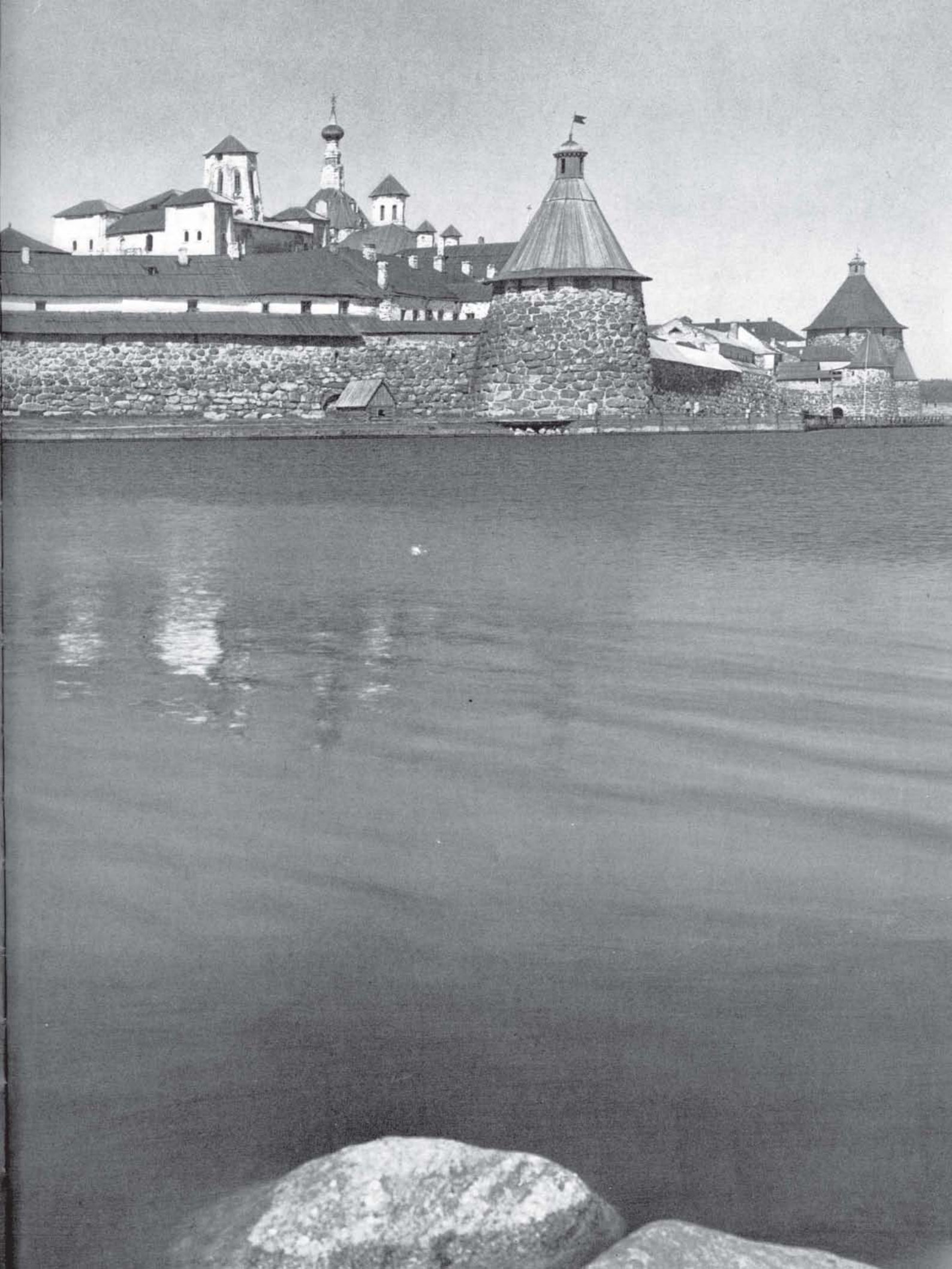
ил. 8

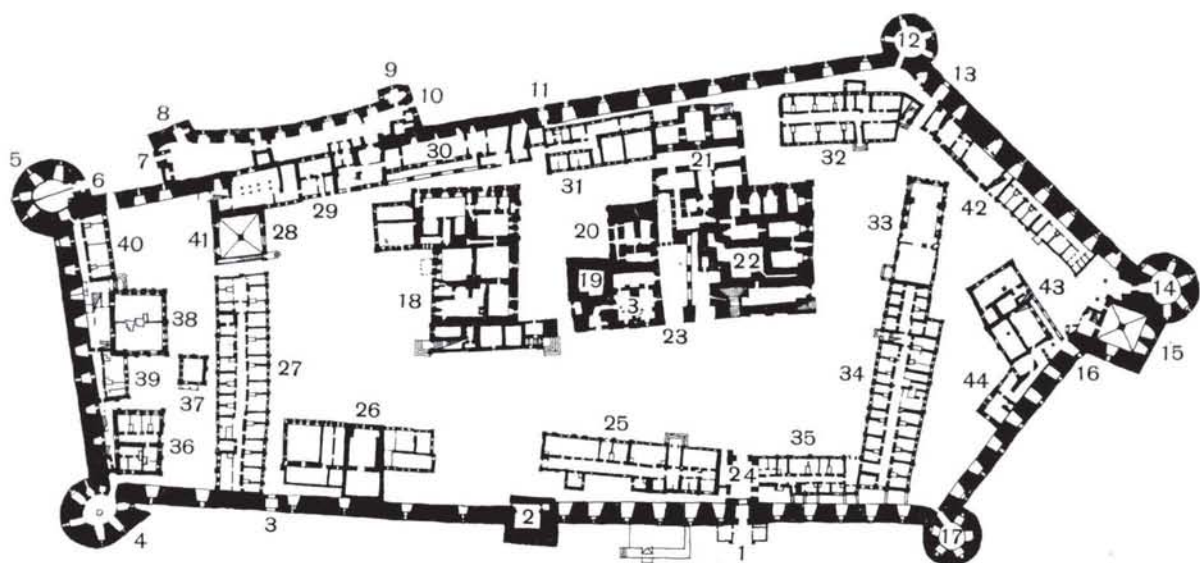
ил. 1

ил. 4

ил. 7

2, 3
 Планы Соловецкого монастыря на уровне первых и вторых этажей зданий (по состоянию на 1950-е гг.)

Крепостные стены и башни XVI—XVII вв.:

1. Святые ворота. 2. Успенская башня. 3. Рыбные ворота. 4. Корожная башня. 5. Никольская башня. 6. Никольские ворота. 7. Квасоваренные ворота. 8. Квасоваренная башня. 9. Поваренная башня. 10. Поваренные ворота. 11. Святозерские ворота. 12. Архангельская башня. 13. Архангельские ворота. 14. Белая башня. 15. Сушило. 16. Сушиальные ворота (на чертеже не обозначены). 17. Пряничная башня.

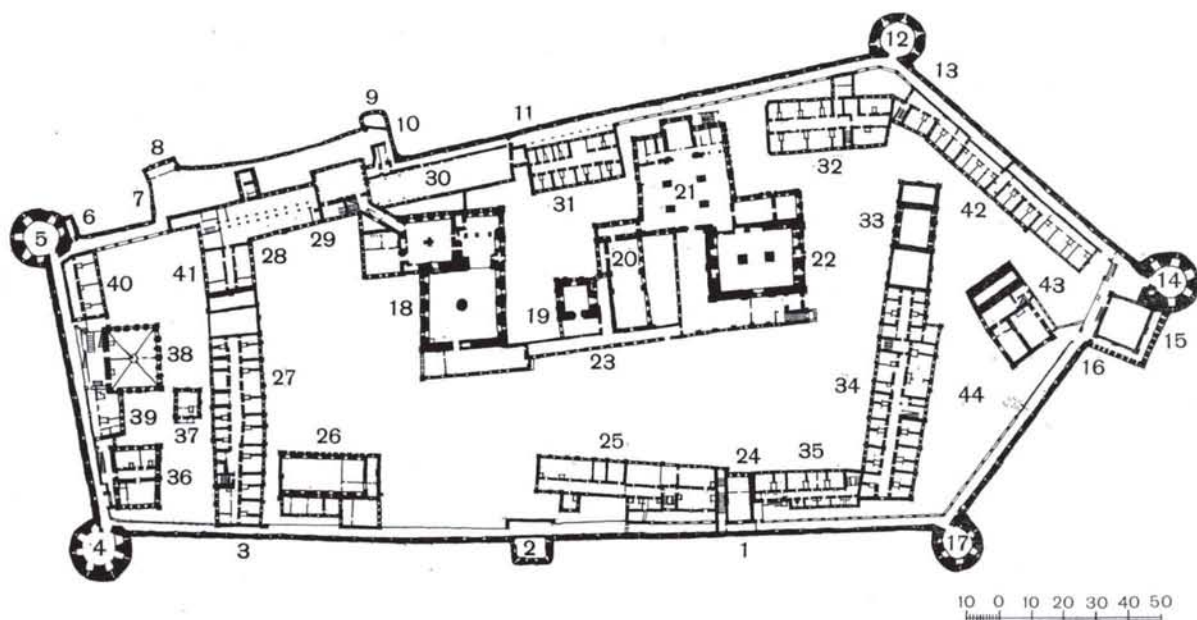
Центральный комплекс застройки монастыря XVI—XIX вв.:

18. Трапезный комплекс с Успенской церковью, келарской палатой и папертью. 1552—1557. 19. Колокольная. 1777. 20. Комплекс Никольской церкви с ризницей. 1881—1883. 21. Троицко-Зосимо-Савватиевский собор. 1859. 22. Спасо-Преображенский собор. 1558—1566. 23. Переходы с оружейной палатой. 1602.

позиции большинства из них и уцелевшие места детали декора на фасадах дают представление о подлинной, неповторимой в своей самобытности архитектуре зданий. В строительной истории ансамбля можно проследить все стадии, характеризующие развитие монастырских комплексов, — от первой деревянной кельи до возведения в камне монументальных трапезной и соборного храма, жилого и хозяйственного каменного строительства в XVII веке и появления в конце XVIII века высотно-ярусных сооружений, изменивших силуэтную композицию ансамбля. В XIX веке все здания подверглись кардинальной перестройке, постигшей к этому времени памятники древнерусской архитектуры повсеместно. Показательно в этом отношении замечание соловецкого архимандрита Досифея, который в своем капитальном труде по монастырю издания 1836 года говорит о том, что все здания, построенные «по бесправильной русской архитектуре», были переделаны и приведены в «наилучший» вид¹.

Возведению каменных сооружений предшествовали, как известно, деревянные постройки, которые легли в архитектурно-планировочную основу будущего ансамбля. Существовала деревянная церковь Преображения с приделом чудотворца Николая. По их наименованию и монастырь сначала назывался «обителью святого Спаса и святого Николая». Внутреннюю застройку окружала деревянная ограда. После 1452 года первую церковь, ставшую уже малой, сменил новый «огромный» храм Преображения. Тогда же, видимо, была выстроена и деревянная трапезная с Успенской церковью, перестраиваются кельи и монастырские службы. Ни одна из деревянных построек не дошла до нас. Только скудные, но красочные строки Жития открывают случайные картины из истории их строительства. Так, например, описан пожар, уничтоживший начатую постройку церкви: «И обложиша братия основание церкви начаша делать и срубиша церкви до прага церковных дверей, возгнетивше мало огня дыма ради курящегося и отгнания комаров и мщицы. Делателем же, по-

¹ См.: Досифей архимандрит. Географическое, историческое и статистическое описание старопригодного первоклассного Соловецкого монастыря. М., 1836, с. 46, 53, 66, 68.

чивающим в полудни, приблизится огонь к начинанию церкви не вем како и пожже все до основания. Братия же, смутившаяся, глаголюще: а уж то Бог не велит нам воздвигати велия церкви»². Дважды, в 1485 и 1538 годы, деревянный монастырь был истреблен пожарами почти полностью.

Начальный период каменного строительства на Соловках падает на середину XVI века. Русская архитектура претерпевает к этому времени качественные изменения и новую пору своего расцвета. До возвышения Москвы ее определяло, как известно, большое количество местных архитектурных школ. Каждая из них, глубоко храня свои традиции, по-разному трактуя одни и те же формы и постепенно совершенствуя их, привносила в общенациональную строительную культуру свои индивидуальные черты.

С конца XV века развитие русской архитектуры идет под знаком освоения тенденции московского зодчества, которое в свою очередь приняло к этому времени новое направление, связанное с архитектурой итальянского Возрождения. Влияние Москвы стало мощным импульсом в формировании единого общенационального стиля в искусстве. Благоприятные условия идейно-политического и экономического подъема, связанные с упрочением и развитием русской государственности, способствовали яркому проявлению многовекового опыта национальной строительной и художественной культуры в возникновении совершенно новых и самобытных по своей архитектуре сооружений. Так, например, блестящую страницу в истории древнерусского зодчества открывают такие шатровые и столпообразные храмы, как церковь Вознесения в селе Коломенском 1532 года или храм Василия Блаженного в Москве 1555—1560 годов.

В XVI столетии этот процесс сопровождается появлением новых, но еще сугубо местных вариантов, обусловленных устойчивостью традиций. Так, например, прямое перенесение столичных строительных приемов на новгородскую почву послужило

Внутренняя периметральная застройка монастыря XVI(?), XVII—XIX вв.

24. Наоборотная Благовещенская церковь. 1596—1601. 25. Настоятельский корпус. 26. Казначейская палата (старые больничные кельи). 27. Наместнический корпус. 28. Рухлядная палата. 29. Поварни. 30. Здание общей трапезной на погребках (для богомольцев). 31. Просторный корпус. 32. Новобратский корпус. 33. Церковь Филиппа. 1798. 34. Святительский корпус. 35. Благовещенский корпус.

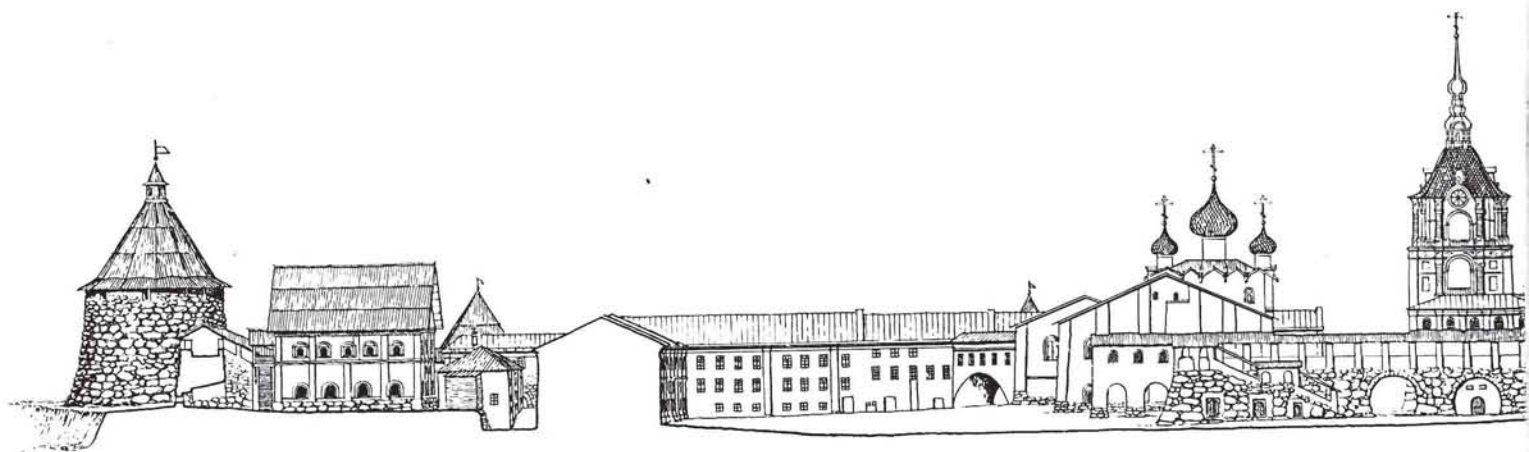
Застройка северного хозяйственного двора. XVII—XIX вв.:

36. Иконописная палата. 1615. 37. Хозяйственная постройка. XVII (?) в. 38. Портная палата. 1642. 39, 40. Пристенная застройка. XIX—XX вв. 41. Квасной погреб. XIX в.

Застройка южного хозяйственного двора XVII (?)—XIX вв.:

42. Прачечный корпус. 43. Мельница. 44. Братские бани.

² Житие Зосимы и Савватия соловецких XVII в. ГИМ, ф. 717, ед. хр. 175.

4
Западная панорама внутренней застройки Соловецкого монастыря XVI—XIX вв. Эскизный проект реставрации 1977 г. ВНИИРК

лишь толчком для нового направления новгородской архитектурной школы, которая в то время отнюдь не утратила еще своей самобытности.

В конце XV и в XVI веках возводятся целая серия сооружений, составляющих особый круг архитектурных памятников Белозорья, также давших качественно новые варианты трансформации московских архитектурно-строительных приемов³. И, наконец, Соловецкий монастырь. Памятники этого ансамбля совершенно необычны на архитектурном фоне своего времени. И все же по чисто образной характеристике кажется очевидной их новгородская ориентация, выразившаяся скорее в идейной приверженности к художественным вкусам древнего Новгорода, нежели в привнесении тех или иных приемов, которые являются здесь в значительной степени местной разработкой.

ил. 5

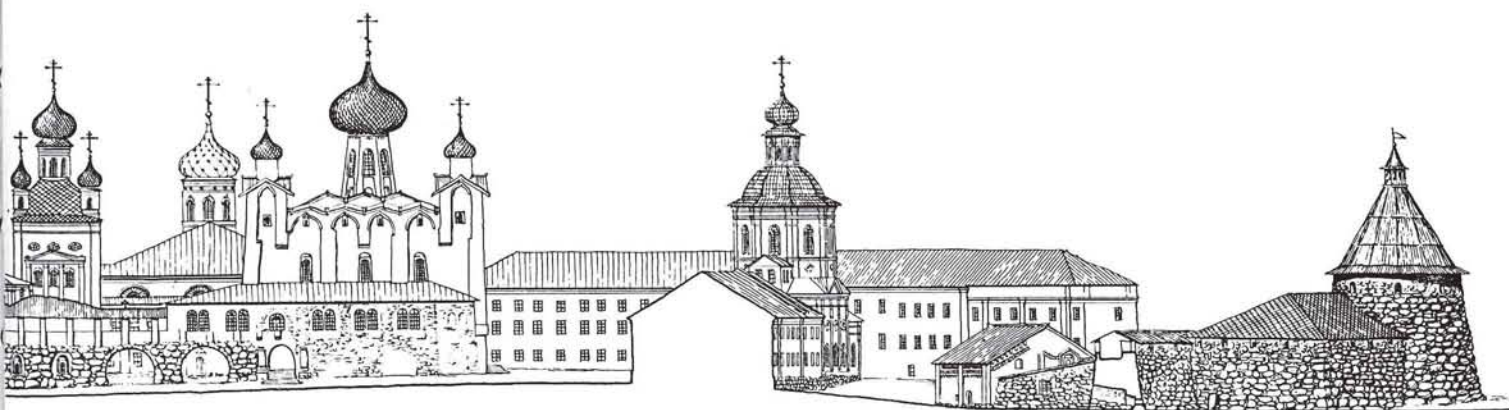
Возведение первых и самых грандиозных каменных сооружений монастыря связано с именем его настоятеля — Филиппа, выходца из богатого новгородского рода Кольчевых. В 1552—1557 годах по его инициативе строится знаменитая соловецкая трапезная, превышающая по своим размерам все известные нам трапезные палаты XV—XVI веков.

Этот тип сооружения был широко распространен в монастырском строительстве на Руси. Собор и трапезная с малой церковью при ней являлись главными и, как правило, первыми сооружениями, определенными уставом монастырского общежития. Они образовывали композиционное ядро, вокруг которого формировалась вся последующая застройка.

Для трапезных палат XVI века характерно наличие трех архитектурно объединенных, но четко выраженных в плане помещений: собственно трапезной, церкви и келарской палаты. Первая имеет чаще всего одностолпную конструкцию со сводами, которые опираются на стены и на центральный столб. Здание возводилось, как правило, на подклете, использовавшемся под хозяйственные нужды. Из общего

³ См.: Каргер М. К. Новгород Великий. Л.—М., 1966. Подьяпольский С. С. К характеристике кирilloвского зодчества XV—XVI веков.—Сб. «Советская археология», 1966, № 2; Подьяпольский С. С. Архитектурные памятники Спасо-Каменного монастыря (XV—XVI веков).—Сб.

Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы и прилегающих к ней княжеств XIV—XVI веков». М., 1970, с. 437—457.

объема выделялась только церковь: она возвышалась над кровлями палат и увенчивалась главой. Фасады, расчлененные лопатками, часто украшались неширокой лентой орнамента, узорным пояском или декоративным фризом. При большом сходстве, обусловленном одинаковым функциональным назначением, общностью бытовавших строительных приемов и художественных вкусов времени, монастырские трапезные XV—XVI веков составляют группу многообразных памятников, различных по своей архитектурно-плановой композиции и художественному облику.

Соловецкая трапезная с Келарской палатой и Успенской церковью, обладая всеми типологическими признаками подобного рода сооружений, является их блестящим образцом. Сдержанность, чистота и ясность архитектурной композиции доведены здесь до высшей степени выразительности. Решительно отказавшись от всякого декора, пренебрегнув столь логичными в архитектуре симметрией и четкой ритмичной композиционным построением, мастера сумели придать строительным конструкциям высокохудожественное воплощение. Здание, особенно его интерьер, оставляет неизгладимое впечатление. Зрителя охватывает в нем то неосознанное чувство внутреннего подъема, эстетической удовлетворенности, гармонии и покоя, которые ассоциируются с лучшими образцами архитектурной классики. Не заимствования, не влияния, не схожесть сближают с ними здание трапезной, а тонкое и точное чувство пропорций, конструктивная логика, ясность композиции, профессиональное мастерство и высокий вкус.

Зрелость зодчих, создавших этот памятник, замечательно проявилась в творческой самостоятельности, техническом мастерстве, свободе и широте использования ранее разработанных приемов. Письменные источники указывают на то, что зодчими были новгородцы: «Мастер же бысть у него из великого Новаграда именем Игнатей Салка, горазд и мудр церковному делу»⁴, «а делали трапезу 7 лет, был мастер Столына, родом новгородец»⁵.

ил. 5, 10,
14, 15

⁴ Житие Митрополита Филиппа XVII в. ГБЛ, Собр. Ундольского, ф. 310, ед. хр. 380, л. 65 об.

⁵ Сказание о Филипповом строении иже в Соловецком монастыре. ГБЛ, Собр. А. И. Попова, ф. 236, ед. хр. 37, л. 238 об. (в дальнейшем «Сказание...»).

5
Комплекс Трапезной палаты. 1552—1557 гг., XIX в. До реставрации

6
Никольская башня. XVI в. Вид с юго-востока

ил. 10

ил. 12

Соловецкая трапезная, как и все памятники монастыря, вследствие пожаров и грубых переделок XVIII—XIX веков в значительной степени утратила свой первоначальный облик. В 1717 году погорели главы и приделы церкви, которые были вскоре возобновлены. В последующее время были дважды переделаны все окна, растесаны порталы, срублены лопатки, утрачена звонница, перестроена паперть, изменены форма и конструкции покрытий, сломана лестница у келарской палаты. Разрушение памятника довершили пожары 1923 и 1932 годов.

Исследования и реставрационные работы, проведенные по памятнику, позволили выявить утраченные детали конструкций и восстановить основной объем здания в первоначальных формах⁶.

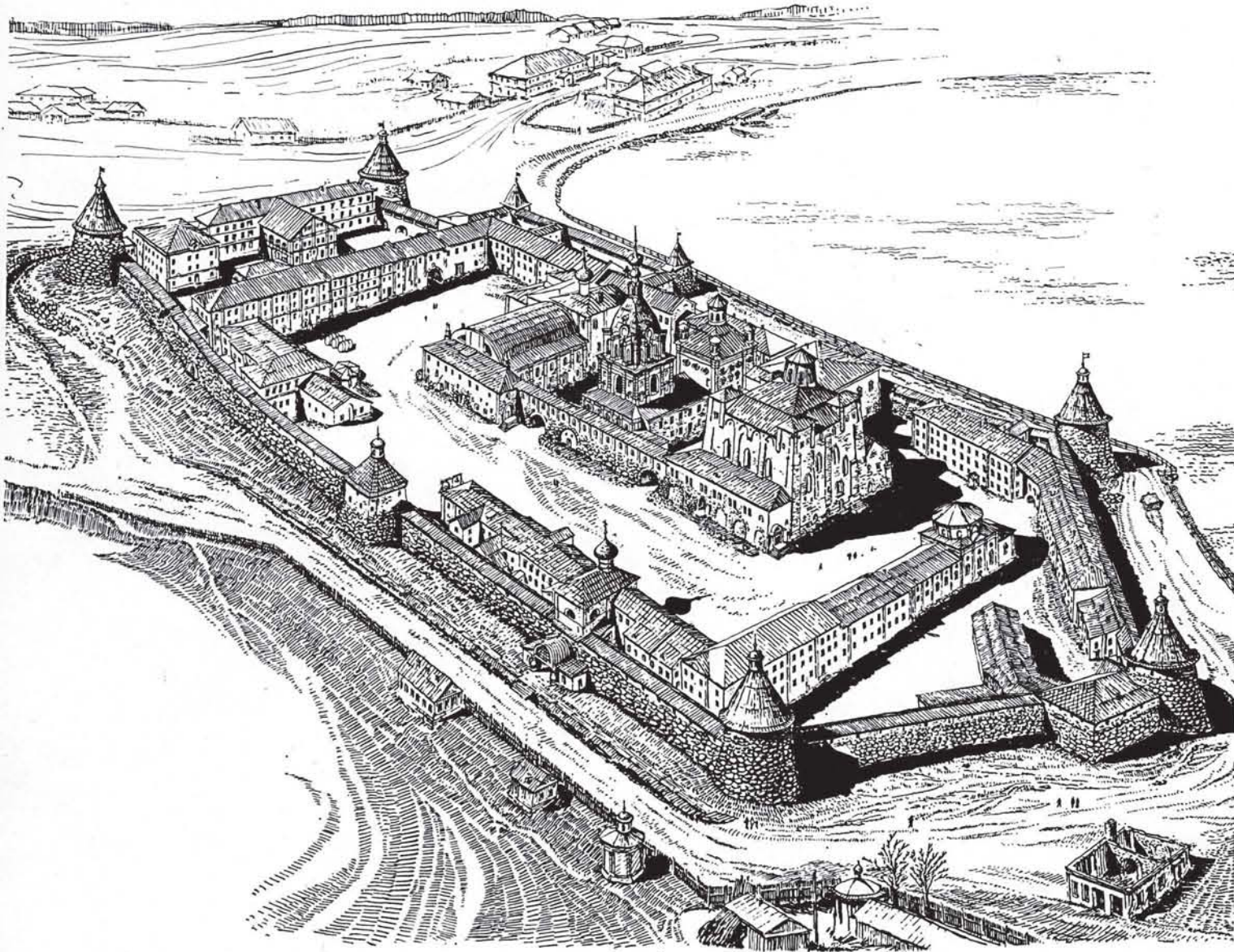
Внешний вид здания предельно прост. Фасады, лишенные декора, карнизов и горизонтальных тяг, решены в системе вертикальных членений, образованных массивными лопатками. Местами — там, где они совпадают с окнами, — лопатки обрываются по высоте или обходят проем за счет уменьшения их по ширине. Ступенчатый

⁶ См.: Савицкая О. Д. Исследование трапезной Соловецкого монастыря. — В сб.: Реставрация и исследования памятников культуры. Вып. 1. М., 1975, с. 168—176.

7
Застройка главного двора
монастыря. Вид с юга

←

8
Соловецкий монастырь.
По рисунку А. И. Хамцова

9
Центральный комплекс
застройки монастыря.
Вид с северо-запада

10
Трапезная палата. 1552—
1557. Северный фасад.
После пожара 1923—
1932 г.

11
Наместнический корпус.
XVII—XIX вв. Вид с юго-
востока

→

цоколь из каменных плит достигает по западному фасаду двухметровой высоты, образуя могучий каменный постамент (в настоящее время скрыт более поздней пристройкой паперти). Наружные стены выложены с уклоном, ставшим в дальнейшем характерной чертой соловецких построек.

В сторону главного двора здание обращено западным торцовым фасадом трапезной, завершавшимся раньше не полукруглым фронтоном с небольшой звонницей. На первом плане выступает пониженный объем паперти, а в глубине, над кровлями палат, возвышается верхний ярус Успенской церкви, увенчанный многоскатной «щипцовой» кровлей и тремя главами на глухих круглых барабанах.

Узор щипцовой кровли над церковью, очертание луковичных глав, крыльца, звонница, лестницы и переходы смягчали суровое величие сооружения, а использованные в конструкциях дерево и камень создавали на фоне беленых стен яркий цветовой контраст.

В плане комплекс соловецкой трапезной с Успенской церковью представляет новую комбинацию, включающую не одну, как обычно, а две одностолпные палаты. Келарская, которая занимает северо-восточную часть здания, выступает на север, а церковь, расположенная в юго-восточном углу, вписана в общий абрис плана. Трапезной палате придано по отношению к церкви решительно большее значение. Ее площадь по внутреннему обмеру стен составляет 475 кв. м. при диаметре центрального круглого столба 4 м; высота — от пола до шельги свода — 6,6—6,9 м.

12
Трапезная палата. Внутренний вид

Вход в трапезную палату и ⁷на лестницу к часовой звоннице ведет из западной паперти, которая дошла до нас в реконструкции XVII—XIX веков. Судя по всему, первоначально она была деревянной на столбах, но уже вскоре ее сменила некая не существующая теперь каменная (или дерево-каменная) пристройка на арках, сохранившихся в структуре современного объема паперти ⁷. Следующая перестройка связана со строительством в 1602 году каменного перехода, ведущего к ней от большого собора. В примыкании к трапезной паперти он включал в себя монументальную каменную лестницу, контуры которой хорошо читаются и теперь на западном фасаде здания. Современный, далекий от первоначального, вид эта часть памятника приобрела уже в результате поздних переделок XVIII—XIX веков. Во вторую келарскую палату вел «всход», о котором упоминает опись 1705 года. «Из той келарской на западной стене дверь, на крыльце в той двери затвор деревянной, с того крыльца лесница каменная всходная к поварни, то крыльцо и лесница покрыты тесом» ⁸.

⁷ Исследования последних лет позволили уточнить хронологическую последовательность перестроек паперти. Вопреки ранее высказанному предположению в указанной выше статье О. Д. Савицкой («Исследование трапезной Соловецкого монастыря») следует полагать, что

к моменту сооружения переходов, то есть к 1602 году, паперть была уже каменной (или деревянной на арочном каменном подклете), но не оставалась полностью деревянной, как предполагалось раньше.

⁸ Опись Соловецкого монастыря и вотчин его. Составлена дьяком Карпом Андреевым в 1705 г. Архив Государственных музеев Московского Кремля, ед. хр. 1240, л. 82 (в дальнейшем — Опись 1705 г.).

Фрагмент восстановленного теперь дверного проема был найден в натуре, но каменная лестница и крыльцо практически невозможны.

Трапезная сообщается с келарской и церковью двумя порталами, являющимися единственным украшением интерьера большой палаты. Тот, что ведет в церковь, сделан в форме так называемого «перспективного» портала. Богатое обрамление его проема образовано уступами круглых и прямоугольных тяг с декоративными каменными вставками в виде «дынек». Вход в келарскую несколько упрощен, он имеет только один уступ и круглую тягу в обрамлении. Зато слева его дополняет также оконтуренная валом декоративная нишка.

Окна в главных помещениях одинаковы по форме, но различаются между собой в размерах. Их глубокие внутренние ниши закруглены в углах — маленькая, но необычная деталь, придающая, как и круглая форма столба в большой палате, особое звучание архитектуре интерьеров. Рефлексирующие поверхности сводов, а также смягчающее границы светотеней скругление углов создают ровную и спо-

13
Келарская палата трапезного корпуса. 1552—1557. Внутренний вид

ил. 12

койную освещенность помещений, придавая особую пластичность его конструкциям.

Благодаря большим площадям и возможности широкого зрительного охвата каждая конструктивно необходимая деталь воспринимается как элемент цельной архитектурно-художественной композиции. Арочная лента распалубок опоясывает стены нависающим широким фризом, а круглый приземистый столб, плавно переходящий в своды и как будто распускающийся в них, подобен огромному каменному цветку. Трапезная церковь, образующая юго-восточную часть здания, — бесстолпная с одночастным прямоугольным в плане алтарем, равноценным по площади самой церкви, от которой он отделен алтарной преградой с тремя разновеликими арками. Обе части перекрыты цилиндрическими сводами с распалубками.

Высота Успенской церкви оказалась сильно заниженной из-за редкого для трапезных храмов деления внутреннего пространства на два этажа, не считая подклета. Ее верхний ярус образован удлиненным в плане помещением с двухлотковым сводом перекрытия на распалубках. Здесь размещались два придела — Усекновения главы Иоанна Предтечи и Дмитрия Солунского. Последний был устроен позже и освящен только в 1605 году. Существующая теперь алтарная пристройка к ним не одновременна древнему объему здания. Она появилась позже, доказательством чему служат заложенные теперь окна в восточной стене верхнего этажа церкви и некоторые мелкие детали архитектуры. Пристроенная часть образована двумя помещениями с цилиндрическими сводами, перекрытыми двускатными спаренными кровлями.

Этажи сообщаются между собой внутрискладными лестницами, расположенными в стене между трапезной и церковью. Одна из них ведет из келарской палаты в подклет, другая из Успенской церкви в верхние приделы. По третьей внутрискладной лестнице в западной стене трапезной палаты можно попасть на звонницу и на чер-

дак. В толще стен обнаружено, кроме того, большое количество внутрстенных освещенных «чуланов», ниш, тепловых камер, каналов и дымоходов.

Целый ряд признаков, не характерных для аналогичных сооружений XVI века, но повторенных в том или ином из последующих сооружений монастыря, делает рассматриваемый комплекс трапезной палаты постройкой, положившей начало особому кругу памятников «соловецкой» архитектурной школы. Традиционным стал и общий живописный строй архитектурно-художественной композиции фасадов с уступчатыми или прерывающимися лопатками, арочной папертью, звонницей и прямоугольной пристройкой алтаря.

Сразу по окончании строительства трапезной палаты в 1558—1566 годах возводится грандиозное здание Спасо-Преображенского собора. Его сооружение явилось

15
Трапезная палата с Успенской церковью. После реставрации.

событием необыкновенным, поразившим воображение монастырской братии. Сама идея строительства столь грандиозного сооружения показалась необдуманной и дерзкой. Вот как повествует об этом Житие Филиппа конца XVI века: «И открывает ко братии слово, еже мысли своя к богу о воздвижении церкви. Они же, слышавше недоумением покровени быша, но не смеяху препяти добраго его рачения тихо простирающе беседу, кротце глаголаху, самыя истины приводяще глаголющее слово: аще хошет кто столп злати не прежде ли сед разочтет имения, и аще имать еже есть на совершенне, да не егда положит основание и не возможет совершити и вси видящеи начнут ругаться! <...>, откуда имати злато на воздвижение великия церкви»⁹. Однако ни затраты, ни сложности организации работ в островных условиях крайнего севера не явились препятствием для возведения монументального храма — главной святыни монастыря. Царем было пожаловано на его строительство 1000 рублей. Заинтересованность московского правительства в создании военно-экономической базы на северных рубежах страны способствовала интенсивному развитию монастыря и широкому размаху строительных работ.

ил. 16, 17,
18, 19

Целый ряд особенностей, присущих архитектуре Спасо-Преображенского собора, выдвигает это сооружение в число уникальных, не имеющих себе подобных памятников древнерусской архитектуры.

По архитектуре собор близок только к соловецкой трапезной палате, что дает основание отнести авторство обеих построек одному мастеру.

Здание образует южную часть центральной застройки монастыря, которая в настоящее время представлена рядом связанных между собой в единый комплекс разновременных и разнохарактерных сооружений XVI—XIX веков. Западным фасадом оно выходит в сторону большого монастырского двора, против Святых — главных крепостных — ворот.

Собор включал в себя шесть малых приделов. В северо-восточном углу располагался Зосимо-Савватиевский придел со своей папертью, в диаконнике был придел Михаила Архангела, и еще четыре находились в угловых башенных надстройках: Иоанна Лествичника, Федора Стратилата, 12-ти Апостолов и 70-ти Апостолов. Под алтарем главного храма находилась усыпальница Зосимы.

По описи 1705 года: «... Соборная церковь Преображения <...> каменная о пяти главах з закомарины, а с обою страну тоя церкви две церкви пределные, с южную страну предел собор архистратига <...> Михаила, а с северную страну пределная церковь <...> Зосимы и Савватия Соловецких чудотворцев, а в шиях четыре ж церкви пределных. Та церковь покрыта тесом, а главы и бочки и закомарины и на дву пределных церквах главы же и шии обиты чешуею древянною, на главах кресты осмоконечные древянные ж, обиты белым полинным железом, на них для крепости чепи железные. З западную сторону тоя церкви в четырех закомаринах писано настенным писмом образ Преображения <...> да образ Благовещения <...> да образ преподобных <...> Зосимы и Савватия соловецких чудотворцев, да образ Филиппа Митрополита да Гермона соловецкаго чудотворца. З западную ж страну тоя церкви паперть каменная же без своду, к ней два крыльца каменных ж всходных с лесницы каменными ж, на тех крыльцах три бочки, те бочки обиты чешуею древянною, а паперть и лесницы покрыты тесом с зубцами, в тех бочках святые иконы...»¹⁰.

⁹ Житие Филиппа Митрополита, XVII в. ГБЛ, Унд. ф. 310, ед. хр. 381, л. 15. Здесь и в дальнейшем частично использованы материалы историко-архивных изысканий ЦНРМ, выполненных В. И. Курловым и И. В. Киартано. См. архив ВПНРК инв. 88/103.

¹⁰ Опись 1705 г., л. 5.

Здание выстроено на подклете, а верхние приделы, объединенные по чердаку арочными галереями, образуют его третий ярус. Прежде оно венчалось пятиглавием, от которого остался лишь центральный, смещенный к востоку барабан. В плане собор имеет форму близкого к квадрату неправильного прямоугольника, слегка вытянутого в направлении север — юг. Алтарная часть вынесена в пониженную, трехчастную, прямоугольную в плане, безапсидную пристройку, расчлененную по фасаду узкими вертикальными штрабами (закрытыми щелями) с характерным скруглением углов¹¹. Со стороны главного западного фасада собора и с северной стороны (к Зосимо-Савватиевскому приделу) примыкали каменные паперти, а к южному и северному входам в собор вели деревянные крыльца и переходы. Придельная паперть включала звонницу¹².

По своей внутренней структуре памятник представляет один из ранних вариантов двухстолпных храмов, нашедших довольно широкое распространение позднее. Два могучих, квадратных в сечении пилона делят интерьер на три нефа по продольной и на два по поперечной осям плана. Отсеки нефов, разделенные подпружными арками, перекрыты крестовыми сводами; световой восьмигранный барабан центральной главы смещен к стене алтарной преграды.

Арочные входы, ранее украшенные с фасада богатыми «перспективными» наличниками, расположены, как обычно, с трех сторон, в торцах центрального и восточного нефов. Освещение двусветное. Окна имели несколько иное устройство, чем теперь: арки световых проемов были значительно меньше, снаружи и внутри они имели, как обычно, надоконные «лобики», а низ их внутренних сводчатых ниш был выложен уступами, образующими крутой уклон¹³.

Междуэтажная связь осуществляется, как обычно, внутрискрипными каменными лестницами, но те из них, которые вели в подклет, теперь заложены. Характерно устройство внутрискрипных камер, что составляет одну из специфических черт соловецких памятников XVI века.

Алтарная пристройка выделена в интерьере сплошной стеной с большой и малой арками посредине и двумя дверными проемами в углах, ведущими в располагавшиеся за ними приделы¹⁴. Перекрытие в алтаре в виде лоткового, а в приделе — сомкнутого свода, оба на расналубках. Окна имели со стороны интерьера глубокие сводчатые ниши, а снаружи были слегка утоплены на полкирпича в простые нишки прямоугольной формы¹⁵.

Подклет был разбит на семь (теперь восемь) освещенных камер, перекрытых простыми цилиндрическими сводами, с низкоопущенными пятами. Их габариты и расположение отвечают планировке вышележащего этажа, но трехчастное деление «каждка» по продольной оси в подклете не выдержано. Вместо отдельно стоящих опор под столбы подведена сплошная стена, которую посредине пересекает поперечная преграда, образуя перекрестие не под столбами, а между ними.

В помещения подклета ведут три входа, расположенные со всех сторон, кроме восточной. Тот из них, который ведет в усыпальницу Зосимы, представляет собой роскошный «перспективный» портал, обрамленный богатым наличником с килевидным завершением и резными каменными вставками в виде двойных «дышек». Видеть его можно и теперь.

ил. 16

ил. 20

¹¹ В настоящее время помещение Зосимо-Савватиевского придела включено в объем примкнувшего Троицкого собора XIX века.

¹² Натурные исследования по Спасо-Преображенскому собору проводились архитектором О. Д. Савицкой в 1961—

1970 гг., затем совместно с архитектором В. В. Сошиным в 1973—1976 гг.

¹³ Видеть фрагменты древних окон можно теперь из северной паперти собора.

¹⁴ Все проемы в стене алтарной преграды, кроме северной двери, в на-

стоящее время восстановлены. До этого они были растесаны, а от невосстановленной двери остался только след.

¹⁵ В настоящее время восстановлены.

Внешний облик памятника суров, величествен и прост. Высотность композиции усиливается перспективным сокращением за счет характерного для соловецких построек уклона фасадных стен. Сужению объема по высоте вторит и расположение окон верхнего света в простенках между нижними проемами.

Фасады расчленены мощными лопатками, которые соответственно внутренней разбивке плана делят стены на три части с западной и восточной стороны и на две с других сторон. Вверху введены промежуточные лопатки, обрывающиеся по высоте. По линии их обрыва проходит нижняя граница декоративного завершения, которое по западному и северному фасадам образовано поясом килевидных арок (с двух других сторон арочное венчание не сохранилось). Башенные надстройки, также имевшие прежде арочное завершение, введены в общую систему венчания собора. Первоначально над ними возвышались главы на глухих круглых барабанах, которые в настоящее время полностью утрачены.

Единственно сохранившийся центральный барабан имеет необычную форму суживающегося кверху не совсем правильного восьмигранника. Грани прорезаны высокими арочными окнами со ступенчатым перспективным обрамлением, а под ними сделаны глубокие арочные же ниши в филенках. Вверху проходит неширокий фриз из полосок бегунца и пятиугольных нишек — детали, составляющие типичный элемент декора новгородских памятников XVI века. Конструктивной особенностью барабана являлось существование внутреннего деревянного каркаса из вертикальных угловых стоек и одного или нескольких колец горизонтальных обвязок, от которых сохранились теперь только гнезда. Совершенно необычно и отсутствие перевязки в кладке углов между гранями восьмиугольника — на фасадах по всей высоте ребер проходит шов.

В результате сложной строительной истории здание утратило древнюю форму своего покрытия. Верхние части храма подверглись крупной реконструкции еще до устройства четырехскатной крыши. Ей предшествовала шипцовая система покрытия, устроенная со всех сторон по-разному. На северном фасаде она совмещалась с покрытием по килевидным кокошникам аркатурного пояса, на западном и южном ее образовывали два яруса шипцов, а на восточном только один¹⁶.

Существует мнение, что Спасо-Преображенский собор завершался первоначально шатром, изображение которого встречается на ранних видах собора в лицевых рукописях и на иконах¹⁷.

Однако изучение дошедших до нас зданий монастыря в натуре и сравнение их с интерпретацией в древнерусской живописи и графике XVI—XVII веков убеждает в очевидной условности, а во многих отношениях и принципиальной недостоверности ранних изображений соловецких построек. Желание выразить идейно-смысловое значение изображаемого предмета превалирует в них, как правило, над стремлением к фактической достоверности. Кроме того, изображения собора сами по себе противоречивы и требуют уточнения датировок. И все же предположение о существовании шатра кажется не лишним оснований, тем более что его возведение над собором, появившимся до строительства крепостных стен и башен и игравшим, видимо, роль дозорного сооружения, было бы вполне уместным. Существенным аргументом в пользу шатра является и граненая форма центрального барабана.

¹⁶ См.: Савицкий О. Д. Некоторые черты северного зодчества на примере памятников Соловецкого монастыря. — «Архит. наследство», М., 1973, № 21.

¹⁷ См. диссертацию М. В. Щелкиной: «Царские лицевые рукописи конца XVI—начала XVII в.»

(М., 1945). Та же мысль повторена позже и другими авторами: С. В. Вереш в статье «Соловки» («История СССР», 1967, № 3, с. 206), И. А. Бартедьевым в кн. «Соловецкие острова» (Л., 1969, с. 9) и др. На основании графических первоисточников автором настоящей статьи была

сделана попытка реконструкции первоначального завершения храма с шатровым верхом, по эскизу которой П. В. Любимским выполнена первая объемная реконструкция собора. (Макет хранится в Соловецком гос. историко-архитектурном и природном музее-заповеднике.)

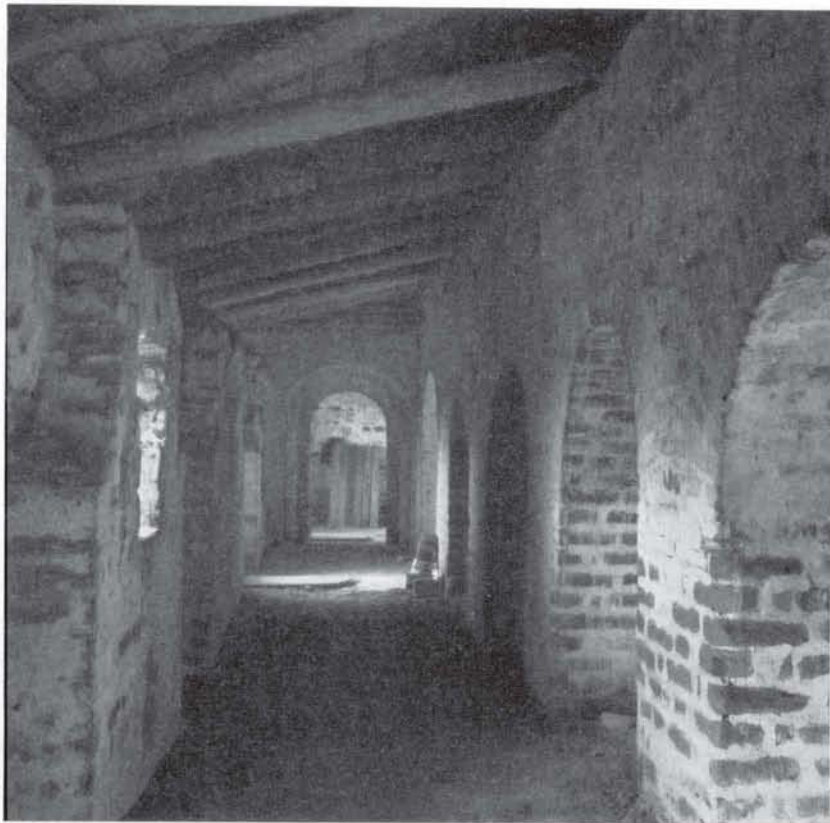

18
Западная панорама Цент-
рального комплекса заст-
ройки монастыря
←

19
Спасо-Преображенский
собор. 1538—1566. Вид
с северо-запада

20
Спасо-Преображенский
собор. Внутренний вид
→

Остается загадкой молчание письменных источников и летописцев не только о таком существенном моменте, как замена шатра луковичной главой, но и о переустройстве всей системы завершения стен и переходов между верхними приделами. Это наталкивает на мысль о каких-то важных, но неизвестных нам фактах строительной биографии памятника, повлекших необходимость переделок уже вскоре после окончания строительства.

Не исключено, что грандиозный замысел Филиппа создать по примеру Москвы величественный шатровый храм — монумент, который утверждал бы и возвеличивал значение подвластного ему монастыря, не нашел окончательного воплощения. Возможно, что уже на завершающем этапе строительства первоначальная идея его вдохновителя, покинувшего к этому времени монастырь, была изменена зодчим и мастерами, не являвшимися, судя по всему, приверженцами московской ориентации.

Неотъемлемой частью памятника, определяющей архитектурный облик сооружения до его перестройки в XVIII—XIX веках, были паперти, лестницы, звонница и деревокаменные переходы. Окружая собор со всех сторон, они образовывали вместе с алтарными пристройками живописное подножие монолитной громады храма и подчеркивали общую пирамидность композиции. К сожалению, в этой части памятник сильно пострадал. Существующая обширная пристройка, которая окружает собор по периметру западной и северной стен, является результатом не менее чем восьмикратной переделки. Все деревянные части переходов теперь утрачены, но габариты древних

21
Спaso-Преображенский
собор. Чердачная галерея

22
Спaso-Преображенский
собор. Северо-западная
надстройка верхнего при-
дела. Внутренний вид

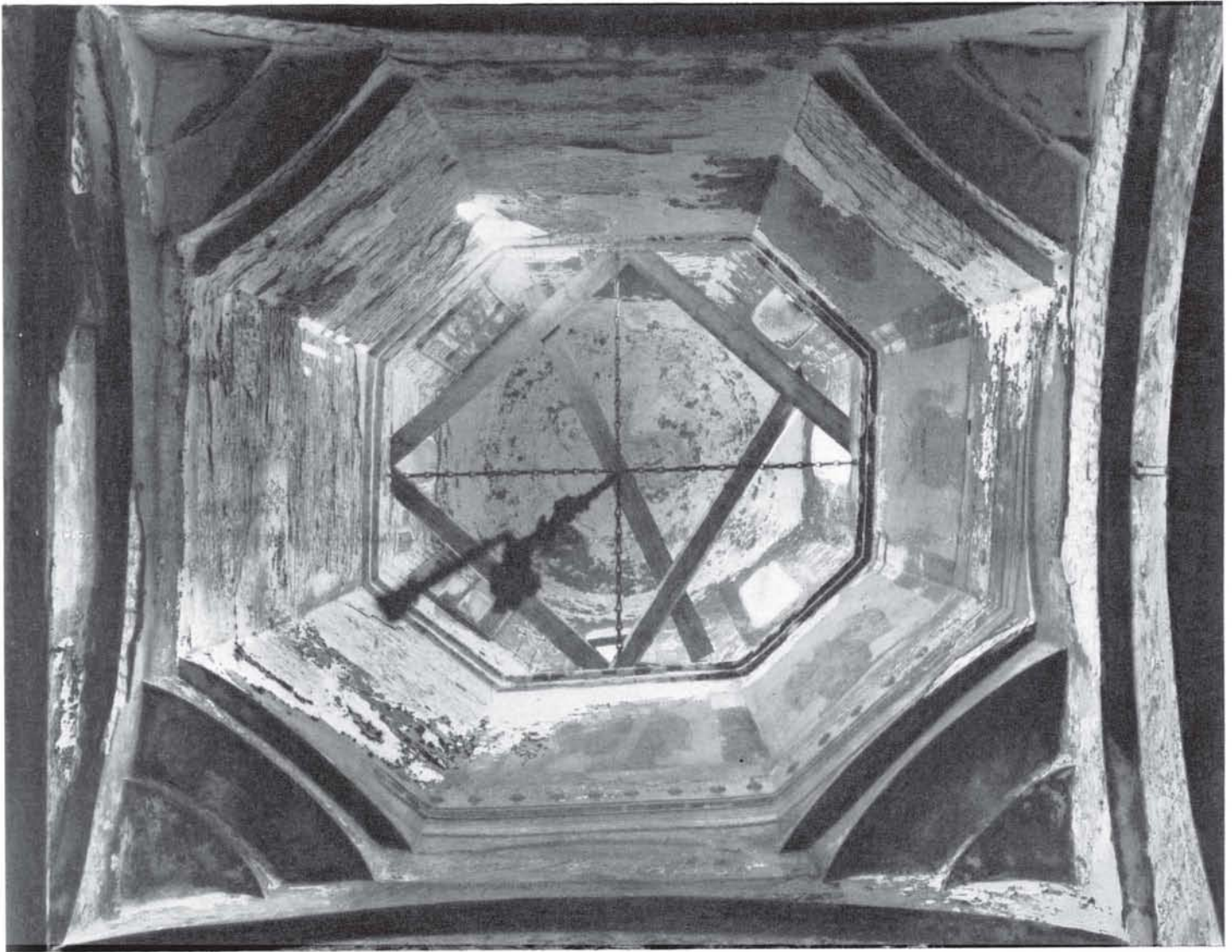
23
Спaso-Преображенский
собор. Подпрусские арки
сводов

→

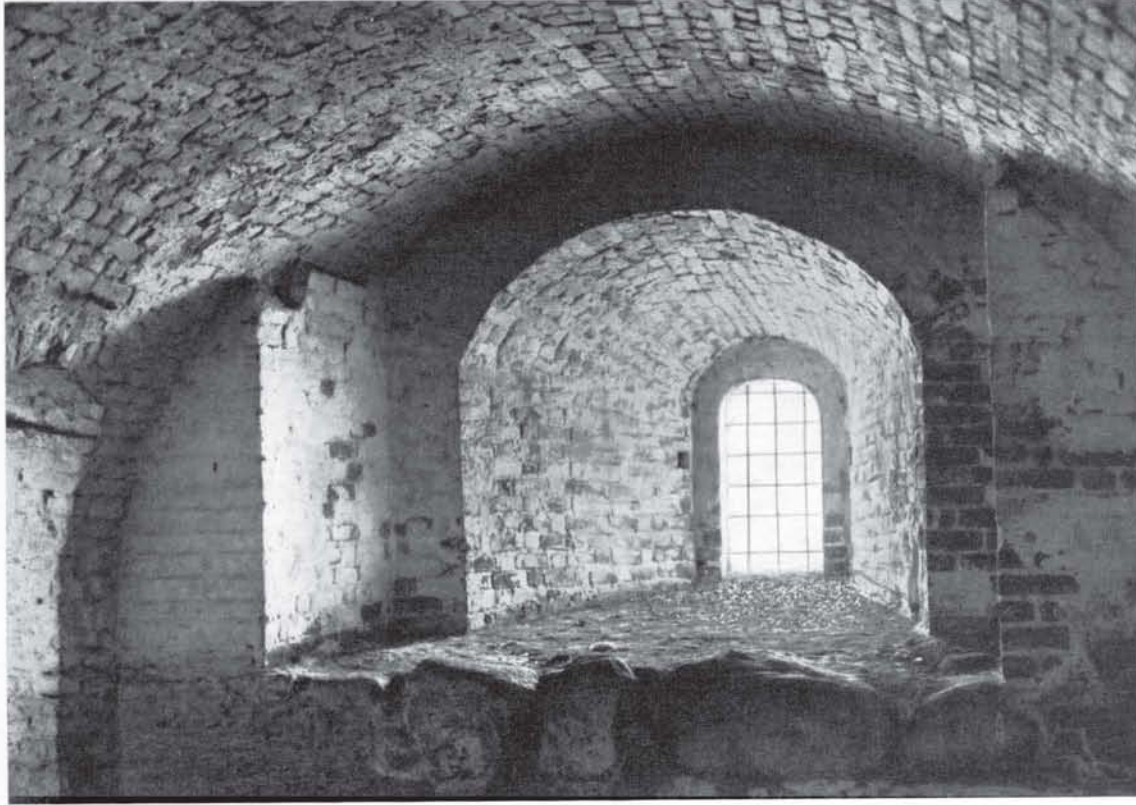
каменных массивов и отчасти лестниц удалось проследить при исследованиях последних лет.

Установлено, что западная паперть занимала первоначально только среднюю часть фасада. Она представляла собой выделенную в самостоятельный объем прямоугольную в плане пристройку, центрированную по оси главного входа. Ее конструктивную основу образовывала сохранившаяся в значительной своей части двухъярусная аркада, пролеты которой по первому и второму ярусам на главном фасаде не совпадают. Нижние две арки были, видимо, открыты или образовывали глубокие ниши на фасаде, а верхние три забраны тонкими стенками заподлицо с наружной поверхностью стены. Снаружи они выглядят как разгрузочные арки в толще кирпичного массива. В интерьере же эта монументальная аркада на массивных граненых пилонах

24
Спасо-Преображенский
собор. Своды перекрытия

←
25
Спасо-Преображенский
собор. Барабан центральной
главы

26
Спасо-Преображенский
собор. Окно в южной стене
подклета

←

27
Спасо-Преображенский
собор. Окно подклета. Вид
изнутри

придавала парадность входной части храма, еще более подчеркнутую роскошным порталом, остатки богатого обрамления которого также выявлены при исследовании.

Окна в паперти, судя по описи 1777 года, свидетельству которой можно найти подтверждение и в натуре, имели «колодную», то есть деревянную конструкцию, исключаящую арочную форму светового проема: «... В паперти три окна пятиколотных больших в них шесть окончин больших же слюдных под железом»¹⁸.

Вторая каменная паперть при Зосимо-Савватиевском приделе с находившейся здесь часовой звонницей понесла большие утраты, вследствие которых оказался полностью уничтоженным второй этаж древней постройки.

Находки, сделанные при изучении подклета, не оставляют сомнения в возможности его теоретической реконструкции, но об архитектуре самой паперти приходится только догадываться по отрывочным сведениям письменных источников, изображениям на гравюрах и по некоторым сохранившимся в натуре следам утраченных конструкций. Некоторое представление о ней дают письменные первоисточники. Так, например, в описи 1705 года показаны притвор, лестница, крыльцо, а также северная, деревянная еще паперть собора: «С северную страну тоя соборные церкви перед пределною церковью преподобных <...> притвор камянной <...>. В том притворе два окна великих <...>. Третие окно в паперть <...>. Ис того притвора дверь великая в пределную церковь преподобных... На крыльце того притвора окно вели-

¹⁸ Опись Соловецкого монастыря 1777 года. Архив Государственных музеев Московского Кремля, ед. хр. 1256, л. 72 об.

кое <...>. С южную сторону той церкви в каменной стене учинены две падины в тех падинах раки преподобных <...>. У вышенисанной пределной церкви <...> у притвора на восточном крыльце в дверях затворы деревянные столярского дела. На крыльце того притвора окно великое в нем окончина слюдяная в железе. С того крыльца на западной стороне лестница каменная, покрыта тесом з зубцами. Да с того ж крыльца подле соборную церковь с северную сторону паперть <...>. В той паперти помост деревянной...»¹⁹.

К числу интереснейших натуральных находок следует отнести обнаруженные в структуре современного объема северной паперти собора остатки широкой лестницы, ведущей к разрушенному теперь приделу. Это фрагменты граненых столбов и парапеты ее ограждения, оказавшиеся аналогичными таким же деталям, выявленным в конструкциях перехода к паперти трапезной палаты. Архитектурная специфика и идентичность деталей в разновременных постройках позволяют отнести обнаруженный «всход» к числу характерных и традиционных для соловецкой архитектуры элементов.

Есть некоторые основания полагать, что соборная паперть начала трансформироваться еще до 1602 года, когда с северной стороны к ней примкнули каменные переходы, а в южном конце была устроена книгохранительная палата. Последующие переделки (некоторые из них датируются летописцами) относятся ко второй половине XVIII—XIX веку²⁰.

Так, например, известно, что в 1752 и 1753 годах деревянные переходы между западной и северной папертями и такой же переход от собора к Никольской церкви были заменены каменными; кирпичные своды, сменившие плоское деревянное перекрытие над подклетом западной паперти появились только в 1755 году. В 1795 и 1816 годах расширялся вместе со своей входной частью Зосимо-Савватиевский придел, а в 1859 году он был вовсе уничтожен при строительстве нового грандиозного Троицко-Зосимо-Савватиевского собора.

Современные габариты паперть приобрела в результате расширения северного перехода. По его фронту с большим отступом была сделана новая стена на арках, а все старые конструкции второго этажа, оказавшиеся в интерьере нового объема, сломаны. При этом северная аркада большой соборной паперти была по второму ярусу полностью разобрана, а западная продолжена в новой кладке до вновь пристроенной стены.

В результате паперть приобрела вид обширного Г-образного в плане помещения с низкими подшивными потолками и монументальными гранитными лестницами, введенными в интерьер. Вместо «колодных» окон в западной стене появились узкие спаренные арочные проемы, отличные от тех, которые были сделаны в заново построенной северной стене. Последующая переделка тех и других окончательно довершила модернизацию этой части храма.

Спасо-Преображенский собор не находит аналогий в кругу близких ему по времени храмовых построек. Это одно из тех исключительных явлений, которые порождаются не столько видимым процессом историко-культурного развития, сколько скрытыми, подчас ускользающими от истории течениями противоборствующих идей, столкновением волевых начал или сугубо местными особенностями жизненного уклада.

¹⁹ Опись 1705 г., л. 59 об., 75.

²⁰ Летописец Соловецкого монастыря. М., 1790. (В дальнейшем — Летописец 1790 г.); Досифей архимандрит, Летописец Соловецкий. Изд. 3-е. М., 1833 (в дальнейшем — Летописец 1833 г.).

10 0 10 20 30 40 50

29
Восточная панорама монастыря по состоянию на 1960-е гг. По стереообмеру
Б. Н. Рахмаинова

30
Восточная панорама монастыря. Эскизный проект реставрации

31
Белая башня. XVI в. Вид с востока

Привычные художественные образы и строительные приемы столкнулись в нем с необычно грандиозным замыслом зодчих — создать величественный храм-монумент, совмещающий в себе роль культового и оборонительно-дозорного сооружения. В соловецком храме необычно все: и внешний облик, и внутренняя структура объемно-плановой композиции, и детали архитектурно-строительных конструкций. Совершенно индивидуальную особенность памятнику придают система завершения с угловыми башенными надстройками и ряд других не менее существенных деталей.

По сей день этот архитектурный феномен остается неразгаданным, представляя неисчерпаемую тему для различных толкований и взаимоисключающих гипотез²¹. Искаженность первоначального облика, равно как и присущая некоторым исследователям методика изучения архитектурных памятников, отдающая приоритет свидетельству архивных документов без сколько-нибудь серьезного анализа самого объекта, этому способствуют.

Следующей по времени была Никольская церковь, выстроенная в 1577—1584 годах между Трапезной и Спасо-Преображенским собором вместо одноименной деревянной постройки. Она не дошла до нас, так как была разобрана и на том же месте возведена вновь в архитектурных формах XIX века. Судя по кратким сведениям описей и ранним изображениям, первая каменная Никольская церковь принадлежала к кругу соловецких памятников, представляя новый вариант небольшого двустолпного, одностолпного храма на подклете, с папертью и часовой звонницей. «Церковь во имя свя-

²¹ См.: Максимов П., Саирский П. Новые материалы по древним зданиям Соловецкого монастыря. — «Архит. наследство», М., 1958, № 10, с. 114—126; Савицкая О. Д. Некоторые черты северного зодчества. . . — «Архит. наследство», 1973, № 21; Курилов В. И. Преобра-

женский собор Соловецкого монастыря XVI века. — «Сов. археология», 1974, № 1, с. 79—101; Ильин М. А. О первоначальном виде собора Соловецкого монастыря 1558—1566 годов. — «Сов. археология», М., 1976, № 1, с. 146.

тителя Николая Чюдотворца, каменная, об одной главе <...>. У той церкви з западную страну паперть каменная же со своды...»²². «Церковь <...> двустолпная на погребях, крыта тесом на ней глава, крыта чешуей, на главе крест осмоконечной деревянной с цепями железными <...> над церковью <...> на сводах палатка каменная со своды. В той палатке часы боевые <...>. Над тое палаткою вверху четверик деревянный, брусчатой открышка с зубцами на ней вместо шатрика подглавие подбито чешуей деревянной, под сим подглавием пять колоколов перечастных...»²³.

Интересно отметить, что в структуре первого этажа современного объема памятника прослеживается ряд арок. Судя по всему, это остатки паперти разобранного храма, в которой еще раз был повторен мотив аркады, ставший в архитектуре древнего ансамбля традиционным.

ил. 18

В 1602 году все три храма объединил упоминавшийся уже крытый каменный переход. Помимо лестниц он включал оружейную палату, которая располагалась в средней части переходов против Никольской церкви. О ней говорится в описи 1676 года: «...возле церкви Николая чудотворца с западной стороны полата каменная вверх о двух житьях, а в ней в верхнем житье оружейная казна. Ход в тое полату с каменных переходов, которые от соборной церкви до трапезы длиною пядесят сажень з земли в верх на сводах»²⁴. А из описи 1705 года мы узнаем, что позже наверху уже находилась ризница, а «оружейная казна» была переведена в подклет, использовавшийся раньше как кладовая.

По конструкции и архитектуре переход повторяет прясла крепостных стен с той только разницей, что здесь нет бойниц: поверху вместо наружной стенки с амбуразами продублирована система внутреннего ограждения прясел, а внизу вместо сводчатых бойниц сделаны сквозные арки (описание крепостных стен смотри ниже).

Цокольная часть перехода с подклетом оружейной палаты сохранилась почти без изменений, хотя отдельные переделки были зафиксированы и здесь. Так, например, есть основание полагать, что за лестницей в толще валуниного массива раньше была не камера, как теперь, а еще одна сквозная арка, подобная рядом расположенному проезду. Галерея перехода, в отличие от подклета, была в XIX веке значительно изменена, а старая ризница, располагавшаяся в помещении прежней оружейной палаты, вовсе сломана при перестройке Никольской церкви. Столбы и парапеты ограждения были частично разобраны при расширении трапезной и соборной папертей, открытое пространство между столбами забрано стенками с оконными проемами, у колокольной переход надстроен.

Из древних культовых построек сохранилась еще одна — Надвратная Благовещенская церковь, построенная над проездной аркой у Святых ворот в 1596—1601 годах. Такие церкви сооружались, как правило, над главным входом. Акцентируя и придавая ему парадность, они играли в архитектурной композиции монастырских ансамблей большую роль. В более позднее время их часто заменяли колокольни. Соловецкая Благовещенская церковь также сооружена над главным въездом в монастырь, расположенным в западной крепостной стене против Спасо-Преображенского собора. Первоначально это была центричная, квадратная в плане постройка, увенчанная сложной кровлей в виде трехъярусной системы шипцового покрытия, которое

²² Опись 1705 г., л. 75 об., 105—106.

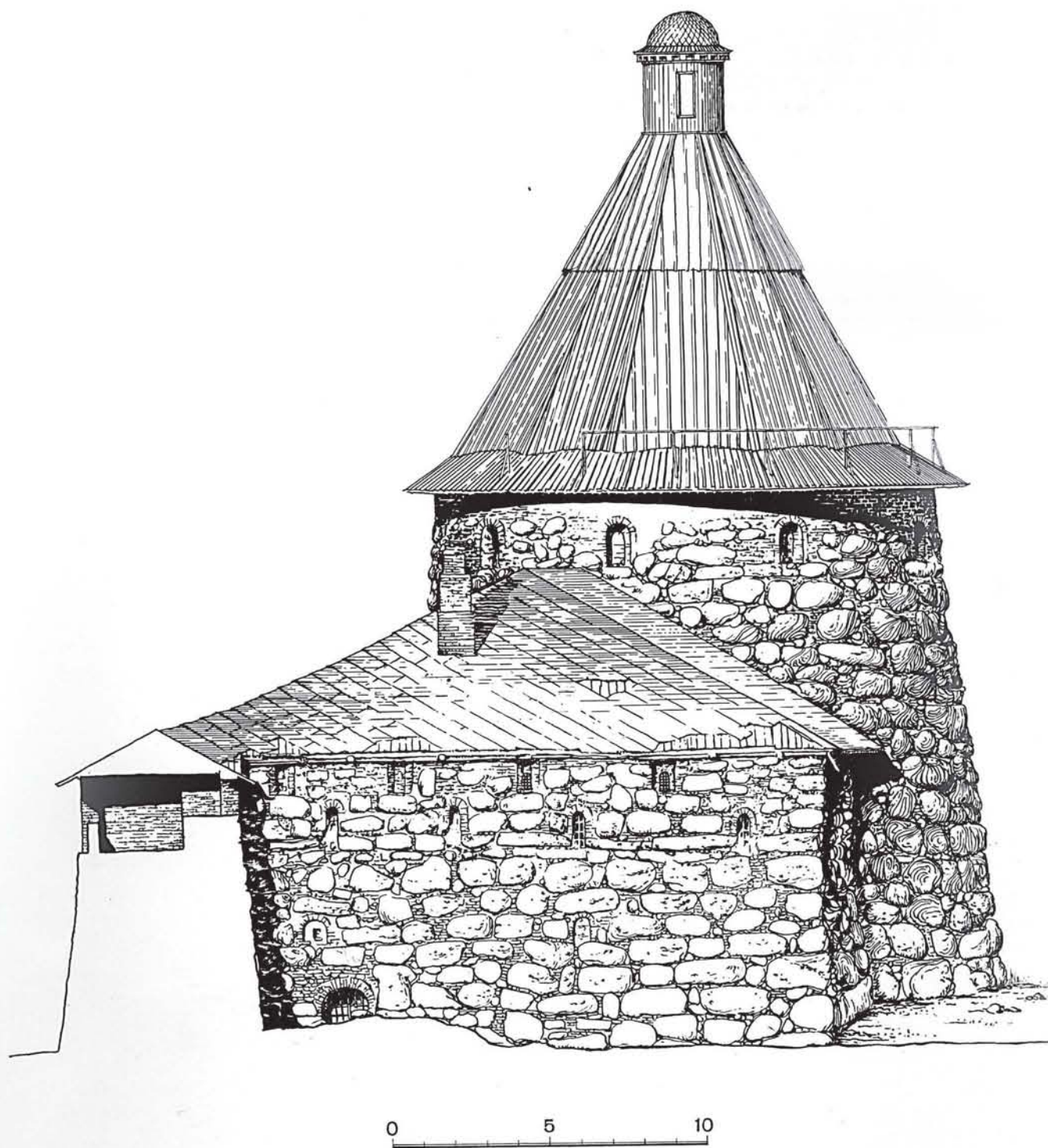
²³ Опись имеющимся в Соловецком монастыре церквам 1795 г. — Архив Государственных музеев Московского Кремля, ед. хр. 1262, лл. 160, 198 об.

²⁴ Описная книга Соловецкого монастыря. Монастырские дела 1676 года, ЦГАДА, ф. 125, 1676, ед. хр. 45, л. 578.

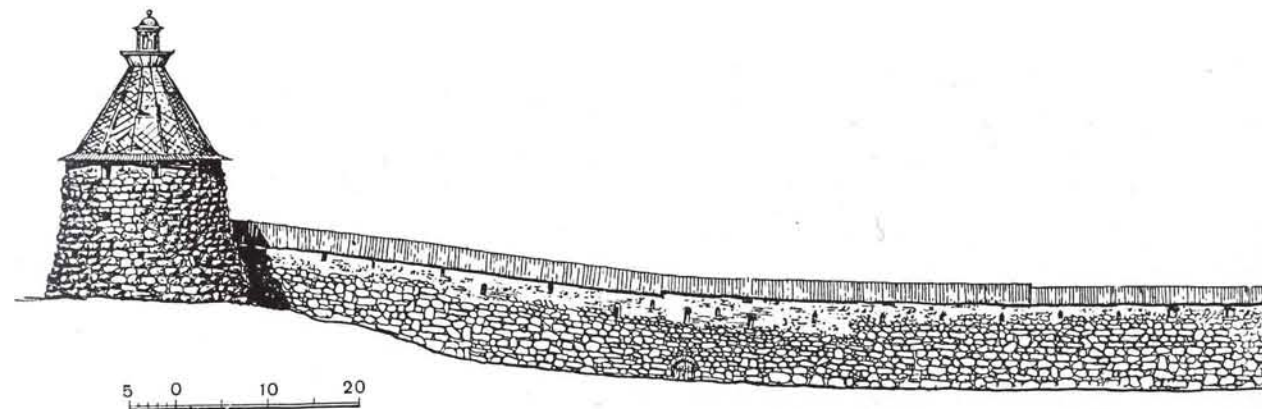

33
Соловецкая крепость. Северо-западный угол. На первом плане Никольская башня.

34
Белая башня и сушило. Конец XVI—XVII (?) в. По стереообмеру Б. Н. Рахманинова

создавало простое, но богатое завершение фасадов²⁵. С запада примыкала паперть. Церковь бесстолпная, безапсидная, одноглавая с глухим круглым барабаном и простым сомкнутым сводом перекрытия без распалубок.

В результате поздних переделок паперть, занимавшая, как следует полагать, пространство между церковью и крепостной стеной, была надстроена в уровне с основным объемом, а в интерьере объединена с ним широкой аркой, за счет чего была увеличена общая площадь храма. При устройстве четырехскатной кровли оказалось срубленным многоступенчатое завершение, сохранившееся лишь в следах под современной кровлей. Внутренняя проездная арка и окна растесаны, как и во всех остальных древних зданиях ансамбля.

К числу каменных хозяйственных построек XVI века, отнесенных к строительной деятельности Филиппа, следует причислить трехэтажную палату — сушило, скрытую теперь в структуре южного узла крепости, и здание поварен с квасоварней, образующее северную часть восточного ряда внутренней периметральной застройки монастыря.

Спорным представляется вопрос о датировке еще одной, несуществующей теперь Казенной палаты, располагавшейся в северной части центрального двора за трапезным комплексом. В литературе укоренилась дата ее строительства — 1619 год²⁶. Письменные же первоисточники и эту палату относят к вышеперечисленным «филипповским» постройкам: «Да Филипп преподобный созла палату каменну на подклетех иде же монастырскую казну держат, да позади полаты постави две поварни каменны с келиями вельми пречюдны к монастырским потребам, едина ести варят на братию и на слуг, а другая поварня идеже квас варят на братию и на слуг. Да мельницы постави, сушило каменное идеже всякий хлеб сунат»²⁷.

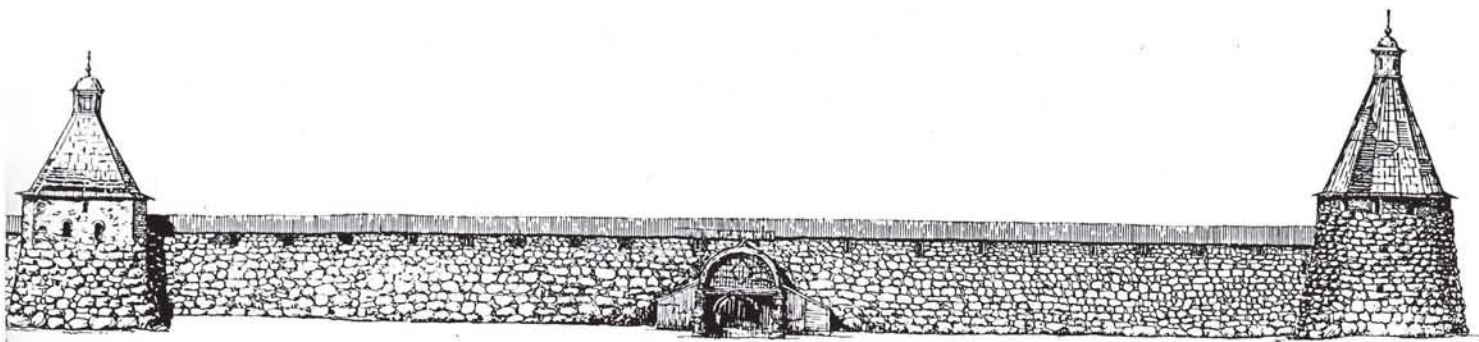
Ввиду невозможности сопоставить датировки с типологической характеристикой здания по натуре, трудно сказать определенно, является ли принятая в литературе дата ошибочной, или на месте старой «филипповской» постройки была возведена почему-либо новая монументальная трехэтажная палата, возникновение которой и фиксируют летописцы. Последнее, однако, кажется мало вероятным.

Из двух первых названных сооружений достаточно хорошо сохранилось только сушило, а от поварни, описание которой будет приведено ниже, уцелели в сильно измененном виде только помещения подклета.

²⁵ См.: Савицкая О. Д. Некоторые черты северного зодчества. — «Архит. наследство», 1973, № 21.

²⁷ Сказание о Соловецком монастыре. — ГИИ, Q XVII, ед. хр. 305, л. 239 об.

²⁶ См.: Летописец 1790 г. и Летописец 1833 г.

Здание сушила представляет собой трехъярусную квадратную в плане постройку с двумя сводчатыми палатами на подклете.

Фасады памятника достаточно хорошо просматриваются с территории монастыря и из окружающих его пристроек. Первоначально это была отдельно стоящая простая кубическая постройка, обращенная главным фасадом на восток. Именно с этой стороны в завершении стены сделан нависающий аркатурный фриз, мотив которого в разных вариантах встречается на других постройках. Здесь же располагались древние лестничные входы (или сени) к верхним палатам. С других сторон фасады лишены декора, почти глухие поверхности стен расчленены только редко поставленными лопатками и простой междуэтажной тягой.

Первый период каменного строительства монастыря, связанный с потребностями внутреннего общежития, укреплением идейно-политических позиций и обеспечением территориальной безопасности, завершился строительством мощной каменной крепости, которая является одним из самых замечательных образцов крепостных сооружений XVI века. Строительством стен и башен окончательно определились границы и архитектурно-планировочная композиция ансамбля.

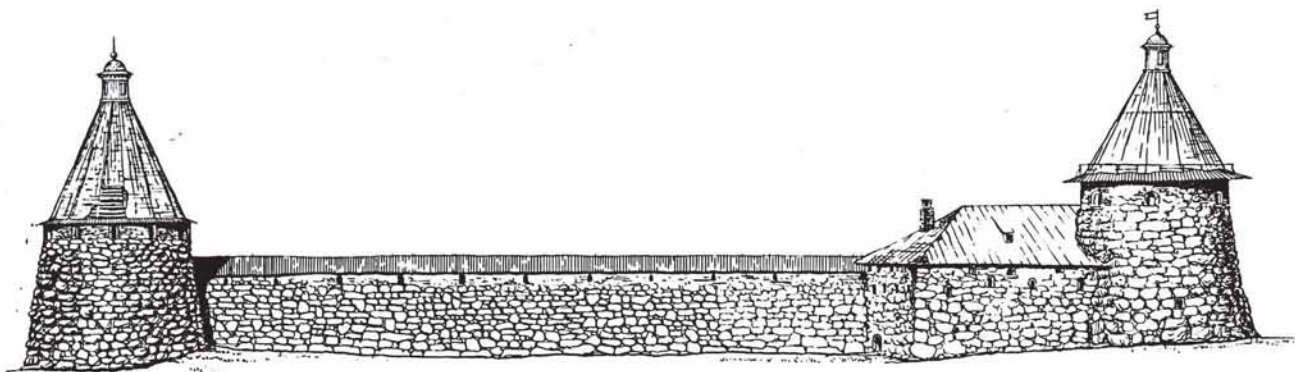
Поначалу монастырь был окружен деревянной крепостью, возведенной около 1578 года по указу Ивана Грозного и в связи с усилившейся экспансией шведской агрессии, но уже в 1582 году последовало строительство новых каменных укреплений, длившееся четырнадцать лет.

Военно-крепостное зодчество в России прошло к этому времени большой путь развития. Возведение каменных крепостей приобретает широкий размах с XIV века. Для начального периода их строительства характерна свободная, подчиненная рельефу местности планировка со средоточием боевых башен на той стороне, где стены крепости не защищены естественными преградами и поэтому менее надежны при отражении вражеского нападения. Совершенствование военной техники, использование огнестрельного оружия, изменившие тактику ведения боя и требования к организации обороны, привели к повсеместной перестройке старых укреплений и появлению нового типа — регулярных крепостей. Они не вытеснили живописную планировку укреплений, которая обуславливалась характером местности, планом внутренней застройки и уже существующей системой более древних, но реконструируемых крепостных сооружений. Однако тенденция к известной упоря-

35

Западная крепостная стена с Корожной, Успенской и Прядильной башнями. XVI, XIX вв. По стереообмеру Б. И. Размакинова

5 0 10 20

дочности, равномерное распределение по периметру боевых башен, большая толщина стен, наличие бойниц подошвенного боя стало для новых крепостей типичным²⁸. Укрепления Соловецкого монастыря представляют в этом отношении характерный образец.

В отличие от первых пришлых строителей монастыря зодчим Соловецкой крепости был местный монах Трифон (Кологрив), уроженец села Неноксы. Возведение столь значительного сооружения не могло быть делом заурядного строителя. Оно требовало широкого круга знаний, большого мастерства, творческой самостоятельности и высоко развитого художественного вкуса. Привлечение своего зодчего, смело решившего архитектурную задачу большой сложности, еще раз подтверждает существование местной архитектурной школы.

Соответственно месту расположения на узком перешейке между бухтой Благополучия и Святым озером крепость имеет в плане форму сильно вытянутого в направлении север — юг пятиугольника, охватывающего территорию свыше трех гектаров. Все углы фланкируются круглыми башнями: Никольской, Корожной, Прядильной, Белой и Архангельской. Со стороны моря крепость дополнительно укреплена промежуточной Успенской, или Оружейной, башней, разбивающей западный фронт стен на два равноценных по длине прясла. При строительстве в систему крепости были включены сушило и поварня с квасоварней.

Первое время они оставались незащищенными, что ослабляло боеспособность крепости. Это, видимо, и повлекло за собой возведение в 1621 году дополнительного участка стен — так называемого Пристенка с двумя воротами и башнями в углах. Последние, как и ворота, получили названия Поваренной и Квасоваренной по расположенным за ними «службам» тех же наименований. Возможно, тогда же получило валунную облицовку с бойницами и здание сушила.

В крепостных башнях и стенах, не считая упомянутых уже ворот Пристенка, сделано девять проездов. Из них три были устроены через угловые башни — Никольскую, Корожную, Белую — и пять в стенах основного массива — Святые, Архангельские, Святозерские, Рыбные и еще один проезд — около сушила, упраздненный при реконструкции этой части крепости. Существующие же теперь рядом с Никольской башней одноименные ей (девятые) ворота не первоначальные: они переделаны из пушечной бойницы взамен закрытого башенного проезда.

36
Крепость. Часть стены в примыкании к Корожной башне

37
Юго-западная крепостная стена с башнями Прядильной и Белой. XVI в. (шатры поздние). По стереообмеру Б. Н. Разманинова

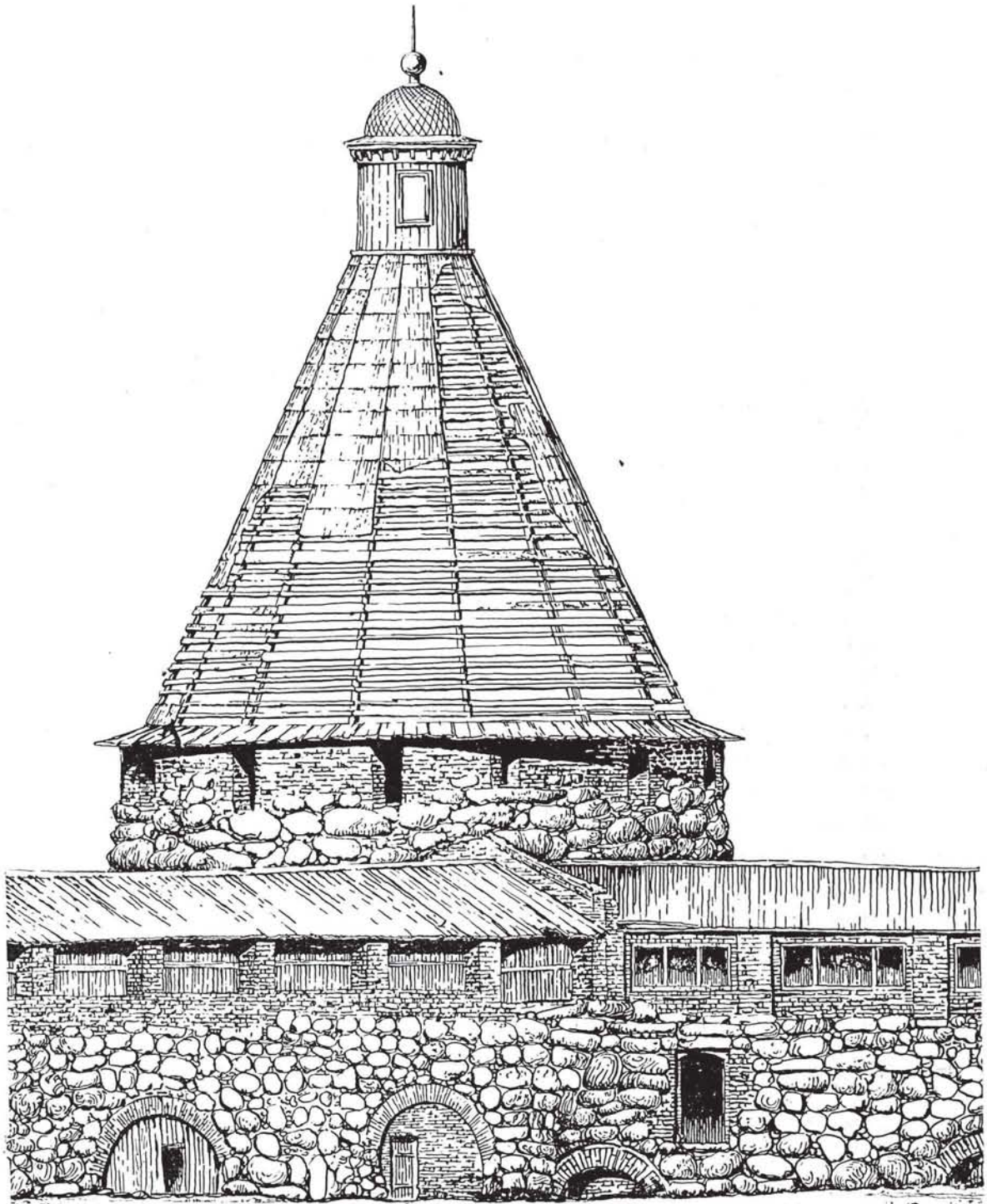
ил. 8

ил. 29, 30, 31
35, 36

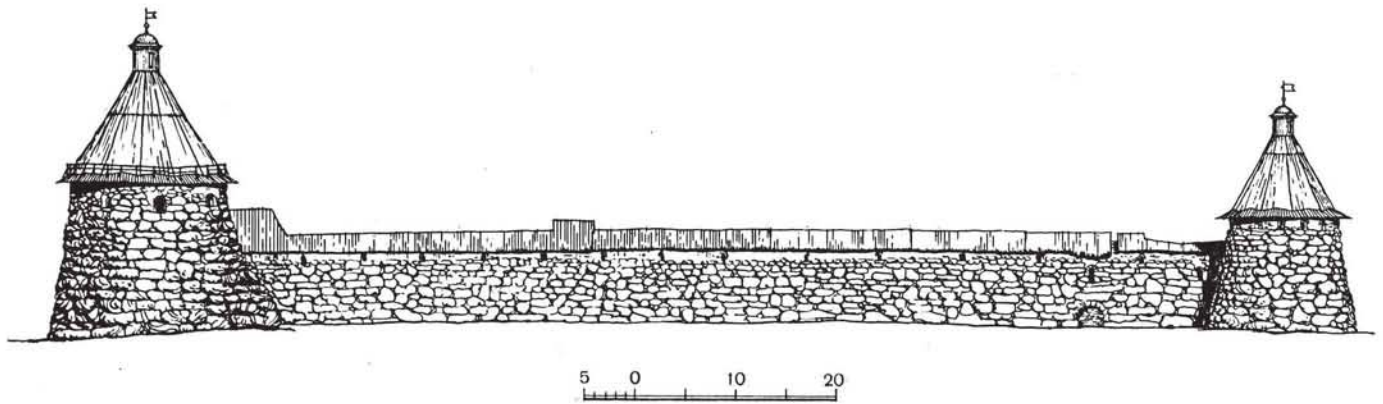
ил. 44

ил. 43, 45

²⁸ См.: Аleshковский М. Е. Каменные стражи. Путеводитель по древним крепостям, Л., 1971; Косточкин В. В. Древние русские крепости, М., 1964.

0 5 10

По внешнему периметру крепости с двух «приступных» сторон были вырыты и обложены камнем сухие рвы.

В качестве строительного материала использован валунный камень, в изобилии имеющийся на островах, и кирпич местного производства. Известь доставлялась с побережья. Для ее разработки монастырю была дана жалованная грамота на владение местечком в районе Холмогор. Из валунного камня выложен основной массив стен и башен, толщина которых по низу достигает 7 м при высоте стен до 10 м и башен до 17 м от современного уровня земли до верха кладки. «Город круг монастыря делан камнем дичим. На потопше кладен камень великой человеку 200 или 300 едва волокут»²⁹.

Для выкладки бойниц и их внутренних арочных ниш («сечур»), столбов и парапетов боевого хода применен кирпич. Такая система кладки, при использовании в качестве основного строительного материала валуна, обеспечивала предельную прочность и непробиваемость стен, архитектурно-конструктивную четкость всей системы и рациональное использование строительного материала. Она придает сооружению замечательную художественную выразительность. Строгость композиции смягчает живописность неправильной валунной кладки. Ярко-красный кирпич и белая известь швов контрастируют с естественным серо-голубым цветом камня, а оранжевый лишаиник, покрывающий стены с внешней стороны, придает им необычный и яркий колорит. Особенно сильное впечатление производит цветовая гамма красок внутри башен и на площадке боевого хода.

Для архитектурно-художественной композиции крепостного комплекса характерна ясная, отработанная система построения стен и башен, общность конструкций, типизация деталей, не исключая богатое разнообразие строительных приемов и проявление свободной творческой фантазии архитектора. Зодчий легко варьирует детали архитектурно-планировочной композиции там, где изменения диктуются функциональной необходимостью, рельефом или усовершенствованиями, вводимыми по мере возведения укреплений.

Круглые угловые башни имеют четыре боевых яруса, стены — два. При этом цокольному ярусу подошвенного боя присел соответствуют два этажа башен. Последние сильно вынесены за линию стен, за счет чего круговой обход по боевой площадке минует башни.

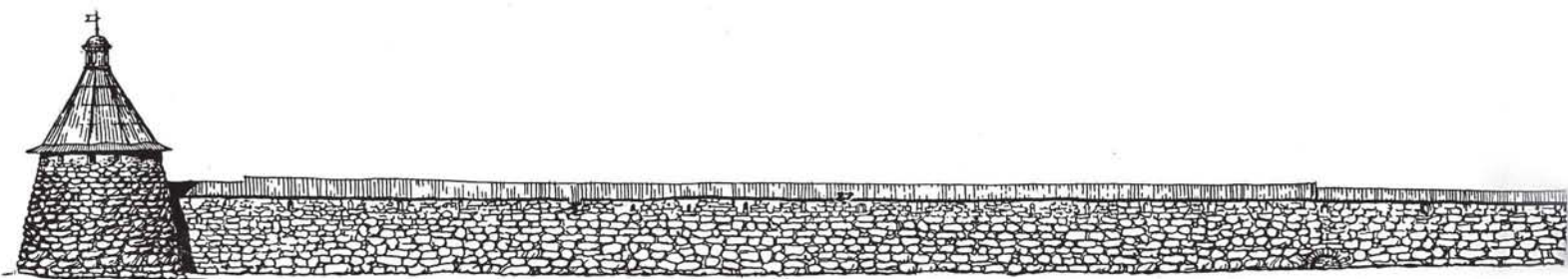
38

Прямоугольная башня.
XVI в. (шатер переделан). По стереообмеру
Б. И. Размашинова

39

Юго-восточная крепостная стена с башнями
Белой и Архангельской.
XVI в. По стереообмеру
Б. И. Размашинова

²⁹ Сказание о Соловецком монастыре. — ГПБ, QXVII, ед. хр. 303, лл. 251—252.

40
 Восточная крепостная
 стена с Пристенком и
 башнями Архангельской
 и Никольской. XVI—
 XVII вв. (шатры позд-
 ние). По стереобмеру
 Б. И. Разманнинова

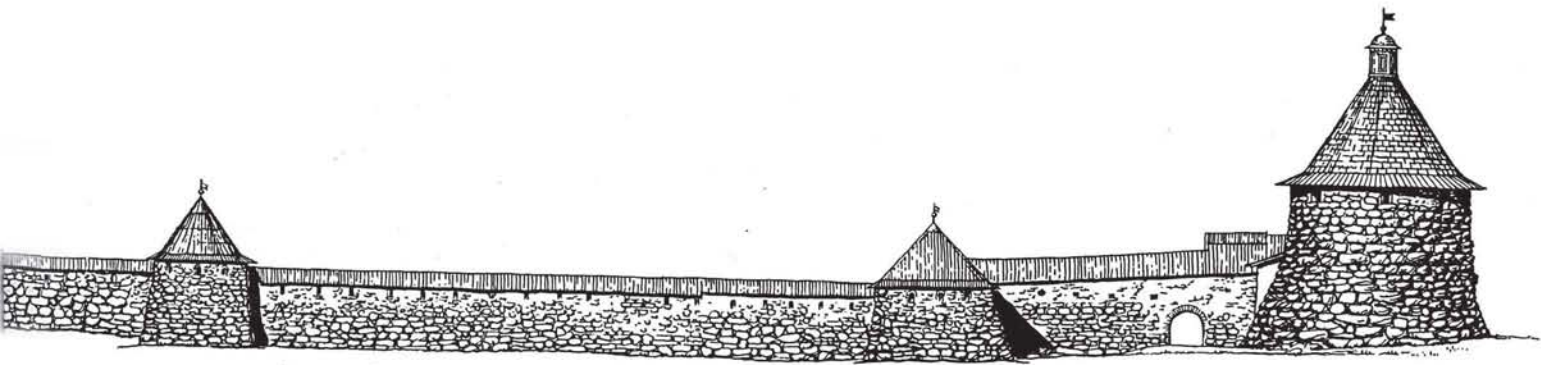
ил. 34, 41
 49

Входы в башни и подъем на крепостную стену организованы по общей схеме, которая варьируется в зависимости от условий строительной площадки. Как правило, они размещаются в углах на стыке сходящихся в изломах плана прясел. В нижние этажи через толщу валунного массива ведут внутрстенные сводчатые камеры или коридоры, расположенные один над другим с небольшим смещением для свободного подхода к нижним башенным воротам. На второй ярус к небольшой двери входного коридора поднимались по наружному всходу. А из этого коридора на крепостную стену ведет каменная лестница с массивными ступенями из огромных валунов, проложенных в толще кладки. На третий ярус башен попадали с прясел, с которых в их интерьер открываются широкие ворота, а выше — на уровень верхнего яруса — поднимались через люк в перекрытии по деревянным крутым лестницам.

Однотипные по структуре башни отличаются друг от друга лишь в деталях и по размерам. Они выложены с характерным уменьшением внешнего диаметра по высоте, тогда как в вертикальном сечении по интерьеру имеют вид стакана, уступом расширяющегося на уровне верхнего перекрытия за счет резкого уменьшения толщины стен. Все башни были крыты шатрами со смотрильнями или без них. Перекрытия накатные по мощным балкам-прогонам, введенным в гнезда валунной кладки. В толще стен устроены сводчатые камеры. Три большие по размеру башни — Корожная, Никольская и Белая, — как уже отмечалось, проездные.

Проезды, там, где они имеются, сделаны «коленом», то есть с поворотом. Характерно наличие с внешней стороны в основании проездных башен выступов валунной кладки, прикрывающих наружные ворота по типу «захабов». Это огражденное пространство в виде узкого прохода перед воротами. При попытке прорваться в них вражеские воины попадали как бы в западню под обрушивающийся на них поток горячей смолы или град камней.

Пушечные бойницы, расположенные по периметру трех нижних ярусов башен, имеют однотипную для всей крепости конструкцию. Их амбразуры выходят на фасад малозаметными в валунной кладке небольшими квадратными или арочными отверстиями размером примерно 30×30, 40×40 см. С внутренней стороны бойницы утоплены в глубокие сводчатые камеры — «печуры», имеющие вид неправильных, суживающихся к просвету лежащих усеченных полуконусов (или полуцилиндров). Амбразуры, поднятые на 70—80 см от пола, соответственно высоте лафета, прорезают их тор-

цевую стенку, повторяя в миниатюре ту же форму лежащих усеченных полуконусов. Примерно посредине, в просвете бойниц заложен валун, образующий в сводчатой амбразурке горизонтальную перемычку. Такой прием позволил вывести бойницы через толщу стен, не нарушая структуру валунной кладки на фасаде.

В верхних ярусах бойницы для ружейной стрельбы в разных башнях сделаны по-разному, но преимущественно они имеют вид щелевидных прорезей, раструбом расширяющихся внутрь и наружу.

ил. 47

Столь же ясную и однотипную конструкцию имеют прясла крепостных стен. По всему периметру валунную кладку прорезают широкие арочные ниши с амбразурами нижнего, подошвенного боя, которые по своей конструкции аналогичны пушечным бойницам в башнях, но превосходят их по размерам пещур.

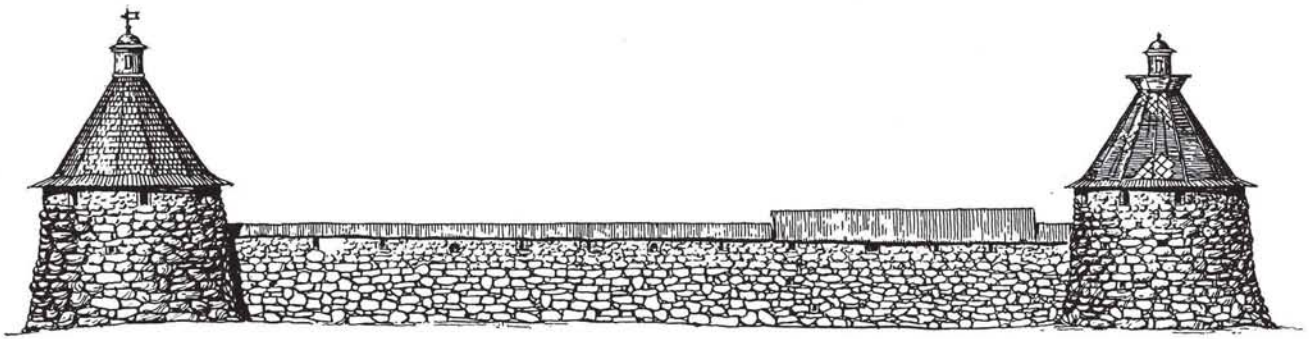
Ограждением боевого хода служат кирпичные столбы и парапеты, а снаружи — стены с бойницами. Насчитывается несколько типов бойниц, но преобладают щелевидные прорезы либо амбразурки в виде небольших отверстий, перекрытых «городчатыми» перемычками. Те и другие одинаковы в сечении плана: изнутри они заглублены между скошенными гранями простенков, образующими с кладкой амбразур внутренние четверти (уступ) для ставен. Характерной особенностью является устройство единичных навесных бойниц, которые неизменно повторяются по углам башен и над воротами.

Ворота в стенах устроены по общей схеме — через две затворяющиеся арки и заключенные между ними сводчатые камеры. В Святых воротах проезд имел дополнительную защиту в виде опускающей решетки — герсы.

По западному фронту, как уже говорилось, стена перерезается Успенской башней, имеющей по сравнению с угловыми несколько иное устройство. Сохраняя типологические для всей крепости черты — ту же систему кладки, характерный уклон стен, одинаковую конструкцию бойниц, то же устройство междуэтажных перекрытий, она отличается от них прямоугольной формой плана, этажностью, характером взаимосвязи с крепостной стеной, пространственным решением интерьера и некоторыми деталями конструкций.

ил. 35

В XIX веке Успенская башня подверглась фундаментальной перестройке, коснувшейся главным образом ее верха. На целый этаж она была надложена, и это повлекло за собой утрату древнего покрытия, частичную сломку каменных конструкций ог-

41
Северная крепостная стена с башнями Никольской и Корожной. XVI—XVII вв. (шатры переделаны). По стереообмеру Б. Н. Разманинова

42
Престройка паперти у Святых ворот. XVII(?)—XIX вв.

→

43
Белая и Пряслинная башни. Вид с юга

→

44
Пристенок. 1621

→

раждения, уничтожение верхних бойниц, а также введение в интерьер огромных кирпичных арок под стены надстройки.

В пределах же нижних этажей башня сравнительно хорошо сохранила свою древнюю структуру, если не считать полную утрату междуэтажных перекрытий, частично замененных (над первым ярусом) железобетонной платформой, местных пробивок и заделок проемов. В результате появления чуждой по характеру надстройки и земляных подсыпок памятник, оказавшийся со стороны монастыря на целый этаж скрытым под землей, приобрел весьма несуразный вид, далекий от его подлинного облика.

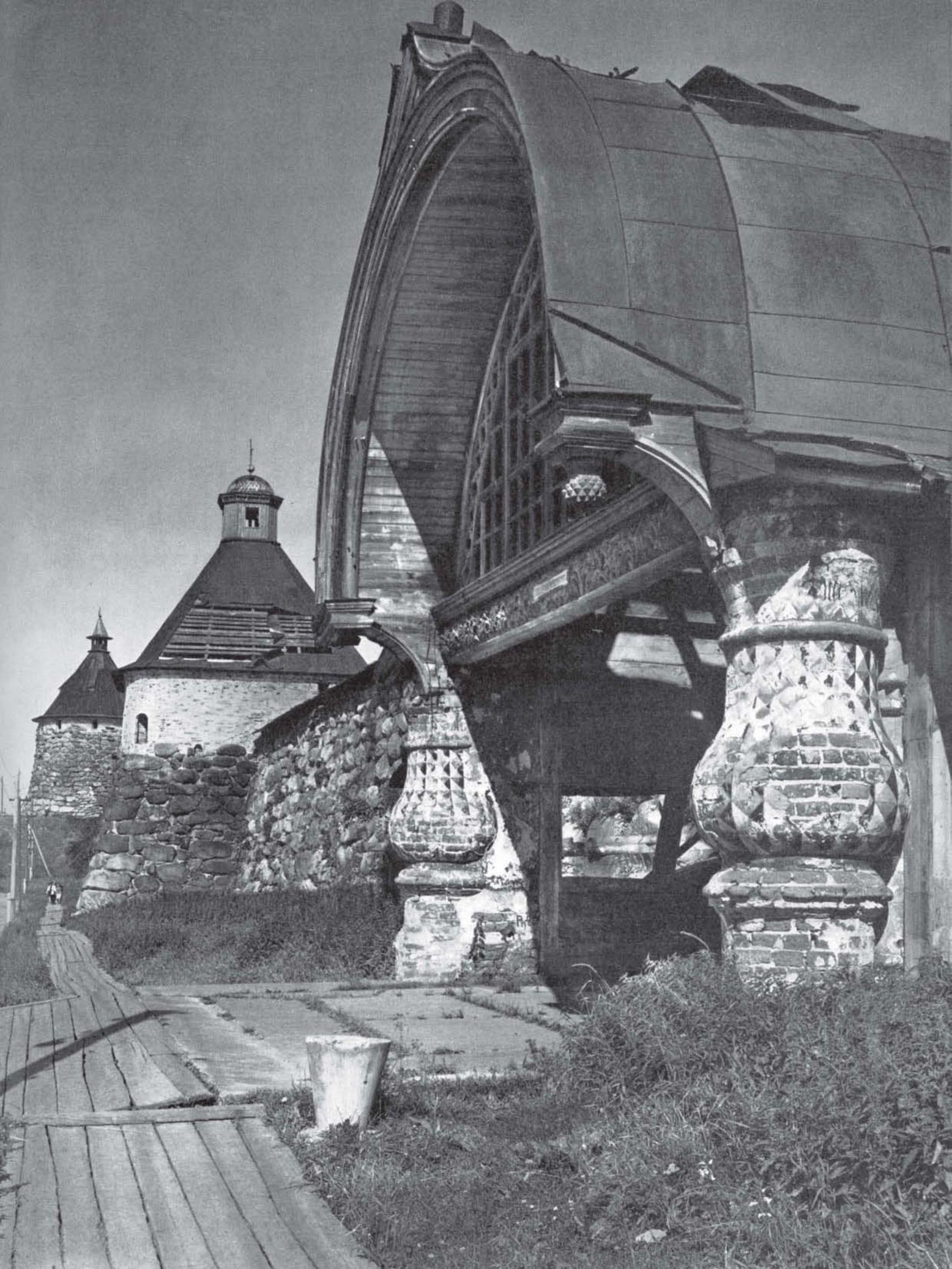
Первоначально Успенская башня была трехъярусной.

Прясла подходят к ней не по касательной, а примыкают к боковым фасадам со смещением к восточной стене, так что со стороны монастырского двора ее объем выделен лишь раскреповкой.

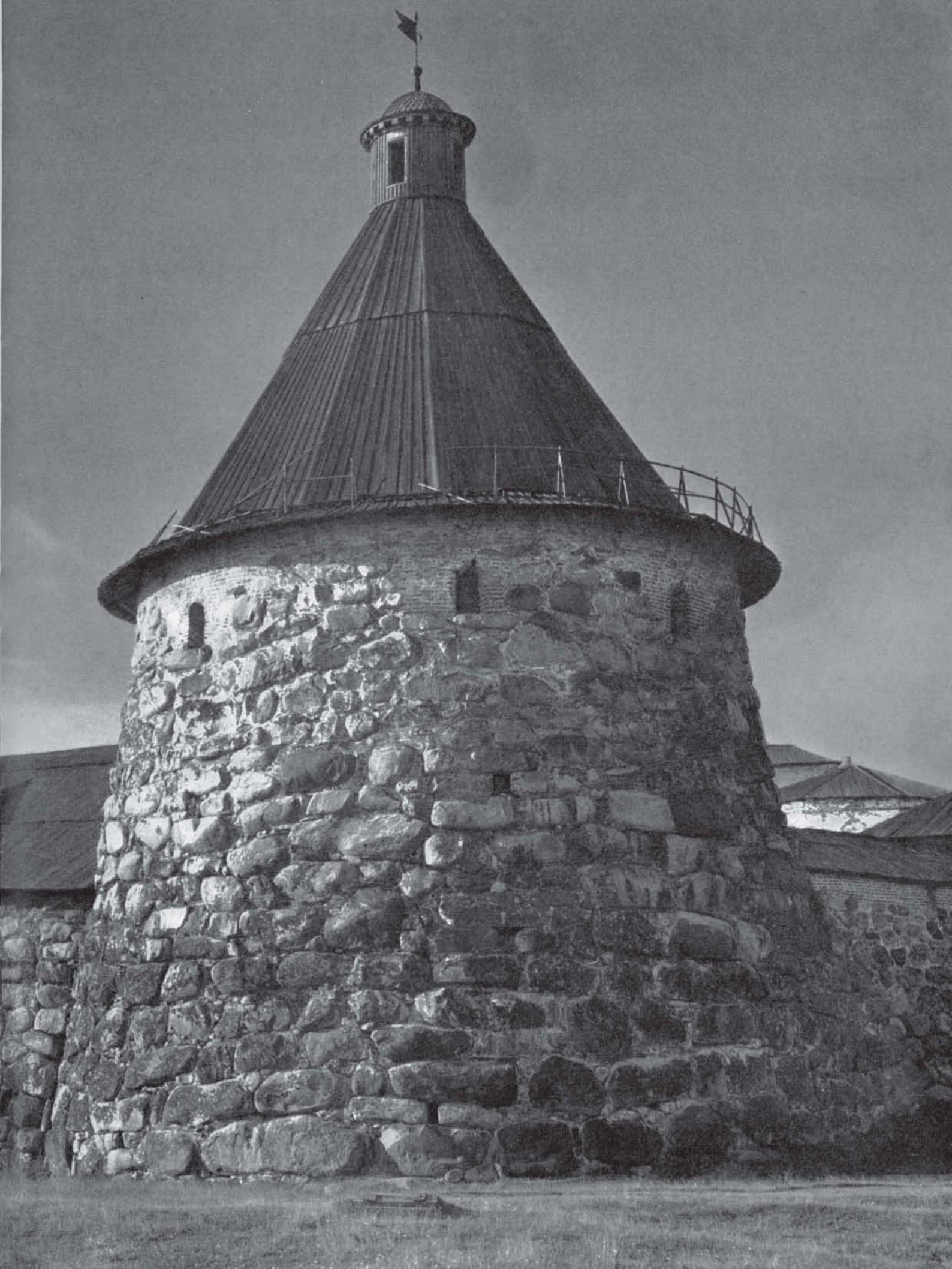
Входы в нижние этажи перенесены на боковые фасады. Примечательно, что в интерьере первого яруса вход идет через «печуру» из близлежащей бойницы примыкающего с юга прясла. Дверца на второй этаж сделана с противоположной стороны на углу северного фасада, свободная поверхность которого увеличена за счет меньшей здесь толщины стены: примыкающее с севера прясло на участке между башней и Рыбными воротами отличается в деталях конструкции от общепринятой схемы построения стен. В устройстве боевого хода здесь применена выносная консольно-балочная система с деревянным стоечным ограждением, что позволило сократить толщину валунного массива при сохранении нужной ширины боевого хода.

Есть основания полагать, что боевая часть башни была выгорожена раньше деревянной стеной, а ее проходная часть представляла собой расширенную площадку боевого хода. Остатки столбов и парапетов ограждения выявлены при исследованиях. Оказалось, что они были приподняты здесь на каменном основании, образующем в интерьере уступ валунной кладки. Эта приподнятость столбов, боковое размещение входов при совершенно глухой в нижней части дворовой стены была, видимо, связана с находившимися в непосредственной близости от башни какой-либо несуществующей теперь постройки или переходов.

Близкую реплику Успенской башни с описанным фрагментом примыкающего прясла мы находим в укреплениях Пристенка 1621 года. Трехъярусные башни, образующие

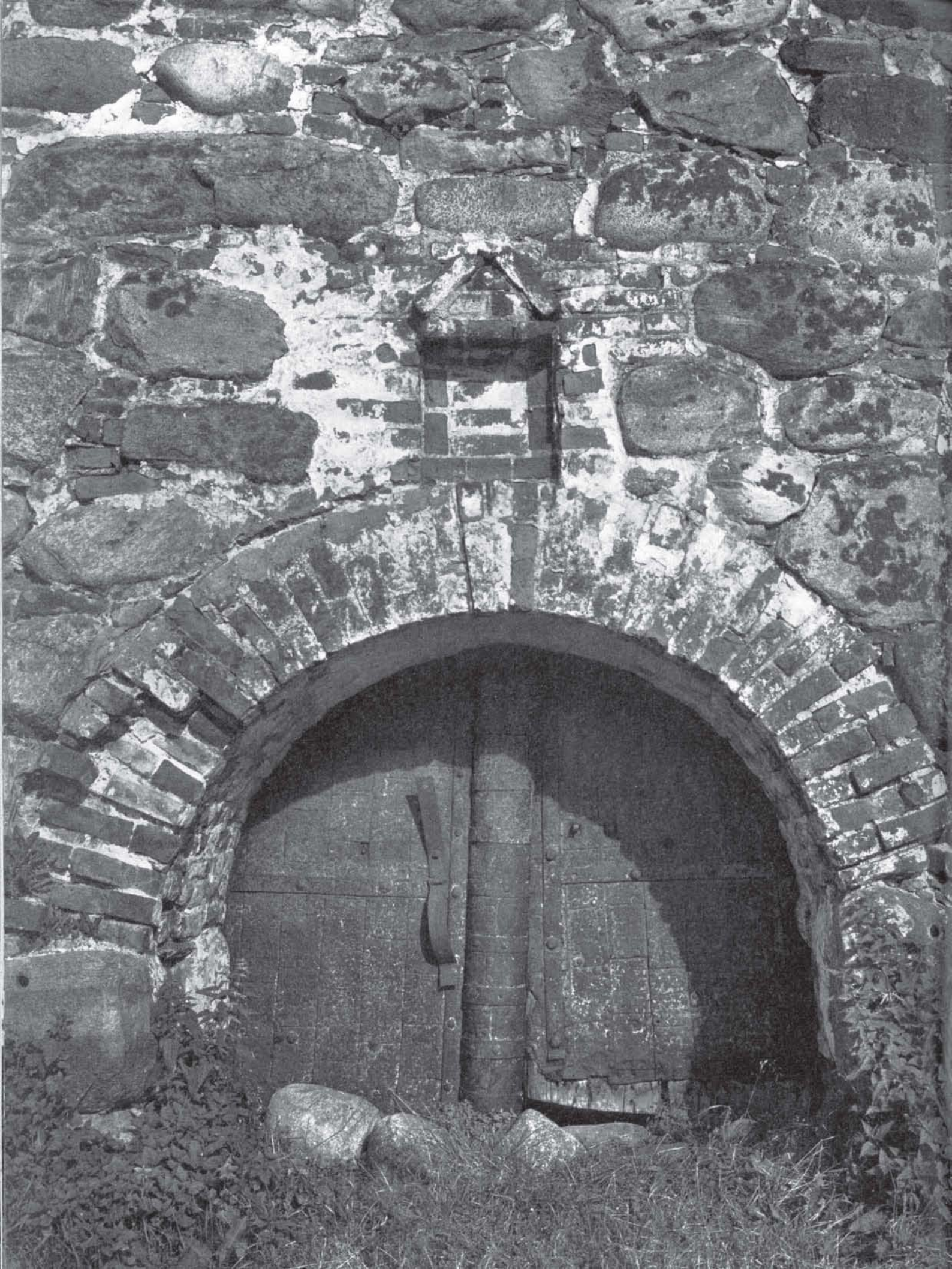

45
*Арка Рыбных ворот.
 XVI в.*

←

46
*Арка Святых ворот.
 XVI в.*

47
*Прясла крепостной стены
 около Архангельской башни.
 XVI в. Фрагмент. Вид
 с территории монастыря*

→

углы пристройки, слабо выражены в плане и на фасадах, представляя собой расширенные участки восточного прясла, уступом выдающиеся по внешнему фасаду, как это имело место в Успенской башне. Внутреннее пространство верхнего яруса имеет четкое разграничение на две части — боевую и тыльную — проходную часть. Последняя продолжает здесь деревянную консольно-выносную конструкцию боевого хода прясел.

Стены и башни Пристенка, оставаясь типичными для Соловецкой крепости, значительно уступают сооружениям основного массива в размерах и отличаются от них деталями конструкций. Так, например, известное своеобразие придает их архитектуре верхний ряд мелких, часто расположенных бойниц, имеющих здесь не городчатые, а арочные перемычки.

Во второй половине XVII столетия во время так называемого «Соловецкого сидения» Квасоваренная башня и участок стены от нее до Никольского проезда подверглись перестройке. Об этом говорится в отписке воеводы Мещернинова царю о ходе соловецкой осады: «... от Никольских ворот до Квасоваренной башни стена была низка и зубцы были кладены кирпичом, и они воры, креля осаду, те зубцы кирпичные сломали и нарубили на каменной стене деревянные терасы и покрыли с теми стенами наровень, а башня Квасоваренная была писка ж и они на той башне нарубили роскат деревянный»³⁰. Этот момент строительной истории памятника фиксируют гравюры и известные чертежи 1790 года подпоручика Васильева, которые дают

³⁰ ЧОИДР, кн. 4, М., 1884, с. 59.

представление о характере монастырских укреплений, хотя и ошибочное в деталях. Близкое знакомство с крепостными сооружениями Соловецкого монастыря в натуре говорит о гораздо более сложной строительной биографии памятников, нежели это представляется по литературе. Обычно отмечается лишь дата начала и конца строительства, возведение Пристенка и мелкие ремонты XIX века без какой-либо конкретизации последних. А между тем исследования крепостных сооружений монастыря дают возможность выявить интереснейшие моменты их формирования и проследить трансформацию отдельных узлов крепости, связанных с включением хозяйственных построек в систему укреплений.

Особенный интерес в этом отношении представляет южный узел крепостных сооружений, включающий Белую башню, трехэтажную Сушилениую палату и мельничную постройку с галереями. В его развитии отмечено по меньшей мере четыре строительных периода, не считая весьма крупных переделок, связанных с пожарами, ремонтами, различным характером использования, вертикальными перепланировками двора и общей модернизацией ансамбля в XIX веке.

При исследовании памятников архитекторами О. Д. Савицкой и В. В. Сошиным были выявлены факты, свидетельствующие о постепенном формировании этой части крепости, приведшем к возникновению мощного узла южных укреплений. Были обнаружены признаки переделок, отмечены непонятные поначалу отступления от общепринятой системы построения стен и башен, некоторые детали, функционально неоправданные, раскрыты упраздненные ворота около сушила и лестничные спуски, проложенные в толще кладки. Так, например, зафиксированы признаки переделки раскрытого проезда около сушила, а также всех окон и дверей в нижних этажах этой постройки, в массиве крепостной стены найдены фрагменты утраченных бойниц, наличие которых при существующей планировке неуместно, замечены также, казавшиеся неестественными детали, как сходство нижних ворот башни с пушечной бойницей, или малозаметный излом валунной кладки у Белой башни. Обращает на себя внимание и резкое отличие в устройстве бойниц верхнего яруса Белой башни по сравнению с общепринятой формой таких бойниц в других башнях монастыря. Примечательна и такая деталь, как устройство одного из обнаруженных спусков с прясла в низ башни не по валунной, а по кирпичной лестнице, тогда как здесь же раскрытая другая лестница в сушило повторяет типичное для Соловецкой крепости устройство из валунов.

Эти непонятные сами по себе факты находят объяснение лишь в предположении поэтапного формирования южного узла крепости в нижеприведенной последовательности.

Сначала круглой башни не было, а Сушилениая палата, включенная в систему крепостных стен, обрела значение оборонного сооружения, оставаясь незащищенной и непригодной к активной обороне.

Крепостная стена примкнула к восточному фасаду свободно стоящей хозяйственной пристройки на месте ранее существовавших деревянных лестниц с крыльцами или сенями перед ее входами. При этом уровень боевого хода с этой стороны оказался выше отметки пола верхней палаты. Так что в нее стали попадать теперь с прясла, спускаясь по такой же валунной лестнице в массиве стены, какие мы уже

видели около круглых башен. Юго-восточное прясло, на участке от излома до сушила, образовывало южный короткий фронт крепости, оказавшийся скрытым за пристроенной позднее башней.

С противоположной стороны крепостная стена сдвинута внутрь и в примыкании к зданию сушила она обрывается, соприкасаясь с ним лишь углами и оставляя таким образом постройку вне крепости, подобно башне. Здесь же, около палаты в свободном торце прясла, сделан сквозной проезд, ведущий через каменный массив с поворотом, тоже подобно башенным, а не стеновым проездам.

Именно этот первоначальный момент формирования южного узла укреплений запечатлен на миниатюре лицевой рукописи. Основываясь на ней, М. В. Щепкина еще раньше высказала предположение о более позднем возникновении Белой, именуемой еще и Головленковской, башни, что нашло теперь подтверждение в натуре. При постоянной угрозе нападений южный угол крепости, являвшийся уязвимым местом на «приступной» стороне крепости, оставаться ослабленным не мог. Поэтому вскоре последовало возведение здесь большой башни по типу двух других проездных башен монастырской крепости. Она вклинилась в угол между восточным фасадом сушила и крепостной стеной, слившись с ней на южном участке прясла. Тогда-то большая сводчатая бойница в ранее свободной от застройки стене была переделана в башенные ворота, а для связи со вторым ярусом башни в массиве стены с уровня боевого хода была пробита еще одна — теперь уже кирпичная — лестница и коридор. Тогда же была сломана и лобовая стенка боевого хода с бойницами, от которой сохранился лишь небольшой фрагмент да выявленный при исследовании откос одной из разрушенных бойниц. На редкость удачное совмещение нового и уже существовавших объемов наводит на мысль о том, что уже на первом этапе строительства была заложена идея последующей реконструкции и достройки укреплений южного узла.

Некоторое время вновь выстроенная башня сосуществовала со зданием сушила, остававшимся незащищенным валунным массивом, который образует теперь фасады здания. Он появился несколько позднее в качестве дополнительного прясла крепостной стены, приставленного к стенам сушила по периметру его фасадов, ранее открытых для нападения.

В отличие от других прясел новый участок крепости имеет три яруса по высоте, соответственно этажности сушила. Поверху, на обресе валунного массива, устроена, как обычно, обходная галерея с бойницами, внутренним ограждением которой служат стены верхней палаты с выступами угловых лопаток и оконцами, выходящими теперь на стену. В устройстве верхнего яруса заложена возможность совмещения ружейной стрельбы и навесного боя. Простые бойницы с «городчатыми» перемычками чередуются с навесными. По типу машикулей они образуют ряд часто расположенных боевых отверстий, устроенных в нависающем с фасада уступе кладки. Формирование этой части крепости завершилось лишь во второй половине XVII века, во время Соловецкого восстания, когда осажденные монахи, крепя оборону монастыря от царских войск, проводили мероприятия по усилению крепостных стен. Наряду с Квасоваренной башней и восточным пряслом здание сушила тоже приобрело (утраченную теперь) деревянную надстройку, о которой сказано в упоминав-

шейся уже отписке царского воеводы: «... да они же воры от Ануфреева церкви на сушиленной палате нарубили роскат деревянной же ...»³¹.

Все последующие не менее многочисленные переделки связаны с хозяйственным использованием крепостных сооружений. Сушило было объединено с мельницей каменным переходом, в свою очередь подвергшимся позднее крупной перестройке. В связи с введением новой калориферной системы отопления оказался намного поднятым уровень пола в средней палате, в стенах пробиты дымоходы, в подклете сложены новые большие печи. В башне уничтожены древние перекрытия, вместо которых с изменением изначальных отметок были сделаны новые накаты с опорами, загромоздившими интерьеры, переделывался шатер. Перестройке подвергались переходы между пряслами, крепостные ворота, окна и двери в палате, изменены отметки земли. В 1973 году сгорел шатер, восстановленный теперь, с реконструкцией смотровой вышки.

При попытке представить себе Соловецкий монастырь XVI — начала XVII века рисуется картина, отмеченная единством замысла, зрелым мастерством, широтой и независимостью художественного интеллекта его создателей.

Ансамблевой застройке присуща была замечательная цельность при необыкновенном разнообразии и новизне архитектурных образов, упорядоченность планировки при неограниченной свободе и живописности художественной композиции сооружений. Ее индивидуальную особенность составляло широкое и разнообразное использование в архитектуре зданий простого, но сильного мотива аркад и шицтовых завершений, введение в строй величественных храмов множества звонниц, крылец, папертей и переходов, монументальность, простота и строгая выразительность художественного облика сооружений, почти полное отсутствие декора и, наконец, необычное богатство цвета. Особое звучание архитектуре Соловецкого ансамбля придавала цветовая гамма, создаваемая яркой серо-красной фактурой валунно-кирпичных кладок, контрастирующих со сверкающей белизной соборов и их живописных пристроек, оконтуренных темным фигурным абрисом деревянных кровель, крылец и галерей.

Первая половина XVII века отмечена таким же бурным строительством, как и предыдущее столетие. Большой размах в это время приобретает жилое и хозяйственное строительство в монастыре. Возводятся целый ряд каменных палат, келий и хозяйственных корпусов.

Суровое величие первых каменных сооружений смягчается в зданиях XVII века введением в композицию фасадов богатых кирпичных узоров с ярко-красной подкраской декоративных элементов. Для этого времени характерно также широкое использование в конструкции сводов железных связей вместо деревянных.

Одной из уникальных хозяйственных построек монастыря следует считать каменную водяную мельницу, расположенную в южной части монастыря около Белой башни и здания сушила. Это редкий пример древнерусской промышленной архитектуры; другой постройки подобного рода на территории нашей страны не сохранилось. Согласно документам она появилась вскоре после пожара 1601 года, уничтожившего старые «филипповские» мельницы. О них и о новой постройке говорится в документах XVI—XVII веков: «... да Филипп же преподобный начал з братиею горы высококия конати и приводити воды из езер во езера разныя и приведе 72 езера воды во едино

49
Белая башня. XVI в.
Внутренний вид,
бойница

→

50
Прядильная башня.
XVI в. Внутренний вид

→

ил. 55, 56

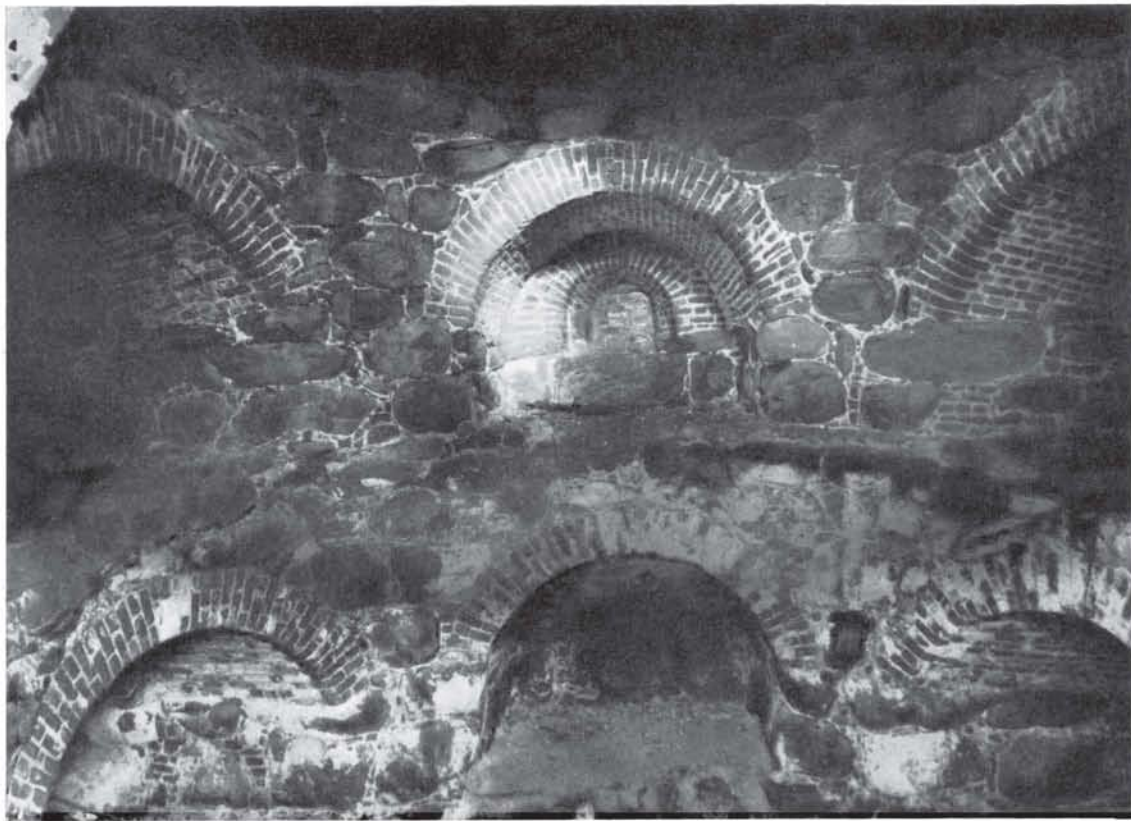
³¹ ЧОИДР, кн. 4, с. 59.

озеро иже бе под монастырем, и ис того озера ров ископа и испусти воду в море сквозе монастырь и ту сотвори две мельницы к монастырскому строению вельми угодны, со всякими мелничными службами <...> ныне же <...> на том месте устроеныя мелницы каменные вельми предивны»³².

Дошедшее до нас здание мельницы включает в себя новый объем XIX века, скрывший северо-восточный фасад древней постройки. Последняя образует теперь юго-западную половину здания. Внутри она разделена на два неравных помещения, которые в описях конца XVII и начала XVIII века названы «анбарами». В одном «анбаре» в «исподнем житье» располагалась мельница с двумя жерновами, в другом — мельница с одним жерновом, «да толчея и подсевальня»³³. Существующая каменная галерея, которая соединяет мельницу с сушилом, судя по ряду сделанных в натуре наблюдений, построена позже самого здания, но в описи 1676 года «переход и лестницы каменные» уже показаны. Галерея архитектурно включена в общий объем здания и объединена с ним одним скатом кровли. Фасады мельницы богато декорированы. Стены венчаются широким фризом, образованным узорчатой выкладкой из простого и профилированного кирпича. Его составляют «городок», «бусины», «сердечки» и такая необычная деталь, как вытянутые по высоте кирпичные консоли под кровлей. Декоративный узор, выложенный из одних и тех же элементов, с разных сторон решен по-разному. С открытой северо-западной стороны он наиболее развит, с противоположной стороны, под галереей, упрощен, на торцовых фасадах он то

³² «Сказание...», л. 240.

³³ Опись 1676 г., л. 586;
Опись 1705 г., л. 309.

повторяет уклон скатов кровли, то обрывается и вкрапливается в виде горизонтальных вставок. Большая насыщенность декором придает зданию необыкновенную нарядность, которая еще больше подчеркивалась красным цветом его деталей, контрастирующим с белизной фасадных плоскостей стен³⁴.

Среди других хозяйственных построек наиболее значительные по объему две большие палаты: Иконописная и Портная — «швальня», расположенные рядом друг с другом у северной крепостной стены. Из них первая, западная, у Корожной башни построена в 1615 году, а вторая в 1642-м. «Две палаты большие, теплые, одна к Николским воротам, а другая к Корожной башне о двух житях с сенми. Одна портная швальня, а другая чеботная»³⁵.

К настоящему времени здание Иконописной палаты вследствие многочисленных переделок приобрело вид стандартной постройки XIX века, в которой трудно угадать теперь интереснейший памятник архитектуры начала XVII века. За время своего существования оно переделывалось под тюрьму, церковь, а в настоящее время

³⁴ Следы подкрасок элементов фасадного декора были обнаружены О. Д. Савицкой и обследованы Г. С. Батхелем. Они были найдены на большинстве построек, датируемых XVII веком. См.: Архив ВПНРК, инв. 88/643.

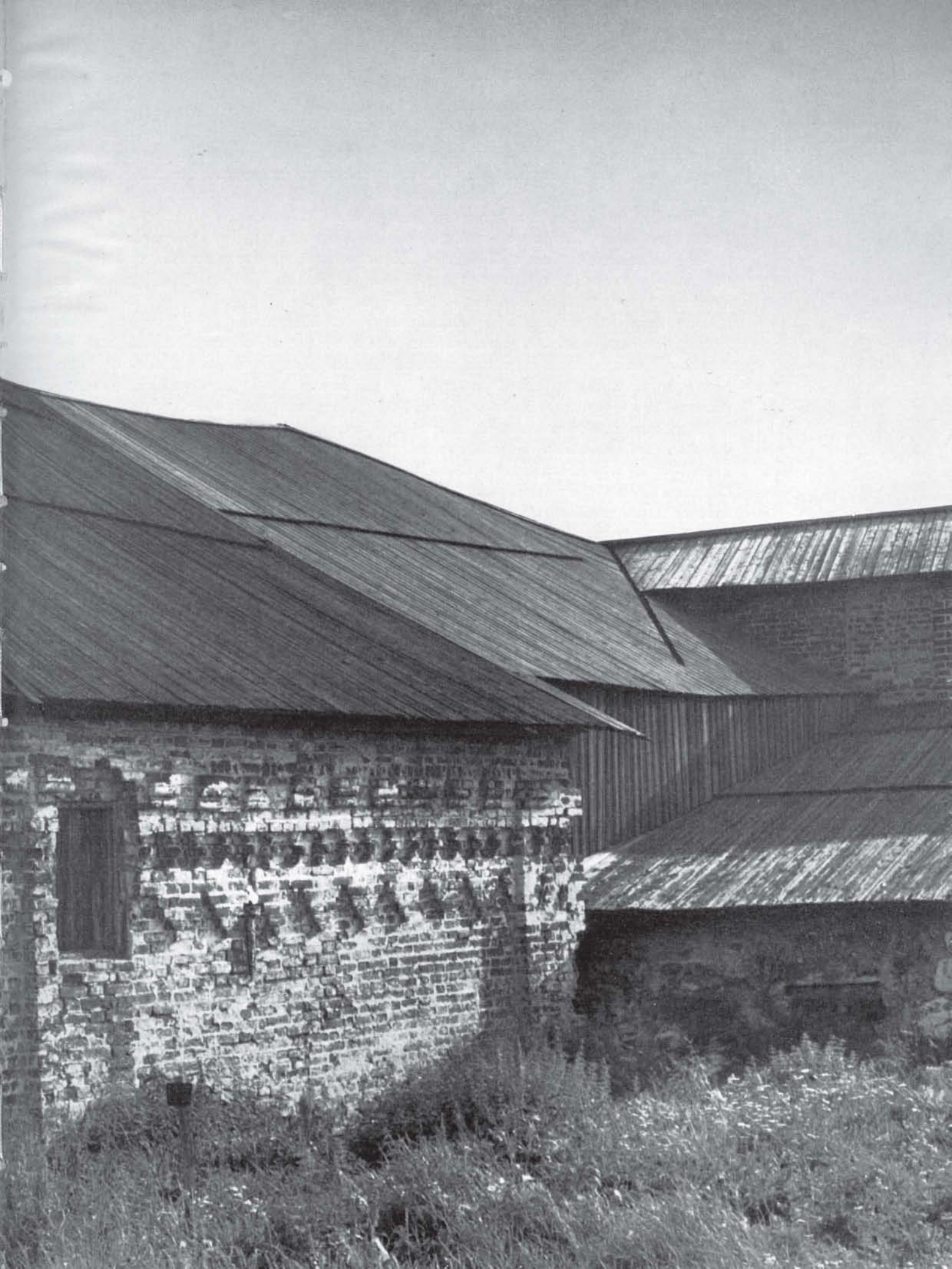
³⁵ Опись 1676 г., л. 577 об.

52
Двор Иристенка. Вид на Поваренную башню

53
Мельница. XVII (?) в. Северо-западный фасад

→

эксплуатируется как административно-хозяйственный и библиотечный корпус. Из литературных источников известно, что сначала это была «большая со сводами, каменная двухэтажная палата, разделенная проходною стеною на две половины, вверху коей были прежде помещены иконописная и сапожная швальня, а внизу белецкая больница и понамарская келья»³⁶.

Такое описание находит подтверждение в описи 1705 года.

Некоторое представление о внешнем облике этого здания дает известная гравюра Ивана и Алексея Зубовых 1744 года. На ней мы видим двухэтажную кубическую постройку с высокой двускатной крышей и двумя рядами арочных окон, разделенных линией узора, такой же линией отделен фронтон³⁷.

Однако, верно передавая общую архитектурно-конструктивную структуру здания, гравюра отнюдь не достоверна в деталях, что стало очевидным из сравнения изображений с оригиналом. Натурными исследованиями были выявлены подлинные фрагменты древних конструкций и декора, что позволило в значительной степени расширить наши представления об этой интереснейшей постройке, сравнить ее с имеющимися изображениями и сделать графическую реконструкцию одного из ее фасадов³⁸. Выяснились система архитектурной композиции фасадов, характер декора, форма и расположение окон.

и.л. 60 Оказалось, что арочные ниши со стороны фасадов имели только верхние окна, которые были окаймлены по верху узкой кирпичной тягой, объединяющей их в общий аркатурный пояс. Неширокую полосу декоративного фриза над окнами образовал пояс из выкрашенных в красный цвет бусин, аналогичных таким же бусинам в завершении фасадов мельницы.

Нижние проемы имели несколько необычное устройство: арочки световых проемов были заглублены в ниши с многоступенчатой прямоугольной перемычкой, заменившей перекрывающий их обычно свод. Такая конструкция внешних оконных амбразур весьма распространена в соловецких постройках XVII века, однако совершенно индивидуальной особенностью описываемой палаты является устройство таких же прямоугольных ступенчатых перемычек не только снаружи, но и в интерьере.

и.л. 63 Вторая палата — Портная — лучше других зданий монастыря сохранила по фасадам первоначальные черты. Однако и здесь грубой растеской окон, которая сильно ослабила конструктивную прочность здания, был совершенно нарушен первоначальный характер интерьеров и изменены фасады.

Здание двухъярусное, имеет простую, почти квадратную форму плана, перекрыто высокой шипцовой крышей. Нижний ярус, где находились раньше караульные Никольских ворот, разделен стеной на два сводчатых помещения, а верхний образован одностолпной сводчатой палатой. Здесь и размещалась портная — «швальня».

Входы располагались в северной стене, обращенной к крепости. В XVII веке деревянную входную часть здания сменили каменные сени. От них к Иконописной палате была пристроена вдоль крепостной стены каменная двухэтажная галерея. И сени и галерея были в свою очередь разобраны, и на их месте выстроен существующий в настоящее время трехэтажный корпус.

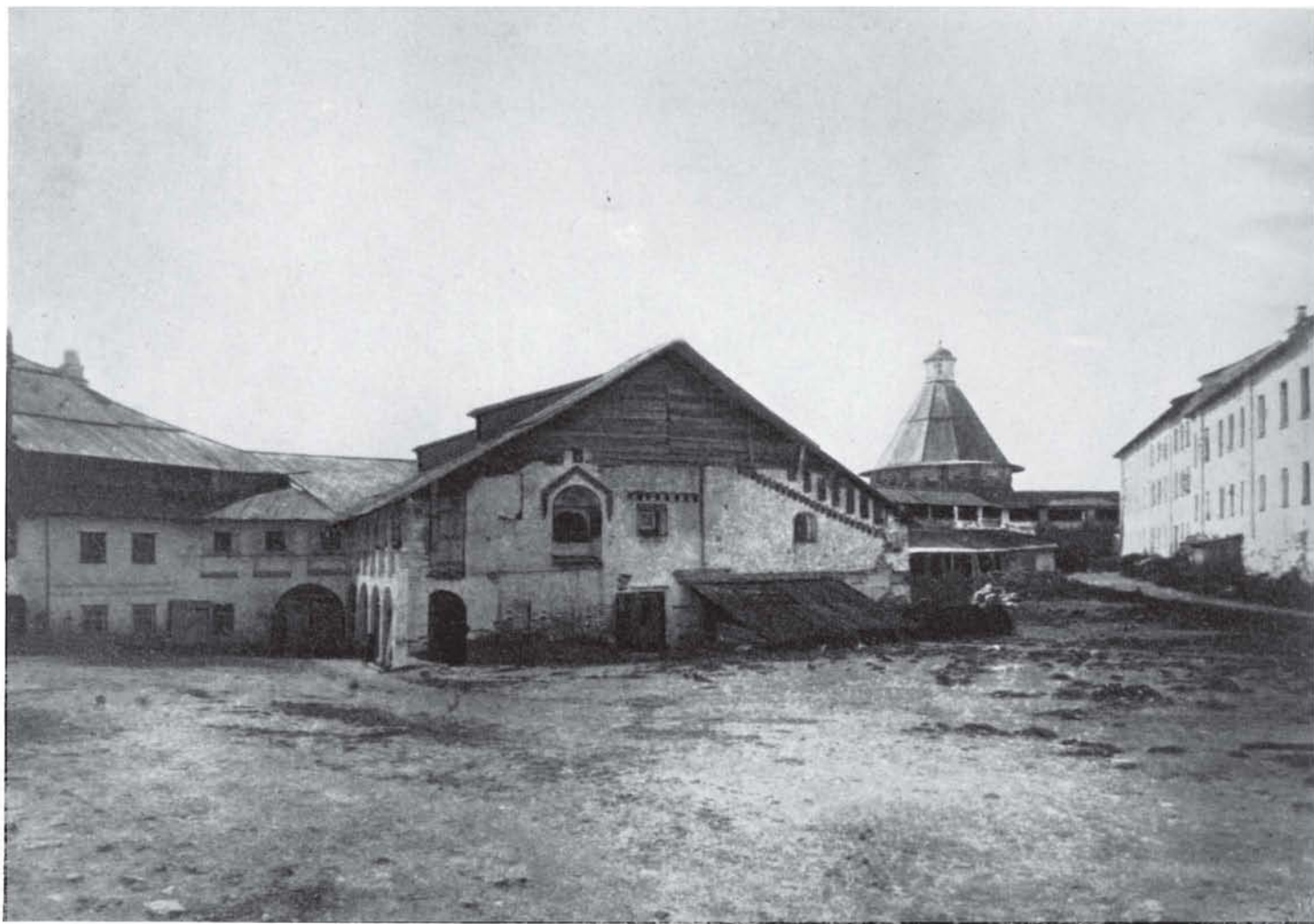
Внешний облик памятника, несмотря на общую строгость композиции, далек от сурового аскетизма первых культовых построек монастыря. Его фасады украшают

³⁶ Досифей архимандрит, Географическое, историческое и статистическое описание. . . , с. 251.

³⁷ См.: Ровинский Д. А. Русские народные картинки, т. 10. Спб., 1893.

³⁸ См.: Савицкая О. Д. Новые данные по иконописной палате и святительскому корпусу Соловецкого монастыря. — В сб.: Реставрация и исследования памятников культуры. М., 1975.

55
Южный двор монастыря.
Вид на мельницу до ее
застройки в XIX в.

широкий кирпичный фриз и узорная междуэтажная тяга. Элемент живописности вносят, как обычно, прерывающиеся лопатки, валунный цоколь и разновеликие проемы окон. Основную тему фасадной композиции составляет простой, но сильно выраженный мотив арочных оконных ниш, расположенных по периметру стен двумя широкими рядами.

Исследования Портной палаты позволили установить наличие здесь новой, не встречавшейся нам раньше конструкции окон³⁹. Оказалось, что они совмещали в себе форму широко распространенных в древних памятниках арочных окон в сводчатых нишах с менее известной формой «колодных» окон. Необычно большое заглубление по фасаду световых проемов способствует их перспективному сокращению, уподобляя окна амбразурам в «печурах» крепостных стен. Те же окна составляли специфику архитектуры интерьера. Внутри они выходили большими массивными деревянными колодами с вставленными в них «слюдяными» оконницами, которые светились как витражи в обрамлении темных рам.

³⁹ Савицкая О. Д. Соловецкий монастырь. Портная палата. Материалы натурного обследования. Архив ВПИРК, инв. 88/735; 1973—1974 гг.

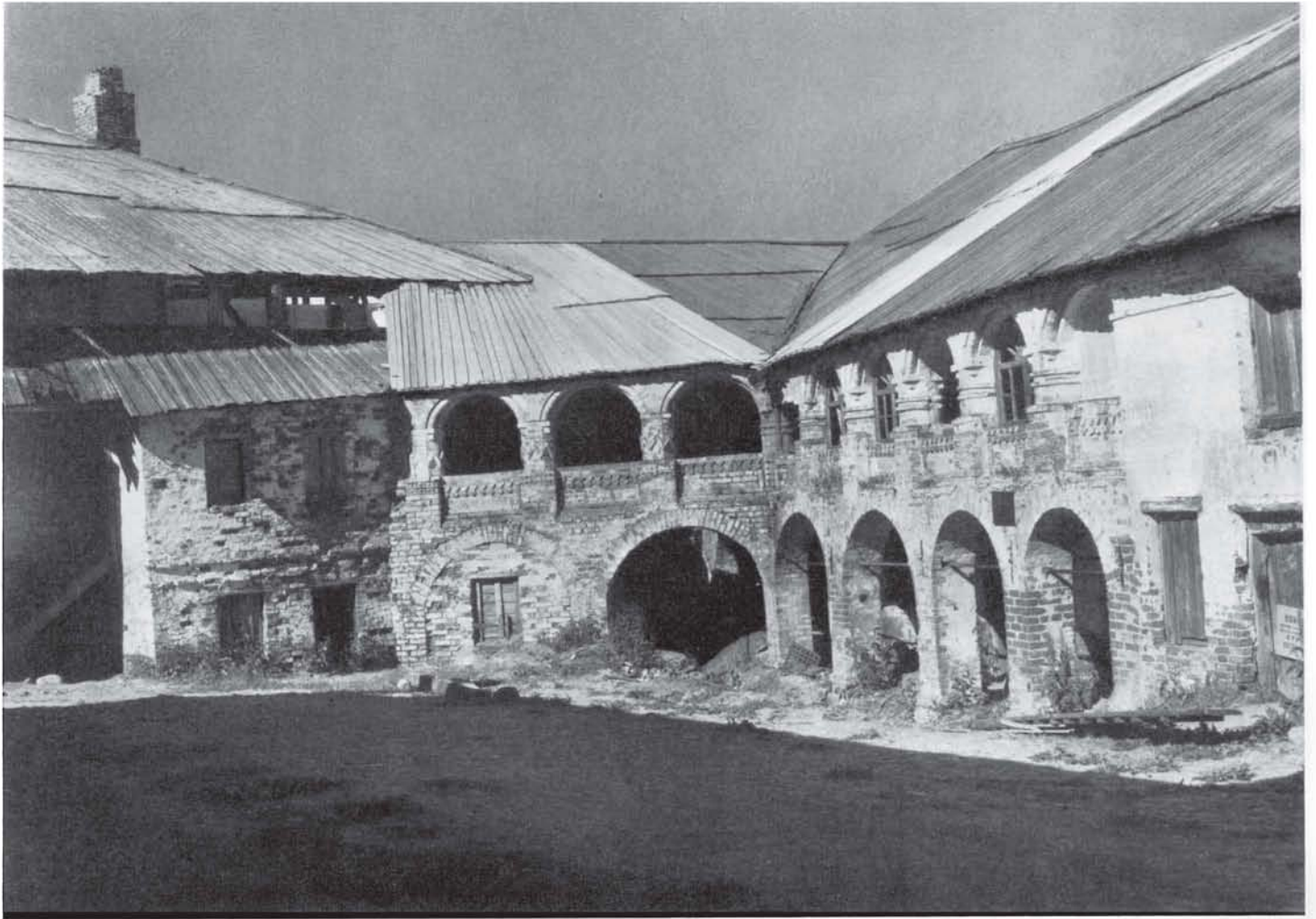

Совершенно неожиданной оказалась здесь и система внутренних затяжек сводов: в дополнение к обычной паре воздушных связей, перекрещивающихся по оси центрального столба, были обнаружены еще три пары. Две из них проходят по краям столба и одна — вдоль северной и южной стены. При этом центральные и пристенные затяжки были деревянными, а те, что проходили по граням столба, — железные.

Портная палата завершает собой круг монументальных хозяйственных построек монастыря, типологически отличающихся от других памятников ансамбля. К ним относятся такие условно названные нами «кубическими» постройки, как описанные уже Сушиленная, Иконописная и не существующая теперь Казенная палаты. Постройки этого типа объединяет компактность внутренней структуры, выраженной в едином, нерасчлененном кубическом объеме с двускатной пощипцовой кровлей и вынесенными наружу лестничными входами или деревянными пристройками сеней.

56

*Южный двор монастыря.
Вид на мельницу*

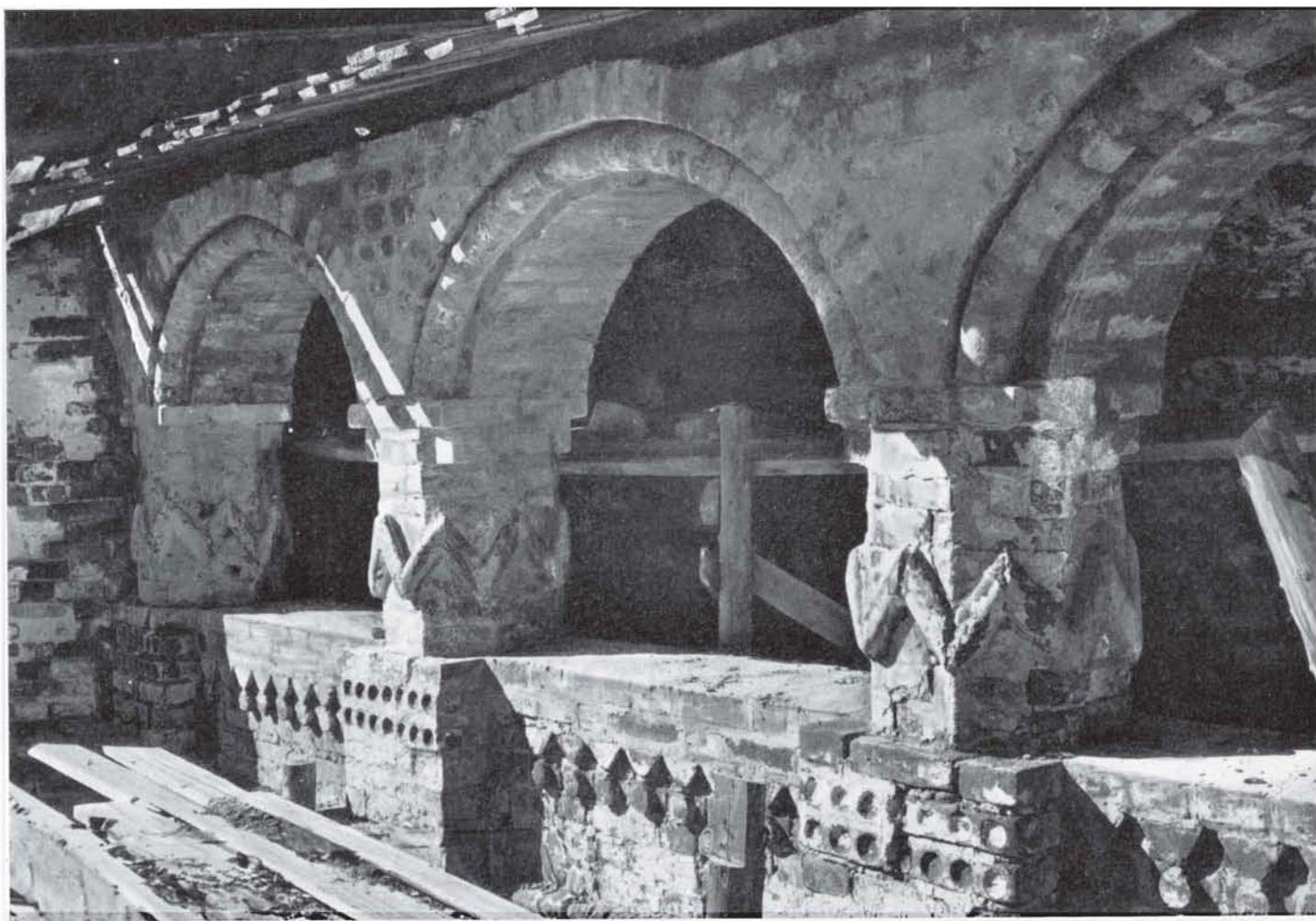

57
Мельница. Галерея

К типологической характеристике дошедших до нас Иконописной и Портной палат XVII века следует прибавить такие признаки, как уклон стен, расположение фронтонов по широкой стороне плана, валунные доколи, перебивка лопаток, наличие горизонтальных междуэтажных тяг и декоративного фриза, отделяющего фронтон, осевая разбивка главного, торцевого фасада.

Эти памятники, дублируя друг друга в общем объемном построении и в особых признаках, выдающих их принадлежность к местной архитектурной школе, представляют тем не менее ряд разновысотных, разноплановых и индивидуальных по художественному воплощению сооружений Соловецкого монастыря. Каждый из них при безусловном сходстве представляет в то же время единственную в своем роде архитектурно-художественную композицию и является носителем только ему одному присущих, неповторимых черт.

Особый круг архитектурных памятников включает в себя периметральная застройка монастыря, возникшая на основе древних, сначала деревянных, а затем каменных

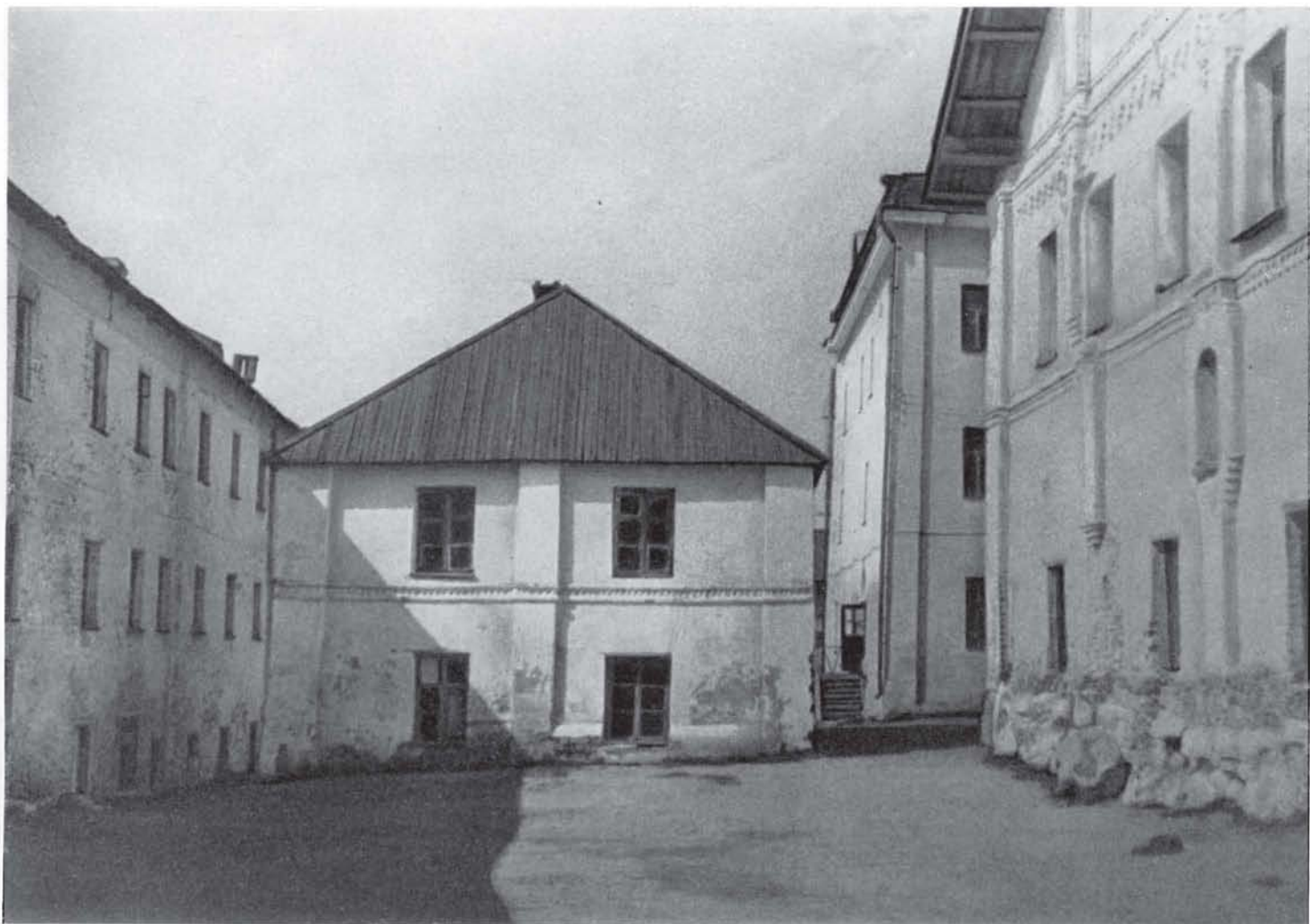
жилых и хозяйственных сооружений, которые часто горели, перестраивались и возводились вновь. Это целый комплекс разновременных и разнохарактерных построек, образовавших внутреннее кольцо стен.

В XVIII—XIX веках все составляющие его древние сооружения были расширены, надстроены, частично сломаны либо разобраны и возведены вновь на старом основании. Внутренняя планировка приведена к общей для всех зданий коридорной системе плана, разновысотные постройки выровнены под одну кровлю, фасады типизированы по стандартному образцу. Это привело к полному нарушению первоначальной объемно-планировочной структуры, утрате подлинного архитектурно-художественного облика древних зданий. Поэтому в своем теперешнем виде рассматриваться как памятники древнерусской архитектуры они, естественно, не могут.

Тем не менее жилая застройка несет в себе богатую историко-научную информацию о постепенной трансформации ансамбля. Она хранит в себе драгоценные фрагменты древних сооружений, позволяющие вскрыть целый пласт первоначальных для своего

58
*Мельница. Фрагмент
верхнего яруса галереи*

ил. 7

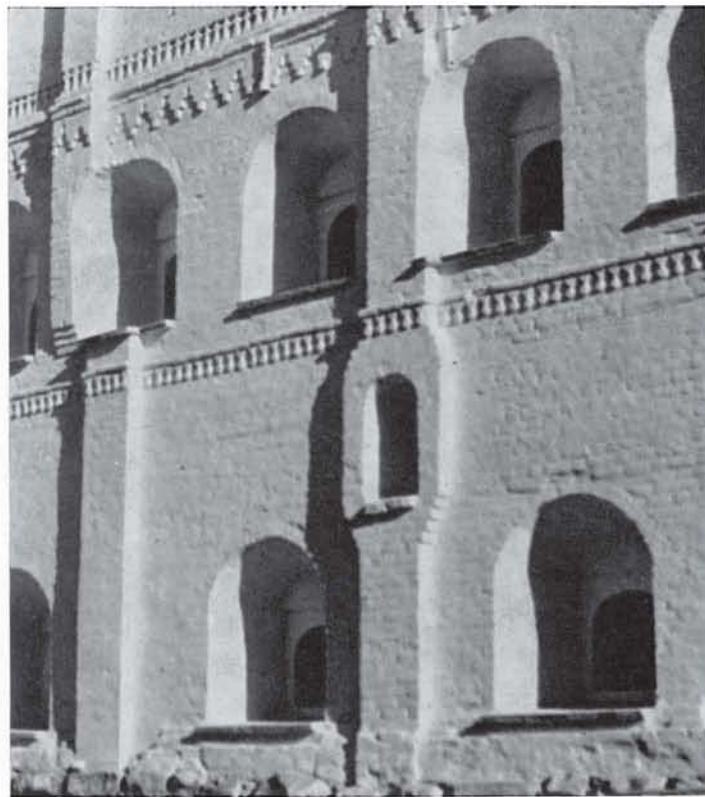

59
*Северный двор монасты-
ря. Вид на застройку
с востока*

круга, редких и высокохудожественных памятников гражданской архитектуры XVII века.

В настоящее время периметральная застройка монастыря представлена рядами связанных между собой или отдельно стоящих корпусов, насчитывающих одиннадцать наименований. Изображения на миниатюре и гравюрах, письменные документы, описи, а также изданные в первой половине прошлого столетия *Летописцы* и описания монастыря дают некоторое представление о древнейшей регламентации помещений, характере и последовательности переделок.

Здания, образующие внутреннее кольцо стен, не имели четкого разграничения на жилые, хозяйственные или тюремные постройки. В каждом из них наряду с жилыми кельями могли размещаться и мастерские, и пороховые погреба, и кладовые, и кельи колодников, и больничные палаты. Так, например, в южном келейном корпусе жили церковнослужители, здесь же была «оловянишная» мастерская, а в нижнем этаже — «три крепчайшие палаты к содержанию колодников».

Периметральная застройка начала формироваться с середины XVI века. К этому времени отнесены упоминавшиеся уже здание поварни с квасоварней, расположенные за Пристенком, в разрыве крепостной стены. Здание понесло большие утраты, так что его древняя основа прослеживается теперь лишь в структуре первого этажа современной постройки.

Судя по свидетельству письменных и графических первоисточников, в этой постройке можно усмотреть редкий пример древнего производственного предприятия. Это комплекс функционально связанных между собой производственных, жилых и подсобных помещений, которые составляли целую «службу», обеспечивающую важнейшую сферу утилитарных нужд монастырского общежития. В нее входили квасоварня, поварня, кельи, погреб. В отличие от компактных «кубических» построек каждое помещение было четко выделено здесь в соответствующей ячейке плана и выражено на фасаде. В комплексе они составляли вытянутую по фронту единую, но разновысотную постройку.

Упоминание о поварнях содержат рукописи XVI века и известная миниатюра Вахрамеевской рукописи⁴⁰. На ней мы видим большую развитую постройку, включающую двое главных отмеченных изображением арочных ворот, производственные помещения и расположенные сверху кельи с деревянным всходом. Примечательна такая явно подчеркнутая деталь, как ряды дымоходов, хорошо аннотирующих постройку.

⁴⁰ Миниатюра, изображающая Соловецкий монастырь. ГИМ. Отд. рукописей. Вахрамеевское собрание, № 71. Выходной лист. Опубликовано в ст.: *Ильин М. А.* О первоначальном виде собора Соловецкого монастыря 1558—1566 годов. — «Сов. археология» 1976, № 1, с. 146—151.

60
Иконописная палата.
1615. Фрагмент южного
фасада

61
Портняжная палата. Фрагмент южного фасада

62
Портняжная палата. 1642
(перестроена в XIX в.)
Внутренний вид. Фрагмент.

С обобщенной графической характеристикой здания согласуются отрывочные упоминания о нем в документах второй половины XVII века, а под 1705 годом приводится и роспись помещений, которая дает некоторое представление о его древней объемной — плановой композиции: «В той службе поварня каменная со своды <...> на сводах тоя поварни две кельи, одна, брацкая, другая труднишная, на тех сводах чюланы брацкие и труднишные <...>. Подле квасопаренную службу поварня каменная со своды <...> у тои поварни две кельи брацкая да мирская, меж ими сени теплые, а меж поварнею и кельями сени ж, те кельи и сени каменные ж со сводами <...> над поваренными кельями на сводах сушило»⁴¹.

Те же источники говорят о существовании второй, но уже «шваленной», то есть портняжной «службы», которая была построена несколько позднее, видимо, где-то в начале XVII столетия: в письменных документах XVI века она не фигурирует, но на миниатюре уже изображена (показана в верхнем конце левого ряда келий в примыкании к поварне, аннотирована надписью «швальня»).

Рисунок не оставляет сомнений в том, что это не типовые кельи с сенями, а обширная, разгороженная «начетверо» постройка, объединяющая в себе совершенно различные по использованию помещения. В натуре древней «шваленной» службе соответствует восточная часть северного корпуса, углом примыкающая к погребу при квасоварне. В нее входит кубический объем Рухлядной палаты и бесстолпное удлиненное по ширине корпуса сводчатое помещение над проездом Спасских ворот,

⁴¹ Опись 1705 г., л. 306, 311.

западная же граница «швальни» пока не выявлена. Памятник этот тем более интересен, что по сравнению с Поварней он гораздо лучше сохранился.

Рухлядная палата в пределах нижних этажей дошла до наших дней почти без изменения. Кардинально изменен только верхний этаж постройки: уничтожено древнее перекрытие, вместо которого сделаны накатные потолки, растесаны окна, перепланирован интерьер, разделенный теперь темным коридором на две половины. Эта часть здания, в отличие от двухъярусной проезжей части, имеет три яруса по высоте: подвал, стены которого выложены из валуна, а в перекрытии вместо сводов — досчатый настил по балкам; нижняя одностолпная палата, перекрытая цилиндрическими сводами на распалубках, и верхний (перестроенный) этаж. Следы древних конструкций и вверху позволяют предполагать одностолпную палату с высокими сводами

63
Портня палата. Южный фасад

на распалубках, пятах которых были сильно подняты над проемами. На северной стороне расположены широкие арочные ворота, к которым вел, как обычно, наружный деревянный вход⁴².

Выразительны и не похожи на другие здания монастыря были фасады памятника. Фрагменты их декоративной обработки сохранились и частично восстановлены на северной стене. Часто расположенные окна верхней палаты, углубленные на фасадах в арочные ниши и объединенные нависающим аркатурным поясом на фигурных гирьках, образовывали широкий перспективный фриз. Как и на большинстве других хозяйственных и жилых построек XVII века, следы покраски были обнаружены и здесь.

Первоначально восточная стена верхней палаты была открыта. Она возвышалась над старым одноэтажным погребом, но в 1801 году последний был надстроен и восточные окна палаты стали выходить в интерьер надстройки. Тогда они и были, видимо, заложены.

С северной стороны на месте входа к верхней палате в XIX веке был пристроен новый сводчатый красной погреб, теперь почти полностью разрушенный. Старый вход был уничтожен, а выходящие на эту сторону окна нижней палаты скрыты за прикладкой стены нового погреба.

На упомянутой выше миниатюре Вахрамеевской рукописи внутренняя периметральная застройка показана уже сформировавшимся комплексом сооружений, образующих второе замкнутое кольцо стен со своими проездами, расположенными против крепостных ворот. Жилые здания показаны здесь сплошной лентой чередующихся больших и малых прямоугольников, объединенных поверху горизонтальной полосой кровли. На каждом большем прямоугольнике тремя точками обозначены окна, а на малых — арочки дверей, над каждой парой прямоугольников по дымоходу. Эти детали рисунка позволяют усматривать в изображении ряды связанных между собой отдельных жилых ячеек, состоящих из келий и сеней. Та же система четко выражена и в описях XVII века, фиксирующих набор помещений, неизменно состоящих из тех же келий и при них сеней. Ряды жилых построек соответственно их ориентации имели свои названия: западный — на участке от южного угла до Святых ворот — «порядок от моря», а от Святых до Рыбных ворот — «игуменский порядок», северный ряд — «кели от города, от Рыбных ворот», восточный — «порядок от озера», южный — «порядок от мельницы». По переписной книге XVII века часть периметральной застройки мы видим еще деревянной — это несколько келий западного ряда и одна только в восточном ряду. Обращает на себя внимание почти полная идентичность в росписи помещений как для деревянных, так и для каменных построек, предполагающая известное сходство и их объемно-плановой композиции. В этом усматривается определенная связь каменной архитектуры с деревянной, традиции которой прослеживаются и на ряде других памятников соловедского ансамбля. В данном случае и деревянные и каменные жилые ячейки включали в себя четырехместную келью с сенями и холодными верхними чуланами, а часто и еще одну, тоже четырехместную «заднюю» келью: «...келья троецкого келаря старца Александра, а другая келья назаде обе деревянные <...> а в той кельи 4 места, в сенех 2 места, в задней кели 4 места, да холодных 4 чулана...» Или: «...келья каменная, другая

⁴² Исследования проводились О. Д. Савицкой в 1962 и 1969 гг.

кели назаде каменная ж, казенная котелная <...> в кели 4 места, в сенех 4 места да в задней кели 4 места, да холодных 4 чюлана...⁴³.

Задняя келья называется иногда «вышкой», что говорит о высотной композиции некоторых из них. Прямых указаний на этажность каменной застройки в документах XVIII века нами не встречено. Исключение составляет только описание шести келий, располагавшихся в южном конце западного ряда. Из текста «переписной книги келий» мы узнаем, что на месте теперешнего Благовещенского корпуса (к югу от Святых ворот) были две гостиные кельи — деревянные на каменных подклетах, а рядом с ними, по сторонам Святых ворот, располагались две каменные двухэтажные кельи. В нижнем этаже одной из них («в исподе») была стрелецкая караульня. Эти сведения дополняет опись 1676 года, по свидетельству которой двухэтажными были еще две деревянные кельи — в «игуменском порядке». Гостиные же кельи показаны уже каменными и названы палатами, как и следующие за ними еще две кельи: «Две полаты гостиные каменные на жилых подклетах, а меж ими двой сени. Подле гостиных полат полата ж служная, а под нею караульная с сенями». В игуменском порядке: «... От Святых ворот полата о дву житьях на жилых подклетах, а подле той полаты [архимандричи] две кельи деревянные о дву житьях, а меж ими двой сени»⁴⁴. От архимандричьих деревянных келий до Рыбных ворот показано девять келий, «да две болиницы каменные», между которыми «сени двой жилые».

В 1688 году к болинице была пристроена не существующая теперь церковь святителя Филиппа с трапезной, освященная в 1690 году. По описи 1705 года: «... Церковь Филиппа <...> теплая с трапезою об одной главе, покрыта тесом, а глава и на олгаре полуглавие обиты чешуею древяною, на главе крест древяной четверокопечной опоян белым железом. Во олгаре ж и в церкви три окна, в них окончины слюдные в железе, решетки железные. Ис той церкви со южную страну двери, в них затвор древяной. Ис церкви ж з западную страну в трапезу двери в них вместо затворов решетка железная. В той трапезе три окна, в них окончины слюдные в железе <...>. Да при церкви Филиппа митрополита Московского з западную страну трапезы болиница каменная со своды, в той болинице три полаты, меж ими сени, а позади чюланы каменные и древяные. Ис той болиницы в трапезу Филипповской церкви ход из болиничных сеней з западную страну. Всего в болинице тридцать два человека монахов скорбных и престарелых...»⁴⁵.

Из этой же описи следует, что к началу XVIII века большая часть жилой застройки была уже двухэтажной: «... Всего в Соловецком монастыре тридцать шесть келей каменных властелинских и брацких, да келей пустых, те все кельи о дву житьях со своды, покрыты тесом под одну кровлю наподобие городской стены, позади тех келей кельи задние от городской стены молитвенные...»⁴⁶.

О внешнем облике каменных построек XVII века можно судить по сохранившимся частям стен с остатками декора и элементами архитектурно-строительных деталей. Лучше других сохранили свою древнюю структуру Святительский и Благовещенский корпуса, образующие юго-западный угол застройки — от новой церкви Филиппа до Надвратной церкви, «болиницы каменные», расположенные в северном конце западного ряда, и северный корпус, включающий в себя «Здание на пороховых погребях» (Наместнический корпус) и Рухлядную палату.

⁴³ Переписная книга каменных и деревянных келий Соловецкого монастыря с записями о продаже келий и мест в кельях. ЦГАДА, ф. Соловецкого монастыря, 1251, опись 1, ед. хр. 455, л. 9 об., л. 125 об.

⁴⁴ Опись 1676 г., л. 576. 577.

⁴⁵ Опись 1705 г., л. 100, 319.

⁴⁶ Опись 1705 г., л. 318 об. Следует отметить, что показанная цифра 36 значительно меньше той, которая получается при подсчете келий по цитированной ранее переписной книге (около 55). Опись 1705 года не

учитывает, по всей вероятности, «пустые» кельи, наличие которых фиксируется в ней без указания количества.

64
*Рутядная палата.
 XVII (?) в. Фрагмент се-
 верной стены в процессе
 реставрации. Выполнена
 по проекту О. Д. Савиц-
 кой. ВИИРК. 1978*

65
*Наместнический корпус.
 XVII—XIX вв. Фрагмент
 южной стены*

Они поставлены на валунные цоколи, фасады расчленены, как обычно, неширокими лопатками и украшены декоративным фризом или простой «тягой». В системе вертикальных членений, разбивающих стены на неравные яруса, усматривается связь с внутренней планировкой древних зданий (кельи-сени).

Своеобразный облик фасадам придавали арочные — или квадратные — «колодные» оконца, утопленные в ниши с «перспективными» ступенчатыми перемычками. О широком и разнообразном использовании в соловедских постройках этой конструкции проемов говорят фрагменты древних окон, найденные при исследовании Святительского и Благовещенского корпусов, больничных келий и Иконописной палаты. Основным элементом декора жилых построек является «городок», «поребрик» и вставки из фигурных кирпичей — треугольники, ромбы, «сердечки». На южном фасаде северного корпуса («Здание на пороховых погребах») в его западной части фриз усложнен рядом часто расположенных мелких нишек над «городком». Следов же подкраски декора, в отличие от большинства соловедских построек XVII века, здесь пока не найдено.

Совершенно необычный прием декоративного оформления фасадов мы находим в здании больничных келий и «служби» у Святых ворот: обрамлением окон здесь служит простая ломаная тяга. Это полувалик, который на уровне половины высоты окон опоясывает стены, делая излом по наружному абрису окон. Последние выходят на фасад прямоугольными нишами с характерными ступенчатыми перемычками.

Описывая жилую застройку монастыря, нельзя не остановиться на последних открытиях, сделанных по упоминавшимся выше Святительскому и Благовещенскому корпусам⁴⁷. Они дают богатый материал для суждения об архитектуре древнерусских жилых и общественных построек, позволяют углубить вопрос генетической связи каменной архитектуры с деревянным зодчеством, выявить местные особенности и установить последовательность и характер переделок, которым они подвергались на протяжении столетий.

При исследовании была выделена древняя основа зданий, обнаружены следы утраченных частей памятников и прежде скрытые детали конструкций и декора. Оказалось, что юго-западный угол внутреннего кольца сооружений от двухэтажной части Святительского корпуса до Святых ворот образовывала однорядная разновысотная застройка, в которой четко прослеживается система повторяющихся ячеек, зафиксированная в письменных и графических первоисточниках.

На месте Святительского корпуса ее составляли собственно кельи с двойными сенями — «передними», расположенными в одном ряду, и «задними», выступавшими в сторону крепостных стен подобно сильно вынесенным ризалитам. Кельи представляли собой довольно обширные сводчатые помещения (площадью свыше 20 кв. м), в большинстве случаев они имели квадратную форму плана.

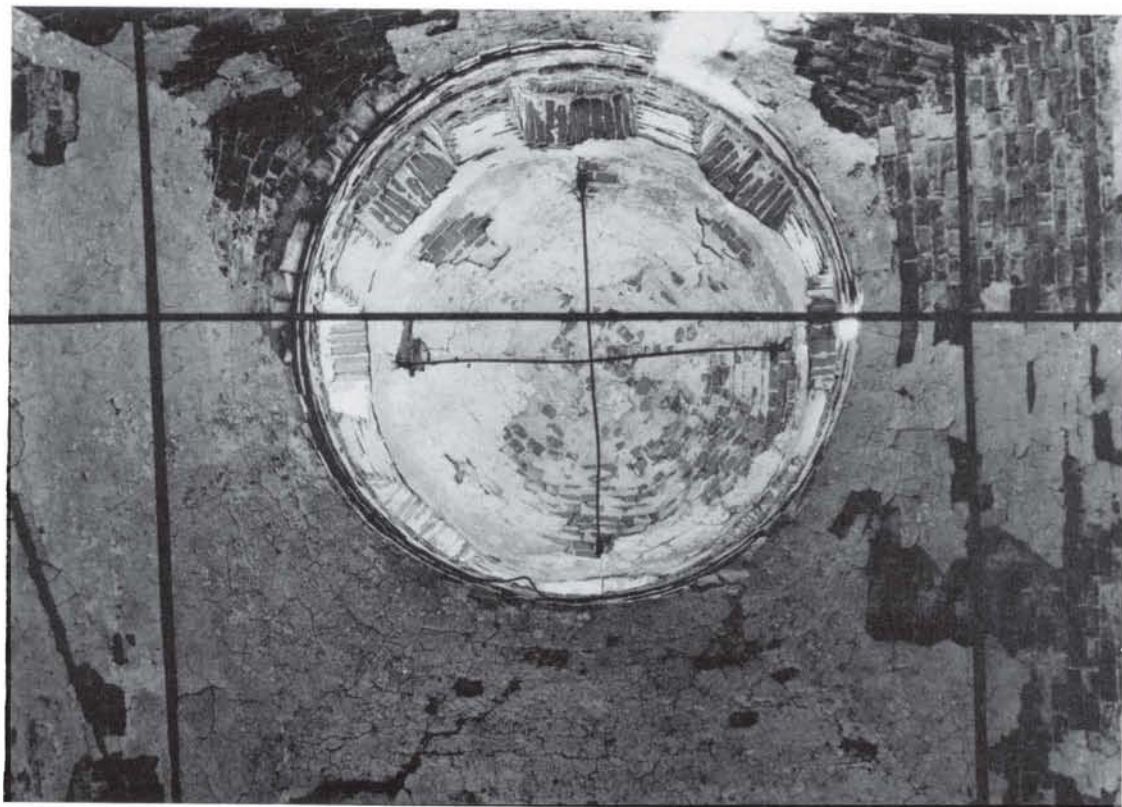
Внутренняя структура древней постройки отчетливо выражена, как обычно, и на фасаде. Торцы поперечных стен отмечены лопатками, а понижению полов и сводов в интерьере сопутствует ступенчатое расположение окон и горизонтальных тяг. Характерно и выделение главных, выходящих на центральный двор фасадов, которые были украшены кирпичными узорами и подкраской. Определяющей деталью архитектурной композиции фасадов являлись неровные ряды глубоко посаженных «перспективных» окон, которые вместе с нависающими или заглубленными декоративными фризами создавали богатую игру светотени.

Особый интерес представляет Благовещенский корпус, являющийся уникальным памятником XVI (?) — XVII веков, дошедшим до нас в интерпретации XIX столетия.

Оказалось, что упоминаемые в письменных первоисточниках старые «гостинные» кельи и караульня, которые вместе с еще одной выявленной ячейкой плана (в южном конце западного ряда зданий) были включены в объем современного корпуса, представляют комплекс разновременных и разнохарактерных, но конструктивно связанных между собой построек. Они образовывали единое многообъемное сооружение, отличающееся живописной композицией богато декорированных фасадов.

Гостинные кельи (или палаты), образующие среднюю часть Благовещенского корпуса, являются вставкой между двумя существовавшими уже каменными сооружениями в углах застройки. Первоначально они венчались многоскатным покрытием по трем щипцам, следы которых прослежены на внешней поверхности наружной стены. (Оно изображено и на некоторых гравюрах). Главный фасад памятника был богато декорирован широкой полосой междуэтажного фриза из «городков» и «поребрика», а по щипцам, подобно всяческой бахrome, проходил узор кирпичной тяги, образованной опущенными вниз вершинами треугольниками с подвешенными к ним ромбами. Помимо традиционной подкраски деталей на фасаде обнаружены остатки орнамен-

⁴⁷ Исследования О. Д. Савицкой и В. В. Сошина 1977—1978 гг. Архив ВПНРК, инв. 88/1003.

тальной росписи — кресты в кругах. Ими, судя по всему, были отмечены заложенные теперь входы, к которым вело деревянное крыльцо.

Двухэтажная каменная караульня, образующая северный конец застройки в примыкании к надвратной церкви представляет собой самостоятельную, предшествующую, как уже сказано, Гостиным палатам постройку, которая отличается от них и по плану и по декорации фасадов. В нижнем этаже это большая удлиненная по поперечной оси корпуса сводчатая палата с сенями, расположенными на южной стороне. Фасады украшены простыми городчатыми узорами, проходящими между этажами и в подкровельной части стен. Окна были обрамлены ломаной тягой, как на знакомой нам уже Больничной палате.

Некоторые признаки говорят о том, что дошедшая до нас старая караульня, датируемая XVII веком, возникла на основе еще более ранней тоже каменной, но неизвестной нам постройки. Ее фрагменты (фундаменты и западную стену) можно проследить в объеме выявленной Карауленной палаты.

Как любое из сооружений Соловецкого ансамбля, каждый вновь открытый памятник несет в себе ту или иную индивидуальную особенность. Для южных келий это окна, которые, в отличие от всех известных вариантов одних и тех же «колодных» окон, были утоплены изнутри в неглубокие растянутые нишки. Для Гостиных палат характерна такая совершенно необычная деталь, как висячие в вершинах шипцов лопатки, которые их перерезают.

68
*Никольская церковь.
Внутренний вид*

69
*Церковь Филиппа-митро-
полита. 1798. Южный
фасад*

→

В целом памятник является носителем специфических черт Соловецкой архитектуры, еще раз подтверждая ее традиционность и определенную преемственность. К типологическим признакам местной архитектурной школы можно отнести такие детали, как форма окон со ступенчатыми перемычками, щипцовые покрытия, ломаные тяги в обрамлении окон, подкраска деталей, своеобразный мотив узора из треугольников и ромбов (или кругов).

Строительная история Благовещенского корпуса свидетельствует о том, что жилая застройка монастыря никогда не была стабильной. Она стала трансформироваться, видимо, уже с начала XVII столетия в связи с постепенной заменой деревянных зданий каменными и последующими изменениями. В допетровское время всякая переделка, влекущая за собой частичную или полную утрату ранее существовавшей постройки, сопровождалась созданием новых, единственных в своем роде архитектурных ценностей. Перестройки XVIII века, носившие чисто утилитарный характер, касались отдельных элементов зданий и, как правило, не нарушали общего архи-

тектурно-художественного замысла сооружения. В XIX веке переделки сопровождалась нарочитым «исправлением» архитектуры. Оно заключалось в искусственном наложении правильной геометричной сетки на живописную, не поддающуюся классической логике схему фасадной композиции, в урегулировании планов старых зданий с приданием им компактной формы. Это достигалось безжалостным уничтожением древнего декора, смещением окон и дверей и внутренней перепланировкой.

Целый ряд построек внутреннего кольца стен возник в результате нового строительства XVIII — первой половины XIX века. Так, например, Настоятельский корпус (теперь музей) появился на месте игуменских, сначала деревянных, а затем каменных келий первой половины XVIII века в результате их кардинальной переделки в начале XIX столетия.

В период с конца XVIII до середины XIX века на месте старых келий и хозяйственных построек были выстроены новые корпуса, образующие теперь восточный ряд. С севера на юг это упоминавшиеся уже поварня с квасоварней (подверглись не менее чем шестикратной перестройке), здание общей трапезной на погребах, Просфорный, Новобратский, Прачечный корпуса, часть келейной застройки начала XIX века включена в объем нового Троицкого собора.

С середины XVII века в связи с десятилетней осадой и последующим разорением монастыря строительная деятельность в нем прерывается почти на целое столетие.

11
Троицкий собор. Внутренний вид

О возведении сколько-нибудь значительного сооружения неизвестно вплоть до конца XVIII — середины XIX века, когда история монастыря была отмечена новым строительным подъемом.

Сооружения конца XVIII века и последующего времени, воспринявшие черты общего технического прогресса, утрачивают самобытность и выразительность, присущую древним сооружениям ансамбля. Грандиозные по своему объему, достаточно совершенные по исполнению, они носят подражательный характер, превращаясь в далекие и разнохарактерные отголоски столичной архитектуры.

Известно, что начиная с середины XVIII века формирование нового стиля в искусстве, связанного с петровскими преобразованиями, привело к коренной ломке национальных традиций. Русские города и монастыри, втянутые в сферу общегосударственного централизованного строительства, постепенно утрачивают местный колорит. С этого же времени начинается повсеместная переделка сооружений древнерусского зодчества на новый лад, определенный тенденциями столичной архитектуры. В Соловецком монастыре в конце XVIII — начале XIX века на месте древних сооружений возникают новые фундаментальные здания, совершенно изменившие характер древней ансамблевой застройки.

Строится новая грандиозная колокольня вместо старой трехшатровой звонницы. На месте древней разобранной Никольской церкви сооружаются новый одноименный храм и ризница, возводится вновь на новом месте больничная Филипповская церковь.

В то же время надстраивают и перестраивают переходы, объединяющие сооружения центрального комплекса застройки. На месте Зосимо-Савватиевского придела Спасо-Преображенского собора с расположенными за ними кельями возникает новый громадный объем Троицкого собора.

ил. 9, 18

Колокольня, построенная в 1777 году, доминирует в ансамбле по высоте. Однако дробность декоративной обработки, отсутствие четкости в архитектурном построении фасадов, непропорционально мелкое венчание лишает здание той монументальности, которая отличает древние сооружения монастыря. Колокольня выстроена в три яруса по высоте на высоком валунном постаменте, включившем в себя основание древней звонницы. Она увенчана куполообразной кровлей с декоративной надстройкой под небольшую луковичную главку со шпилем. Стены ярусов звона прорезаны высокими арочными проемами. Вверху устроена обходная галерея в арках, которые вместе со столбами ограждения образуют род контрфорсов.

Венчающий карниз ломается над барочными окнами-люкарнами, выше которых в своде устроен второй ряд слуховых окон. Фасады обогащены простыми и рустованными пилястрами, профилированными филеями, промежуточными карнизами и тягами. Декоративные филеи на глухих стенах первого яруса повторяют древнюю форму оконных наличников. Декор усложняется по высоте.

Привнесение и механическое смешение в новой высотной-ярусной композиции фасадов черт, присущих древнерусской архитектуре и постройкам Петровского времени свидетельствуют об известном провинциализме ее архитектуры.

Никольская церковь и новая ризничная палата, конструктивно связанные между собой в один объем, сооружены в 1831—1833 годах. Собственно храм высоко поднят над землей, поставлен на свод Ризничной палаты, усиленный под ее стенами двумя подпружными арками. Вход в нее был устроен на высоте со свода ризницы.

ил. 67, 68

Церковь бесстолпная, пятиглавая, с сомкнутым сводом в перекрытии. Алтарная часть включена в общий объем, пространственно она выделена в интерьере широкой аркой, которой на фасаде отвечает вертикальное членение лопаткой.

Ризница представляет собой обширную палату с высокими окнами в южной стене, свободной от застройки. Помещение перекрыто плоским трехцентровым сводом с распалубками над окнами; с трех сторон, кроме южной, палату окружают переходы и подсобные помещения. Здание поставлено на подклет, в структуре которого прослеживаются фрагменты старых конструкций.

Смелость и свобода конструктивного решения такого сложного объема совмещается здесь с упрощенностью художественного образа. Внешний облик здания очень прост. Гладкие поверхности стен кубического объема церкви с высокими арочными окнами увенчаны стандартным для соловедских памятников этого времени карнизом, углы отмечены пилястрами; фасады разнообразятся только наличниками окон.

ил. 69

В 1798—1799 годах вместо старой больничной церкви строится церковь Филиппа Митрополита на новом месте в южной части монастыря, против Преображенского собора. Первоначально она имела типичную для культового зодчества первой половины XVIII века высотную-ярусную композицию, от которой сохранился только четверик первого яруса и основание выше лежащего восьмерика. Алтарная часть выне-

сена в прямоугольную пристройку, а с запада примыкает «трапезная» часть, перекрытая деревянной конструкцией ложного подвешного свода. Основным мотивом внешнего оформления являются пилястры, поддерживающие развитый карниз, и расположенные между ними высокие арочные окна и круглые люкарны второго света, как и в Никольской церкви.

Последним монументальным сооружением на территории монастыря явился Троицко-Зосимо-Савватиевский собор, имевший три престола: Святой Троицы, Преподобных Зосимы и Савватия и Александра Невского. Он возник в 1859 году в результате многократного расширения старой придельной церкви Спасо-Преображенского собора. Занимает восточный объем центрального комплекса застройки, выступающий к крепостной стене.

Здание представляет собой простой кубический объем, венчавшийся раньше одной главой на световом круглом барабане. Выстроено на подклете с проездом. Трехчастная алтарная пристройка включена в общий объем здания, одинакова с ним по высоте, снаружи ничем не выражена, кроме небольшого выступа средней части. Фасады предельно упрощены. Внутреннее пространство храма разделено четырьмя прямоугольными столбами, между которыми перекинута подпружные арки. Перекрытие — в виде крестовых сводов. Фасады здания не представляют интереса с точки зрения художественной ценности, интерьер же производит впечатление своим масштабом. Церкви Филиппа Митрополита, Никольская с ризницей и колокольня составляют последнюю группу памятников, которые еще несут в себе местный, индивидуальный колорит, определяющий архитектуру ансамбля на последнем, завершающем этапе. Вся позднейшая застройка монастыря была направлена на обеспечение внутреннего благоустройства и комфорта, потребовавших кардинальной переделки и перекраивания старых зданий. Соловецкий монастырь постигла общая судьба многих древних ансамблей на Руси. Поздняя застройка XIX века поглотила истинные шедевры подлинно народного зодчества, не дав ничего равноценного взамен.

Реставрационно-восстановительные работы в СССР, широко развернувшиеся в послевоенный период, открывают все новые и новые страницы из истории древней архитектуры на Руси. Отдельные здания и ансамбли, возрожденные в своей неповторимой красоте, вновь приобретают для нас непреходящее значение как драгоценные памятники отечественной культуры и искусства.

Нет сомнения, что и Соловецкий монастырь обретет свое подлинное архитектурное лицо и откроются сокровища, которые завещало нам наше прошлое.

